ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ

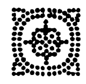
ИЗДАНІЕ М. ДИДКОВСКАГО

Юрій Галич

ЮРІЙ ГАЛИЧЪ

ЗОЛОТЫЕ КОРАБЛИ

СКИТАНІЯ



ИЗДАНІЕ М. ДИДКОВСКАГО — РИГА

Эта книга напечатана
въ типографіи А. Нитавскаго,
Рига, ул. Меркеля 6.

1927.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Глава первая, начинающаяся аметистами дымчатыхъ сопокъ въ бронзовой оправѣ заката.

Прологъ.

Три года пролетѣли, словно мгновенье...

Какъ будто только вчера, послѣ восьмидесятидневнаго плаванія по океанамъ, „Томскъ“ бросилъ якорь въ бухтѣ Золотого Рога и аметисты дымчатыхъ сопокъ заголубѣли для меня впервые въ приморскомъ небѣ.

Въ моемъ дневникѣ стоитъ число: девятнадцатое іюля тысяча девятьсотъ девятнадцатаго года.

Въ этотъ день, разставшись съ палубой, каютъ-кампаніей и трюмомъ маленькаго „добровольца“, перенесшаго меня изъ Константинополя къ далекимъ берегамъ Тихаго океана, я ступилъ впервые на приморскую почву и окунулся въ трепещущую жизнь невѣдомаго и таинственнаго города...

Бѣлая сибирская эпопея только переворачивала свои первыя трагическія страницы и борьба за обладаніе Омскомъ являлась очередною главой.

Верховный Правитель, адмиралъ Колчакъ, продолжалъ находиться въ омской ставкѣ, истощаясь въ усиліяхъ по созданію новыхъ формированій, организаціи тыла, поддержанію государственнаго порядка на подвластной ему территоріи.

Усилія эти не увѣнчались успѣхомъ.

Но лишь съ паденіемъ Омска, послѣдовав-

шимъ четырнадцатаго ноября, событія приняли катастрофическій оборотъ.

Армія, подъ натискомъ насѣдающаго противника, терзаемая съ фланговъ красными партизанами, встрѣчая въ тылу предательство и измѣну, неудержимо катилась на востокъ. Связанная по рукамъ и ногамъ бѣженцами, семьями и обозами, утратившая общее руководство, агонизирующая армія, въ безпорядкѣ, отходила къ Читѣ, оставляя на своемъ трехтысячеверстномъ пути тяжело раненыхъ, больныхъ и отставшихъ.

Поѣздъ Верховнаго Правителя, съ золотымъ государственнымъ запасомъ и десяткомъ союзныхъ миссій, съ генераломъ Жанненомъ во главѣ, безпомощно метался между Нижнеудинскомъ и Иркутскомъ, не будучи въ состояніи выскочить изъ западни.

Красный потокъ заливалъ всю Сибирь.

И только одинъ лишь Владивостокъ, съ клочкомъ Приморья, какъ островокъ среди моря, содрогаясь отъ ударовъ взбаламученныхъ волнъ, держался до послѣдняго времени, сохраняя, благодаря интервентамъ, самостоятельное существованіе.

Правда, и онъ не избѣгъ цѣлаго ряда своеобразныхъ формъ управленія, выраженныхъ оттѣнками политическихъ красокъ, отъ бѣлаго до яркорозоваго.

Вся исторія Приморья этихъ революціонныхъ дней состояла, вообще, изъ замаскированной игры международныхъ интервентовъ, главнымъ образомъ — японцевъ, американцевъ и англичанъ, изъ острой партійной борьбы, изъ перманентныхъ переворотовъ, чередовавшихся въ строгой послѣдовательности.

Эту исторію я вспоминаю до мельчайшихъ подробностей, со всѣми частичными эпизодами, начиная съ того снѣжнаго ноябрьскаго дня 1919 года, когда бунтъ чешско-русскаго генерала

Гайды началъ собою цѣпь дальнѣйшихъ приморскихъ событій.

А между тѣмъ, три быстротечныхъ года уже позади. Три безпокойныхъ, тревожныхъ года, калейдоскопъ невѣроятныхъ впечатлѣній, фактовъ, наблюденій.

Я не пытаюсь ихъ сейчасъ передавать. Это составило бы цѣлый томъ воспоминаній.

Я начинаю свою повѣсть съ момента возвращенія въ Европу, со дня новыхъ скитаній по океаническимъ волнамъ.

Это будетъ моя тропическая одиссея...

Финалъ бѣлой драмы.

Послѣдній актъ дальневосточной драмы подходилъ къ концу. Дни Земскаго Края были сочтены.

Правитель Края и Воевода Земской Рати, генералъ Дитерихсъ, съ остатками растрепанныхъ подъ Спасскомъ „каппелевскихъ частей“, отходилъ къ Посьету.

Флотъ, подъ командой адмирала Старка, въ составѣ двухъ-трехъ миноносцевъ и нѣсколькихъ судовъ берегового типа, лихорадочно грузился водою, углемъ, провіантомъ. Приготовленія къ эвакуаціи шли полнымъ ходомъ.

Партизаны и разъѣзды Нарреварміи подходили къ Седанкѣ.

Торговля прекратилась и магазины, съ трескомъ, запирались металлическими ставнями. Забастовала электрическая станція. Водопроводъ не дѣйствовалъ. Кругомъ стояли караулы — японцы, офицерскіе пикеты. Хмурые, озабоченные люди бродили по Свѣтланкѣ.

Городъ переживалъ тревожные часы.

А вечеромъ, квартирная хозяйка шептала мнѣ прерывистымъ и задыхающимся голосомъ:

— Мейнъ Готтъ!.. Мейнъ либеръ Готтъ!.. Взгляните, экселленца, большевики уже зажгли базаръ!

Я вышелъ изъ дому и подошелъ къ толпѣ, стоявшей у воротъ.

Дѣйствительно, въ какой-нибудь полуверстѣ отъ Набережной, огромный снопъ кроваво-желтаго огня, вздымаясь къ небу, пылалъ въ вечерней мглѣ. Летѣли брызги искръ. На яркомъ фонѣ пламени, какъ маленькія точки, суетились люди. Четко чернѣли пушки Безымянной батареи.

Конечно, это оказалось сущимъ вздоромъ. Горѣла по просту какая-то китайская кумирня на Семеновскомъ базарѣ и большевики тутъ были ни причемъ.

Однако, паническое настроеніе усиливалось съ каждымъ часомъ.

Слухи, какъ черныя скользкія змѣи, ползли по городу со всѣхъ сторонъ. Разстроенное воображеніе обывателя рисовало зловѣщія картины. Кто-то принялъ взводъ уссурійскихъ казаковъ за красную кавалерію, якобы уже вступавшую въ городъ. Другой сообщалъ шопотомъ о предательствѣ каппелевскихъ частей и поголовной рѣзнѣ офицеровъ. Раздающіеся, то тамъ, то здѣсь, одиночные ружейные выстрѣлы сгущаютъ тревожную обстановку.

Правительственный аппаратъ бездѣйствовалъ и временная власть переходила въ руки комитета городской думы. Члены правительства, политическіе дѣятели, зажиточные и всѣ, сколько нибудь состоятельные горожане, покидали городъ, растекаясь по тремъ направленіямъ — въ Шанхай, въ Токіо и въ Харбинъ. Впрочемъ, желѣзнодорожный путь уже находился подъ ударомъ, и попасть въ Харбинъ можно было лишь длиннымъ кружнымъ путемъ, черезъ Фузанъ.

Стоящіе въ порту японскіе и англійскіе пароходы совершаютъ послѣдній рейсъ. Съ уходомъ ихъ прекращается всякое сообщеніе.

Я не колеблюсь ни одной минуты, принимаю опредѣленное рѣшеніе и завтра покидаю Владивостокъ...

Кто пускается въ большое плаваніе, для того вопросъ о паспортѣ и визахъ играетъ значительную роль.

Прошло то время, когда въ связи съ эвакуаціей на родину чешскихъ, нѣмецкихъ, польскихъ, сербскихъ, венгерскихъ и румынскихъ контингентовъ, съ эвакуаціей латышскихъ полковъ „Иманта" и „Троицкаго" можно было, безъ особаго труда, принять, при желаніи, любое подданство и, съ тою же легкостью, получить всѣ требуемыя визы.

Теперь этотъ вопросъ серьезно осложнялся.

Въ моемъ распоряженіи имѣлся только паспортъ, прекращавшаго свое существованіе, правительства Земскаго Края. Паспортъ, по внѣшнему виду, весьма напоминавшій бывшій царскій, съ тою особенностью, что вмѣсто двуглаваго орла, на титульномъ листѣ, стояла скромная демократическая „курица". Подобный паспортъ едва-ли могъ считаться вполнѣ надежнымъ документомъ.

Въ англійскомъ и японскомъ консульствѣ мнѣ дали это очень хорошо понять. Латвійскій консулъ, на предоставленной аудіенціи, безпомощно развелъ руками, сослался на распоряженіе своего правительства и отказалъ въ латышской визѣ:

— При всемъ желаніи, ничего не могу сдѣлать!

Эстонскій консулъ, состоявшій одновременно директоромъ городской пастеровской станціи, былъ болѣе самостояteленъ. Какъ врачъ, онъ оказался вдобавокъ сердобольнымъ человѣкомъ. Безпомощность моего положенія вызвала съ его стороны сочувствіе.

Отстранивъ стоявшую колбу съ ядовитыми бациллами, эстонскій консулъ просмотрѣлъ паспортъ, побарабанилъ по столу пальцами и задумался. Въ концѣ концовъ, согласился предоставить мнѣ конечную визу до Ревеля, съ однимъ условіемъ:

— Не ѣхать въ Ревель!.. Надѣюсь, вы меня не подведете?

Я далъ торжественное обѣщаніе и, для убѣдительности, осѣнилъ себя крестомъ.

Главнѣйшее препятствіе устранено.

Полученіе транзитныхъ — латвійской, китайской и нѣмецкой визъ, заняло остатокъ дня и произвело расходъ въ пятнадцать іенъ. Причемъ, съ нѣмцами можно было даже торговаться.

Прощальный вечеръ посвященъ визитамъ.

Командармъ Болдыревъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Свѣтланка переходитъ въ Гнилой Уголъ, стоитъ въ полугорѣ уютный особнякъ.

Въ столовой, за накрытымъ къ ужину столомъ, сидитъ, въ своей обычной сѣрой тройкѣ, бывшій командармъ и членъ уфимской Директоріи, генералъ Василій Георгіевичъ Болдыревъ, нынѣ — товарищъ предсѣдателя распущеннаго Народнаго Собранія и лидеръ демократическаго центра.

За послѣднее время онъ располнѣлъ, исчезли оспенные знаки на скуластомъ лицѣ, бородка подстрижена клинушкомъ. Но узкія глазныя щелки сохранились тѣ же, что и двадцать лѣтъ назадъ, съ чина штабсъ-капитана топографическаго корпуса, со дней одновременнаго съ нимъ пребыванія на академической скамьѣ...

Съ разгономъ уфимской Директоріи и образованіемъ правительства адмирала Колчака, Василій Георгіевичъ былъ, какъ извѣстно, принужденъ покинуть постъ главнокомандующаго народной арміей.

Безъ всякаго сомнѣнія, онъ имѣлъ возможность занять, въ ближайшемъ будущемъ, аналогичную должность въ составѣ новаго омскаго правительства. Адмиралъ Колчакъ опредѣленно желалъ видѣть его въ числѣ своихъ сотрудниковъ.

Но не раздѣляя политики омскихъ круговъ и одновременно изъ солидарности съ бывшими членами Директоріи, по отношенію къ которымъ омскимъ правительствомъ не было проявлено особой предупредительности, Василій Георгіевичъ отказался отъ сдѣланныхъ ему предложеній и выѣхалъ въ Японію, въ Камакуру.

Слѣдя оттуда за перипетіями гражданской войны, сохранивъ оппозиціонное отношеніе къ омской власти, онъ прибылъ въ Владивостокъ лишь въ концѣ 1919 года, когда исходъ борьбы уже не вызывалъ сомнѣній.

Онъ прибылъ съ опредѣленною задачей, которую, при первомъ же свиданіи, въ гостиницѣ Версаль, выразилъ мнѣ слѣдующими словами:

— Я строю мостъ между Ленинымъ и Колчакомъ!

Это были, конечно, только слова. Реальная обстановка исключала всякую возможность постройки „мостовъ", хотя бы даже демократическихъ.

И когда, черезъ какой нибудь мѣсяцъ, 31 января 1920 года, въ Владивостокѣ зарѣяли красные флаги партизанъ-сопочниковъ, Василій Георгіевичъ, казалось, утратилъ самъ рисовавшіяся ему иллюзіи.

Было ясно, что новое правительство Приморской Земской Управы, съ эсеромъ Медвѣдевымъ во главѣ, съ командующимъ войсками — Краковецкимъ, съ наѣхавшими политкомами — коммунистами Лазо, Никифоровымъ, Цейтлинымъ и другими, является лишь временной маской, которая будетъ сброшена въ нужную минуту.

Такъ бы оно и случилось, если бы не неожиданное вмѣшательство новаго фактора. Если бы, 4 апрѣля, въ день торжественнаго открытія владивостокскаго совдепа, внезапно не затрещали японскія винтовки и пулеметы.

Рядъ видныхъ большевицкихъ дѣятелей, какъ товарищъ Лазо, Уткинъ, Сибирцевъ, были япон-

цами арестованы и, таинственнымъ образомъ, выведены „въ расходъ“. Другая часть разбѣжалась.

Въ отвѣтъ на японское выступленіе, произошла звѣрская расправа на рѣкѣ Хоръ. Перевозившіеся въ хабаровскую тюрьму 143 офицера, во главѣ съ командиромъ конно-егерскаго полка, героемъ великой войны, молодымъ полковникомъ Враштелемъ, были убиты деревянными колотушками и сброшены съ поѣзда въ рѣку.

Выступленіе японцевъ произвело сильное впечатлѣніе.

Москва была вынуждена временно пойти на уступки. Правительство Приморской Земской Управы сохранило свой буржуазно-демократическій характеръ. Въ открывшемъ свою дѣятельность Народномъ Собраніи были представители всѣхъ политическихъ группировокъ, отъ монархистовъ до коммунистовъ, съ предсѣдателемъ, эсеромъ Мансвѣтовымъ. На постъ командующаго войсками или, по шутливой кличкѣ — „Главкосопа“, былъ назначенъ Василій Георгіевичъ Болдыревъ.

Эту должность онъ сохранялъ за собою до осени. Къ этому времени пала читинская твердыня атамана Семенова. На ея мѣстѣ образовалась Дальневосточная Республика — буферное образованіе, находившееся въ тѣсной зависимости отъ Москвы. Неослабѣвающая совѣтская агитація, острый экономическій кризисъ, японская интервенція — разжигали активность массъ и вновь создавали крайнія лѣвыя настроенія. На должность приморскаго командующаго войсками былъ назначенъ, командированный изъ сибирскаго центра, матросъ—товарищъ Лепехинъ. Назрѣвалъ очередной переворотъ.

Онъ произошелъ 26 мая 1921 года.

Организованный, при поддержкѣ японцевъ и атамана Семенова, братьями Меркуловыми, переворотъ этотъ привелъ къ созданію Временнаго

Приамурскаго Правительства, подъ предсѣдательствомъ Спиридона Меркулова, въ составѣ членовъ — Николая Меркулова, Еремѣева, Адерсона и Макаревича.

Генералъ Болдыревъ, предложивъ услуги новой власти, былъ назначенъ предсѣдателемъ русско-японской согласительной комиссіи и вскорѣ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя Приамурскаго Народнаго Собранія.

По отношенію къ этой власти, въ особенности къ братьямъ Меркуловымъ, онъ, мало по малу, сталъ занимать отрицательную позицію.

1—8 іюня 1922 года произошелъ, такъ называемый, „недоворотъ".

Народное Собраніе, опираясь на генераловъ и каппелевскія части, пыталось свалить меркуловское правительство, поддерживаемое флотомъ. Для ликвидаціи вспыхнувшей смуты, былъ вызванъ изъ Харбина генералъ Дитерихсъ. На торжественномъ засѣданіи открывшагося Земскаго Собора, генералъ Дитерихсъ былъ избранъ Правителемъ Земскаго Края и Воеводою Земской Рати.

Это было послѣднее національное бѣлое правительство Приморья.

Въ связи съ ожидавшейся со дня на день японской эвакуаціей, оно конечно не могло быть долговѣчнымъ. Ибо только сила японскихъ штыковъ удерживала край отъ захвата его красною властью...

Василій Георгіевичъ Болдыревъ сидитъ за ужиномъ, въ кругу своихъ ближайшихъ единомышленниковъ.

Рядомъ съ нимъ, сверкая бритою остроконечною головою, сидитъ усатый Кругликовъ — погибшій вскорѣ въ большевицкой тюрьмѣ, оппозиціонный депутатъ Евсѣевъ, кроткій народный соціалистъ — депутатъ Знаменскій, съ своимъ изумительнымъ, переливающимъ всѣми оттѣнками радуги, носомъ и другіе.

Бесѣда носитъ злободневный характеръ. Повышенное настроеніе чувствуется въ каждой фразѣ.

— Вы говорите — Воевода!

— Фатальный неудачникъ!

— Единственный порядочный человѣкъ изъ всей кампаніи!

— Да, нечего сказать, положеніе!

— Прескверный анекдотъ!

— Все это можно было предвидѣть!

— А братцы-разбойники-то каковы?.. Спиридонъ уже въ Шанхаѣ!.. А Николай Меркуловъ въ бестѣ, у маіора Гоми!..

— Вотъ вамъ и жертвенность! — произноситъ иронически Болдыревъ. — Высокіе слова, призывы, клятвы!.. Всѣ дали стрекача!.. Весь Земскій Соборъ уже давно въ Харбинѣ сидитъ!.. Тамъ же, гдѣ старая лисица Хорватъ и Гондатти!.. Даже Кроль тамъ!.. Да, дорогой! — говоритъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Я все таки рѣшилъ остаться!.. Моя совѣсть чиста!.. Мое имя принадлежитъ исторіи и русскому народу!.. Прощайте, дорогой!.. Храни васъ Богъ!..

Я провожу въ Владивостокѣ послѣднюю ночь.

Трещатъ винтовочные выстрѣлы: та-ку, та-ку!.. Таинственные щупальцы прожекторовъ буравятъ небо... Пронзительно гудятъ сирены...

Я долго не могу уснуть и наблюдаю серебряные лунные блики, играющіе на стѣнѣ...

На волнахъ „Золотого Рога".

Чуть свѣтъ, я на ногахъ.

Мои сборы непродолжительны.

Прощаюсь съ окончательно разстроенной хозяйкой, почтенной фрау Іогансонъ, изъ Риги. Въ послѣдній разъ окидываю взглядомъ столь хорошо изученную за три года комнатку, съ низкой кроватью, японскимъ коврикомъ, столомъ и лампою подъ желтымъ абажуромъ.

Въ послѣдній разъ гляжу въ окно съ такимъ незабываемымъ видомъ на Амурскій заливъ, на сонныя корейскія шаланды, на млѣющія въ утреннемъ туманѣ горы. Не торопясь, съ японскимъ чемоданчикомъ въ рукѣ и пишущей машинкой „ремингтонъ“, схожу по деревянной лѣстницѣ, беру извощика и ѣду на Коммерческую пристань.

Въ послѣдній разъ проѣзжаю по странно опустѣвшей и замолкнувшей Свѣтланкѣ. Она имѣетъ грустный видъ. Закрыты магазины, лавки, конторы. Трамвай прекратилъ движеніе. Все притаилось въ ожиданіи грозы. На углахъ стоятъ кучки любопытныхъ китайцевъ. Они шушукаются, жестикулируютъ, встревоженно прислушиваются къ выстрѣламъ. Порою, по совершенно непонятной причинѣ, внезапно замолкаютъ и, подобравъ длинные балахоны, порскаютъ, во всѣ стороны, какъ воробьи. Навстрѣчу попадаются отступающіе отряды каппелевцевъ.

Проѣзжаю арку въ старомъ русскомъ стилѣ, воздвигнутую по случаю посѣщенія Владивостока покойнымъ государемъ, въ бытность его наслѣдникомъ престола.

На пристани сажусь въ юли-юли.

Китаецъ-лодочникъ, въ косѣ, обернутой для удобства вокругъ головы, à ля Гретхенъ, работаетъ рулевымъ весломъ, вступаетъ въ бесѣду:

— Пу-хо!.. Нехаласо, капитана!.. Шибко много люди помилай есть!..

— Правда, ходя?..

— Плавда, капитана!.. Нада мала-мала Чифу ѣхать!...

Китаецъ скалитъ желтые зубы, неодобрительно качаетъ головой ..

Въ послѣдній разъ проплываю мимо японскаго крейсера „Кассуга“, съ его грозно сѣрѣющими башнями, ярко начищенною мѣдью пушекъ и золоченою хризантемою на носу. Черезъ минуту, вылетаю на просторъ Золотого Рога, кувыркаясь въ жемчужной зыби.

Прощай, Владивостокъ!

На этотъ разъ, я уѣзжаю несомнѣнно.

Мой скептицизмъ настраиваетъ меня, по отношенію къ успокоительнымъ штабнымъ фанфарамъ, отрицательно. Я хорошо знаю имъ цѣну. Я убѣжденъ, что съ эвакуаціей японцевъ, красная армія немедленно займетъ городъ, и никто не будетъ въ состояніи ей противодѣйствовать.

Я не капиталистъ, не фабрикантъ, не собственникъ. Но все же, не имѣю ни малѣйшаго желанія пріять коммунистическую власть и подчиняться самоубійственнымъ декретамъ. Годъ жизни въ царствѣ диктатуры пролетаріата мнѣ слишкомъ памятенъ, чтобы снова добровольно возвращаться въ его лоно.

Съ другой стороны, счастливый случай предоставляетъ мнѣ долгожданную возможность возвращенія въ Европу. Къ знакомымъ, къ близкимъ, къ роднымъ людямъ. Къ той, отъ которой, на протяженіи трехъ съ лишнимъ лѣтъ, я не имѣю никакихъ извѣстій.

Въ моемъ карманѣ — безплатный билетъ отъ Шанхая до Гамбурга и тридцать англійскихъ фунтовъ.

И мысленно я возношу молитву за людей, оказавшихъ мнѣ эту незамѣнимую услугу...

Пароходъ „Лорестанъ“.

Но вотъ и Чуркинъ Мысъ.

А рядомъ — „Лорестанъ“, тяжелый темно-бурый грузовикъ, съ британскимъ флагомъ на кормѣ. На средней мачтѣ полощется синій отходный лоскутъ, съ бѣлымъ квадратомъ посрединѣ.

На пристани, заваленной осиновыми чурками, шумитъ, галдитъ, переливается толпа. Мужчины, женщины, подростки, дѣвушки и дѣти, китайцы-лодочники, разнощики, рогульщики-каули. У спущеннаго трапа, съ сознаніемъ достоинства, стоитъ

англійскій часовой съ бѣлѣющаго, словно чайка, крейсера „Карлейль“.

Весь пароходъ забитъ.

Проскальзываю внизъ и въ носовомъ трюмѣ, цѣпляясь за раскиданныя вещи, дорожные баулы, корзины, сундуки, отыскиваю свободное мѣстечко за вентиляторной трубой.

Кругомъ — крикъ, шумъ, смѣхъ, дѣтскій плачъ. На палубѣ жужжитъ неугомонный разговоръ... Обрывки фразъ... Прощальные объятья... Поцѣлуи...

Но вотъ помощникъ капитана подаетъ свистокъ. Гудитъ труба. Публика шарахается къ борту.

— Прощайте!

— До свиданья!

— Бонъ воайяжъ!

— Бонъ шансъ! — кричитъ въ отвѣтъ веселый докторъ Бари. — Ву ву-з-амюзерэ бьенъ авекъ ле птитъ фаммъ ружъ!

— Яброки, яброки!.. Шибко срадки! — съ корзиною въ рукахъ расхваливаетъ напослѣдокъ свой товаръ какой-то ходя.

Моя сосѣдка, молоденькая барышня въ голубой косынкѣ, бросаетъ за бортъ скомканный листокъ. Конфузится и тихо произноситъ:

— Люся, передай ему!.. Скажи, что написала въ послѣднюю минуту!

Труба гудитъ вторично.

Весь корпусъ вздрагиваетъ, и „Лорестанъ“ скользитъ вдоль длиннаго причала. Потомъ, разворачивается, описываетъ плавно полукругъ и двигается къ выходу.

Замахали платки.

Англійскій лейтенантъ щелкаетъ кодакомъ. Пожилая дама, въ черномъ, утираетъ глаза. Грустно смотритъ на пароходъ крошечный кадетикъ, въ бѣлыхъ погонахъ омскаго корпуса. Горланятъ лодочники-ходи. Разсѣвшаяся на бревнахъ группа парней глазѣетъ безучастно, равнодушно...

А съ праваго борта скользитъ величественная панорама города.

На фонѣ голыхъ сопокъ я различаю рядъ знакомыхъ зданій.

Сперва, на самой вышинѣ, виднѣется Народный Домъ. Немного ниже — красивый особнякъ Коммерческаго училища, дальневосточный университетъ и Пушкинскій театръ. Потомъ — соборъ съ сверкающими золотыми куполами и садъ у памятника Невельскому, увѣнчанному двуглавымъ орломъ, адмиральскимъ бюстомъ и гордой надписью:

„Гдѣ русскій флагъ поднятъ —
Онъ не долженъ быть спущенъ!"

Вотъ — милый скверъ адмирала Завойко, съ всегда рѣзвившимися въ немъ дѣтьми, влюбленными парочками и грѣвшимися на скамейкахъ старичками. Вотъ — зданіе морского штаба, съ высокой мачтой и радіо-телеграфной антеной, сѣрыя громады Чурина, Кунста и Альберса, таможня и вокзалъ, штабъ крѣпости и безконечные пакгаузы Эгершельда.

Невдалекѣ отъ берега стоятъ „Кассуга" и „Ниссинъ" и транспортъ съ эвакуирующимся штабомъ генерала Тачибана.

Направо, посреди залива, сѣрѣютъ четыре длинныхъ четырехтрубныхъ истребителя, съ японскими іероглифами на борту.

Налѣво — бѣлоснѣжный щеголь, англійскій минный крейсеръ „Карлейль" и маленькій американскій „Сакраменто".

Японская эскадра производитъ воинственное, могучее, грозное впечатлѣніе. А яркіе бѣлые флаги, съ краснымъ солнечнымъ дискомъ и пылающими лучами, могутъ быть названы самыми красивыми и, во всякомъ случаѣ, самыми оригинальными изъ всѣхъ существующихъ флаговъ. Приэтомъ, они знаютъ только побѣды...

„Лорестанъ" медленно поворачиваетъ влѣво и входитъ въ воды Восточнаго Босфора.

Сначала виднѣется бухта Діомидъ, за нею — Уллисъ и Патроклъ. Прослоенные золотымъ багрянцемъ клена, направо высятся крутые отроги Русскаго Острова, съ бѣлѣющими дачами и флигелями, съ казармами и батареями.

Лѣтомъ здѣсь настоящій рай!.. Все это близко и хорошо знакомо!..

Вотъ — бухта Аяксъ, потомъ — Парисъ и наконецъ — островокъ Скрыплева, съ маякомъ, у самаго выхода въ море.

Въ послѣдній разъ гляжу на аметисты дымчатыхъ сопокъ въ бронзовой оправѣ заката. Все тонетъ въ сѣрой пеленѣ. Вверху цѣпь перистыхъ скользящихъ облаковъ. Со всѣхъ сторонъ — темнозеленыя кочующія волны.

Прощай, Владивостокъ!

Семь паръ чистыхъ и семь паръ нечистыхъ.

На палубѣ свѣжо и чувствуется незначительная качка.

Устроившись въ лонгшезахъ, на скамейкахъ или просто стоя, пассажиры ведутъ между собою оживленный разговоръ. Впечатлѣнія еще не улеглись. Бывшій министръ финансовъ, Дмитріевъ, бесѣдуетъ съ супругой богатаго свѣтланскаго ювелира. Дама щуритъ глазки и зарывается въ мѣха.

Вотъ рядъ политикановъ — бывшій предсѣдатель народнаго собранія, Николай Александровичъ Андрушкевичъ, въ широкополой шляпѣ, въ военномъ френчѣ съ нарукавными нашивками за, Богъ же его знаетъ, какія-то увѣчья на войнѣ. Онъ хмуръ, глядитъ сосредоточенно въ пенснэ и перебрасывается отрывочными фразами съ сидящею въ лонгшезѣ Марьей Арсеньевной Бутаковой, издательницей скончавшагося монархическаго „Слова“.

Оберегаемая преданнымъ супругомъ, рядомъ съ нею, лежитъ румяная и пышнотѣлая блондинка, того же коллектива. Вотъ, словно жердь, маячитъ по палубѣ бывшій начальникъ канцеляріи правительства, подъ сѣнью меркуловскаго монархизма, съ неподражаемымъ искусствомъ, обтяпывавшій личныя дѣлишки. Еще не такъ давно онъ причислялъ себя къ эсерамъ. Впрочемъ, политическія трансформаціи въ Владивостокѣ никого не удивляли.

Вотъ — видный депутатъ съ своею обширною семьей, директоръ „Русско-Азіатскаго" банка, съ женой и миловидной дѣвочкою-внучкой.

Вотъ — группа офицеровъ, бывшій комендантъ владивостокской крѣпости, дежурный генералъ, чиновники, торговцы, журналисты, пузатый милицейскій чинъ, путейцы - инженеры, коммерсанты, подрядчики, кафешантанныя дѣвицы, артисты изъ театра „Буффъ".

Вотъ — старый владивостокскій рестораторъ Шуинъ, какой-то рослый румяный брюнетъ въ студенческой фуражкѣ, персъ-прорицатель Бенъ-Саидъ, рядъ дѣятелей Земскаго Собора, казаки и крестьяне, какіе-то евреи и армяне, и всѣ, кто такъ или иначе, имѣли нѣкоторое основаніе установить извѣстную дистанцію между собой и будущими красными властями...

„Лорестанъ" идетъ съ солиднымъ грузомъ.

Разсчитанный на сорокъ пассажировъ, онъ помѣстилъ на этотъ разъ пятьсотъ и, сверхъ того, забралъ двѣ тысячи тоннъ дубоваго и кедроваго лѣса. Пароходъ ползетъ съ томительною, удручающею скоростью, не превышающей шести узловъ. Все скучено до чрезвычайности.

По звуку гонга сходимъ въ трюмъ.

Китайцы вносятъ два котла. Въ одномъ какой-то супъ. Въ другомъ нарѣзанные ломти мяса. Разносятъ хлѣбъ и выдаютъ посуду, ложки, вилки. По русскому обыкновенію, не соблюдая

ни малѣйшей очереди, всѣ устремляются впередъ, сбиваются, приводятъ ходей въ изступленіе и заливаютъ потоками картофельной похлебки другъ друга и цыновки, разостланныя на полу...

Сосѣдъ мой по углу, брюнетъ въ студенческой фуражкѣ, оказывается, ни больше и не меньше, іереемъ владивостокскаго собора. Онъ угощаетъ меня чаемъ, а молодая попадья потчуетъ вареньемъ и кренделями собственной работы. Два малыша выглядываютъ съ наръ и жалобно о чемъ-то просятъ мать.

Священникъ — молодой веселый парень. Духовнаго въ немъ очень мало. Онъ не прочь выпить, закусить, сыграть по маленькой въ открытый винтъ или въ „большевичка".

Сейчасъ онъ направляется въ Шанхай, а послѣ ѣдетъ на Аляску, въ Ситху, по приглашенію знакомаго русскаго епископа.

— Приходится вотъ изучать языкъ! — протягиваетъ онъ, указывая рукою на букварь. — Что за собачье, чортъ бы его дралъ, нарѣчіе!.. Вотъ не угодно-ли взглянуть?... Написано — тхрее, а выговаривается — цри!... Написано — фиве, а говорится — файвъ!.. Чортъ знаетъ что такое!..

Я чувствую себя утомленнымъ и вскорѣ ухожу въ свое „купэ", за вентиляторной трубой. Поверхъ цыновки, кладу предусмотрительно захваченный тюфякъ. Закупориваю чемоданомъ входъ. Дорожный плащъ мнѣ служитъ изголовьемъ...

Прощай, Владивостокъ!

Итакъ, я уѣзжаю.

Сегодня, двадцать второго октября тысяча девятьсотъ двадцать второго года, я начинаю повѣсть новаго скитанья. Закинутый революціоннымъ вихремъ, словно волчокъ, на край свѣта, я возвращаюсь снова къ европейскимъ берегамъ, въ родные и знакомые предѣлы.

Это сознаніе охватываетъ меня острой радостью. Но одновременно волнуетъ и тревожитъ. Что ожидаетъ меня тамъ?.. Душевный миръ, покой, счастливая, давно лелѣемая встрѣча?..

Я утомленъ тоскою одиночества.

Въ сознаніи проходитъ вереница дней... Война... Революціонный Петроградъ... Кіевскіе, одесскіе, константинопольскіе дни...

Три года жизни на Востокѣ... Колчакъ и Омскъ, Семеновъ и Чита... Казаки, чехи, партизаны... Крушеніе Верховнаго Правителя, сибирская агонія и красный хороводъ... Правительство эсера Медвѣдева — Александра Неперваго и Непослѣдняго... Правительство коммуниста Антонова — Антона I Тишайшаго...

Американцы, японцы, англичане... Генералы Оой и Тачибана... Братья Спиридонъ и Николай Меркуловы... Земскій Край и Воевода Земской Рати — Дитерихсъ...

Дыханье океана и политическій тайфунъ... Надежды и разочарованія... Шампунки, сопки, ходи... И все и все, отъ милыхъ бѣженокъ Свѣтланки до крабовъ и чилимсовъ Девятнадцатой Версты...

Я покидаю васъ навѣки, навсегда!

Я долго не могу уснуть. Я слышу дѣтскій плачъ и монотонное дрожаніе машины. Я слышу всплески волнъ и звонкіе удары склянки. Но постепенно все смолкаетъ — я забываюсь крѣпкимъ сномъ.

Прощай, Владивостокъ!..

ФУЗАНЪ.

Глава вторая, проливающая розовый свѣтъ на страну „Утренняго Спокойствія“.

Японское море.

Еще вчера тревожный рядъ переживаній, мятущійся потокъ и безпорядочная нервная пальба. Японскіе пикеты на углахъ, воззванія, плакаты и летучки нежданно объявившагося и просуществовавшаго всего лишь однѣ сутки Сибирскаго Автономнаго Правительства, возглавленнаго сибирскимъ областникомъ, маститымъ депутатомъ Сазоновымъ, профессоромъ Головачевымъ и бывшимъ омскимъ, печальной памяти, наштаверхомъ — генераломъ Лебедевымъ.

Тревожный ликъ Свѣтланки, всегда бывало яркой, шумной, суетливой, наряженной гуляющими толпами, насыщенной особенными запахами, расцвѣченной волнистыми туманами изъ Голубиной Пади. Затихшая въ какомъ-то смутномъ ожиданіи веселая Корейская Слободка и возбужденный, пьяный Эгершельдъ — пріютъ бездомной вольницы и штабъ-квартира темнаго подполья.

Еще вчера — бѣлозеленые и пурпурные стяги на балконѣ „Золотого Рога", таинственные шопоты и слухи, взрывъ бомбы на Семеновскомъ Базарѣ, кошмары, паника и ожидавшая „варфоломеевская" ночь...

Сейчасъ — совсѣмъ иное.

Со всѣхъ сторонъ безкрайный горизонтъ. Ни паруса, ни дыма. Со всѣхъ сторонъ темнозеленая,

чуть-чуть волнующаяся скатерть. Сверкаетъ золотое солнце. Горячіе лучи пронизываютъ тѣло бархатнымъ тепломъ...

Курганскій звѣробой и докторъ Бари.

Въ разстегнутой бекешѣ съ бранденбургами и обезьяньимъ мѣхомъ, ко мнѣ подходитъ слѣдователь изъ Кургана, охотникъ-сибирякъ. Онъ потчуетъ меня англійской сигаретой и пристально глядитъ своими острыми таежными глазами на гротъ-мачту, гдѣ уже нѣсколько часовъ, въ недвижномъ одиночествѣ, сидитъ на верхней реѣ, Богъ вѣсть откуда, залетѣвшая ворона.

— Ну, что же?... Доигрались?... Поздравляю!...

Мой собесѣдникъ на мгновенье замолкаетъ, задумывается и желчно продолжаетъ:

— А все Гучковы, Керенскіе, Милюковы!.. Отъ нихъ всѣ качества!.. Они насъ утопили, окаянные!.. Э, что тутъ толковать!.. Пропала матушка Россія!..

Иванъ Калюжный человѣкъ опредѣленныхъ убѣжденій. Его политическіе взгляды не отличаются особой глубиной, но зато кратки и выразительны. Бѣлое онъ называетъ бѣлымъ, красное — краснымъ. Другихъ оттѣнковъ онъ не признаетъ.

По палубѣ шагаетъ англичанка.

Ее сопровождаетъ мужъ, такой же чопорный и долговязый англичанинъ, въ дорожномъ клѣтчатомъ костюмѣ, съ шотландскимъ пледомъ черезъ плечо. Они ни съ кѣмъ не разговариваютъ, глядятъ поверхъ и мы для нихъ не существуемъ. Это не презрѣніе. Это что-то другое. Въ ихъ глазахъ мы несомнѣнно представляемся какой-то низшей расой, вродѣ китайцевъ или негровъ, только съ бѣлой кожей.

Палуба, малу по малу, наполняется проснувшимися пассажирами.

Нарсобный предсѣдатель Андрушкевичъ воркуетъ съ молодой дѣвицей въ голубой косынкѣ и угощаетъ ее грушей. Минфинъ бесѣдуетъ съ свѣтланской ювелиршей. Дежурный генералъ, въ гороховомъ пальто, въ какомъ-то опереточномъ треухѣ и въ высокихъ сапогахъ, глубокомысленно сосетъ мундштукъ.

Въ морской фуражкѣ на бекрень, съ биноклемъ черезъ плечо, самоувѣренной походкой проносится близорукій докторъ Бари. Онъ всюду и вездѣ. Со всѣми онъ знакомъ. Повсюду слышенъ его рѣзкій голосъ.

Однимъ, онъ, тономъ не терпящимъ возраженій, краснорѣчиво повѣтствуетъ о секстанѣ. Другимъ описываетъ прелести Кореи. А третьимъ декламируетъ, подъ взрывы гомерическаго хохота, извѣстную непозволительную азбуку:

Лингвистовъ много на Руси...

Собравъ вокругъ себя новую группу слушателей, сейчасъ онъ разсказываетъ о Японіи, о самураяхъ, объ эпохѣ Мейдзи. Познанія его безпредѣльны. Это какой-то энциклопедическій словарь:

— Микадо — это выдумали мы!.. Такого слова нѣтъ!.. Есть — тенно, то есть императоръ! Вы понимаете — тенно!.. Тенно — то есть императоръ!..

Докторъ Бари — забавный, остроумный, оригинальный человѣкъ. Онъ далеко уже не молодъ, но полонъ юношеской живости, неутомимости, энергіи. Онъ изумительный лингвистъ, прекрасный лекторъ, превосходный врачъ по женскимъ и психическимъ заболѣваніямъ...

Знакомлюсь съ пожилымъ армяниномъ.

Теръ-Асатуріанцъ держалъ буфетъ. За тридцать лѣтъ владивостокской жизни успѣлъ сколотить порядочное состояніе. Онъ хорошо помнитъ еще то время, когда на Морской улицѣ водились

фазаны и рябчики, а по Корейской разгуливали изюбры. Гражданская война его раззорила. Романовки, керенки, сибирки, семеновскіе „голубки" — все пошло прахомъ:

— Сымэрть прышла!.. Банкротъ!.. Что будешь дэлать, душа мой?.. Вва!..

Я зналъ многихъ, очутившихся въ подобномъ положеніи. У всѣхъ была увѣренность, что курсъ сибирскаго рубля устойчивъ. Никто, за исключеніем отдѣльныхъ людей, не превращалъ свои сибирскіе „мильоны" въ золотыя іены. Съ паденіемъ власти Верховнаго Правителя, курсъ сибирскаго рубля упалъ очень быстро со ста до тысячи за іену. Потомъ, послѣдовала девальвація. Наконецъ, все вытѣснило серебро и японская валюта.

Армянинъ недоволенъ пароходной кухней, ругаетъ англичанъ, вспоминаетъ волжскую икру и добровольный флотъ. Затѣмъ, переноситъ меня въ Тифлисъ и распространяется про сомину и лаксфорель изъ Гохчи, куда ссылали провинившихся монаховъ...

Въ каютъ-кампаніи играетъ грамофонъ.

Рѣзвятся дѣти, въ лонгшезахъ дремлютъ дамы. Кое-кто глядитъ на море, одни читаютъ, другіе ведутъ несложный разговоръ.

Морской походкой, въ раскачку, проносится первый помощникъ капитана, еще сравнительно молодой человѣкъ, съ букетомъ орденскихъ ленточекъ на бѣлой курткѣ. Семь лѣтъ тому назадъ онъ принималъ участіе въ разгромѣ германской крейсерской эскадры графа Шпее, у Фалкландскихъ острововъ, былъ тяжело раненъ и едва не утонулъ, вмѣстѣ съ разбитымъ миноносцемъ.

На палубѣ лежатъ вповалку кули, со своими семьями, лохмотьями, тряпьемъ. Тутъ же, рядомъ, китайцы рѣжутъ хлѣбъ, крошатъ къ обѣду капусту и картофель. На палубѣ прогуливается пароходная коза.

Изъ-за угла выносится подслѣповатый колченогій фоксъ „Бисмаркъ" и яростно кидается въ

атаку. Коза забавно становится на дыбы, обороняется рогами и переходитъ въ наступленіе. Оригинальный поединокъ привлекаетъ общее вниманіе. „Бисмаркъ“ поджимаетъ хвостъ и, съ воемъ, покидаетъ поле битвы.

Проходы, трюмы, лѣстницы — все занято людьми, сидящими, лежащими въ разнообразныхъ положеніяхъ. Летаютъ заспанные бойки. Съ утра до поздней ночи китайцы рѣжутся въ кости и въ домино. Разносится противный запахъ кухни, масла, угля, испражненій.

Пароходный спектакль.

Безкраенъ и недвиженъ горизонтъ.

Но небо стало чуть голубоватѣй и волны принимаютъ синюю окраску. Садится солнце. Его закатъ какой-то необыкновенный и дамы восхищаются имъ въ дѣланномъ восторгѣ. Темнѣетъ небосклонъ и загорается луна. Она глядитъ меланхолически-печально и льетъ печальный серебристый свѣтъ на темную тоскующую воду.

Снова звучитъ гонгъ и пассажиры расходятся по трюмамъ. На этотъ разъ, раздача происходитъ быстро и въ порядкѣ.

— Иго!.. Ланго! — слышатся китайскіе слова и тотъ своеобразный русско-китайскій волапюкъ, распространенный на Востокѣ:

— Твоя давай! Моя бери!... Китайски люди не могу!..

Артистами театра „Буффъ“ устраивается спектакль.

Сначала маленькій дуэтъ — скрипичный номеръ подъ аккомпаниментъ гитары. Потомъ, артистъ Борисовъ, простуженнымъ теноркомъ исполняетъ цыганскіе романсы. Затѣмъ, какой-то бѣлокурый юноша, представленный, какъ будущая

знаменитость, читаетъ стихи въ духѣ Игоря Сѣверянина или пѣсенокъ Вертинскаго, что-то вродѣ:

„Ваши пальцы пахнутъ ладаномъ“...

Наконецъ, веселый комикъ Спари имитируетъ хохла, исполняя сценку въ провинціальномъ звѣринцѣ:

— Афрыканьски звэръ, пятнистая гигіена альбо гробокопательница...

— Очковая змія - удавъ, зъ Курильскихъ островей, зъ города Курляндіи...

Взрывъ хохота покрываетъ слова.

Особенно доволенъ ревизоръ, молодой англичанинъ, въ бытность свою въ Омскѣ, въ англійской миссіи при адмиралѣ Колчакѣ, успѣвшій достаточно хорошо овладѣть русскимъ языкомъ.

— Птыца стравусъ зъ своимъ знаменитыимъ яйцьомъ...

— Имѣетъ перья, которы втикаються дамськимъ поломъ въ различныя мѣйста, для прелщенія мущинъ...

Спектакль заканчивается поздно.

Публика расходится по трюмамъ и палуба пустѣетъ.

И только пышная блондинка, укрывшись пледомъ, дремлетъ въ своемъ лонгшезѣ. Ее давно мутитъ. Взлелѣянная въ родовой вятской вотчинѣ, ея натура не переноситъ морского путешествія. Супругъ, такой же чистопородный, упитанный русакъ, крѣпится кое-какъ, сидитъ часами въ креслѣ, глядитъ осоловѣвшими глазами на палубный настилъ, о чемъ-то размышляетъ.

О чемъ онъ думаетъ?

О старой императорской Россіи?.. О мирной и привольной жизни, въ былые годы, въ своемъ покинутомъ медвѣжьемъ царствѣ?.. О злой несправедливости судьбы?

А впрочемъ, не все-ли мнѣ равно?

Меня интересуетъ онъ лишь только, какъ

осколокъ и какъ послѣдній могиканъ навѣки исчезающей породы. На смѣну появляется другая. Но я не вижу въ ней пока особыхъ преимуществъ...

Проходитъ ночь. Всплываетъ новый день.

Въ туманной, розоватой мглѣ виднѣется скалистый островъ Матцусима. Становится совсѣмъ тепло и дамы достаютъ легкіе наряды.

Пѣвичка изъ сада „Италія", которая, по свѣдѣніямъ моего новаго пріятеля, курганскаго охотника, является одновременно агентомъ читинской чеки, блеснула даже лѣтнимъ туалетомъ.

Она привѣтлива, скромна. Красивые сѣрые глаза и золотисто-пепельные волосы дѣлаютъ ее достаточно миловидной. Но дамы ее сторонятся.

Она въ компаніи съ какимъ-то юношей слегка подержаннаго вида. Цѣлыми часами сидитъ въ трюмѣ, лаская ощенившуюся суку, а ночь проводитъ съ юношей на нарахъ.

Ея дорожный мужъ, штабсъ-капитанъ Онѣгинъ, былъ раненъ на Карпатахъ подъ Усѣчко, при взрывѣ минной галереи. Во время революціи попалъ къ Корнилову на Донъ, болтался въ Харьковѣ, Царицынѣ, Самарѣ, былъ летчикомъ и командиромъ бронепоѣзда. Поперемѣнно былъ у бѣлыхъ, красныхъ и, наконецъ, попалъ съ чехословаками въ Сибирь. Жилъ цѣлый годъ на камчатской рыбалкѣ, служилъ таперомъ въ веселомъ домѣ, а нынѣ направляется въ Шанхай.

Я убѣжденъ, что онъ не пропадетъ, этотъ удалый малый, и такъ или иначе, съ своимъ служебнымъ стажемъ и мускулистыми руками, дастъ сто очковъ впередъ всѣмъ окружающимъ его безпомощнымъ и мягкотѣлымъ россіянамъ...

Къ обѣду снова подаютъ картофельную жижу.

Публика раздражена и негодуетъ. Особенно старается курганскій звѣробой — Калюжный. Онъ

накидывается на неповинныхъ ходей, тычетъ имъ тарелкой въ носъ, ругаетъ капитана и угрожаетъ съѣхать на берегъ. Затѣмъ, съѣдаетъ втихомолку добавочную порцію и ложится на свою походную кровать...

Фузанъ.

„Лорестанъ“ стоитъ на рейдѣ, посреди тихаго широкаго ковша.

Со всѣхъ сторонъ — спокойныя задумчивыя горы. На берегу бѣлѣетъ городокъ. Виднѣются лѣса высокихъ мачтъ. Чернѣютъ кузовы тяжелыхъ океанскихъ пароходовъ. Снуютъ шампунки, лодки, боты, челноки...

Фузанъ или Котельная Гора, расположенный на юго-восточной оконечности Кореи, представляетъ собой типичный маленькій японскій городокъ, съ одноэтажными, другъ къ другу жмущимися карточными домиками, съ укатанными уличками, съ разбросанными тамъ и сямъ, вдоль длиннаго хребта, кудрявыми желтѣющими рощами.

Это особый міръ, загадочный, ласкающій таинственными красками, спокойною улыбкой,

На главной улицѣ сосредоточена торговля.

Въ безчисленныхъ лавченкахъ нагроможденъ годами залежавшійся товаръ — галантерея, ткани, письменныя принадлежности, оптическіе инструменты, грошевыя издѣлія изъ бронзы и разноцвѣтнаго стекла. И тутъ же — рядъ лотковъ съ грудами банановъ, какки, апельсиновъ, корейскихъ грушъ, паппаи, винограда.

Бѣжитъ игрушечный трамвай. Тянутся плетенки, запряженныя рыжими корейскими бычками. Скользятъ велосипеды. И такъ забавно видѣть маленькихъ скуластыхъ людей, съ очками на носу, въ широкихъ развѣвающихся кимоно, рабо-

тающихъ, въ деревянныхъ „гетта“, велосипедными педалями. Гетта — національная японская обувь, состоящая изъ деревянной дощечки, на двухъ высокихъ поперечныхъ стойкахъ, съ кожаной петлею для пальцевъ.

Въ такихъ же разноцвѣтныхъ кимоно, съ широкимъ поясомъ „оби“, мелкими шажками проходятъ безгрудыя и узкобедрыя, словно фарфоровыя статуэтки, женщины. Онѣ идутъ, постукивая гетта: чапъ-чапъ, чапъ-чапъ! съ улыбками на густо выбѣленныхъ рисовою пудрой лицахъ, поблескивая золотомъ зубовъ, съ копной прически, сверкающей, какъ вороная грива.

— Аригато!.. Сайонара!..

Разносится какой-то птичій щебетъ. Звенятъ звонки. Струится пряный запахъ...

Вблизи вокзала, откуда начинается желѣзная дорога на Сеулъ, идетъ постройка каменнаго зданія. Толпа корейцевъ и, преимущественно, женщинъ, въ бѣлыхъ юбкахъ, въ коротенькихъ рубашкахъ, изъ подъ которыхъ выглядываетъ упругая и смуглая, съ торчащими сосцами грудь, болванкой заколачиваетъ сваи:

— Элліа-о-у!.. Элліа-о-у!..

Подъ тактъ корейской заунывной пѣсни, десятки голыхъ рукъ натягиваютъ канаты изъ кокосовыхъ волоконъ и одновременно отпускаютъ.

Пестрѣютъ размалеванныя вывѣски, желтые и розовые бумажные фонарики, іероглифы, зонты, маленькіе флаги съ краснымъ японскимъ солнцемъ. Изъ храма, утонувшаго въ лимонной рощѣ, доносятся удары гонга:

— Бамммъ!.. Бамммъ! . Бамммъ!...

Неподалеку, въ той же зелени, сверкаетъ куполъ крошечной церковки съ золотымъ крестомъ. Въ сосѣднемъ домикѣ, съ трехцвѣтнымъ русскимъ флагомъ, живетъ батюшка и

бывшій консулъ. Я провожу въ ихъ обществѣ нѣсколько часовъ. И совершенно забываю, что я не въ Орловской губерніи, а въ глухомъ углу Азіи, затерянномъ на краю свѣта...

Страна „Утренняго Спокойствія“.

Корея или Чосенъ...

Это обозначаетъ — страна „Утренняго Спокойствія“.

Несчастье корейцевъ заключалось въ томъ, что они оказались первыми на пути Японіи на азіатскій материкъ. Сорокъ три вѣка историческаго существованія не спасли Корею отъ поглощенія могущественнымъ сосѣдомъ.

Подъ предлогомъ освобожденія корейцевъ отъ китайскаго деспотизма, въ 1894 году, Японія объявила войну Срединной Имперіи и заставила ее признать независимость Кореи. Удачная японо-русская война превратила Корею въ колоніальную Японію.

Сейчасъ страна неузнаваема.

Проведены желѣзныя дороги и шоссе. Построены новые города. Большіе успѣхи сдѣлала промышленность и земледѣліе. Въ дѣлѣ колонизаціи края, японское правительство осуществило огромныя культурныя задачи.

Реформы производятся, конечно, не для благополучія туземцевъ, а для собственнаго населенія, переселившагося съ острововъ и колонизирующаго край съ всепоглощающей японской агрессивностью.

Корея — горная суровая страна. Въ ней больше скалъ и кручъ, негодныхъ для культуры, и лишь въ долинахъ рѣкъ возможно земледѣліе. Страна еще хранитъ меланхолическое величіе былого. На всемъ лежитъ печать особой, дикой и торжественной поэзіи. И тѣмъ же вѣетъ отъ

фигуръ аборигеновъ, задумчивыхъ, спокойныхъ, молчаливыхъ, въ бѣлыхъ туникахъ...

Невольно вспоминается Владивостокъ.

Амурскій заливъ тихъ, какъ дыханіе спящаго. Вѣтерокъ несетъ запахъ соли и водорослей. Море сине, какъ цвѣтокъ гентіаны. Нѣжнымъ контуромъ очерченъ противоположный берегъ залива, съ дачными мѣстностями — Седанкой, Девятнадцатой Верстой, Океанской, Садъ-Городомъ. Море манитъ, влечетъ отчужденностью отъ культуры. Тишина. Беззвучно перекликаются тысячи голосовъ нелюдимаго, какъ море, молчанія. Молчанія сопокъ надъ моремъ...

Заливъ не шелохнетъ. Чѣмъ-то зачарованнымъ, сказочно-древнимъ вѣетъ надъ мачтовымъ лѣскомъ. Здѣсь, на широкихъ корейскихъ шаландахъ, живутъ рыбаки-корейцы, загадочные сыны страны „Утренняго Спокойствія".

Только утромъ, когда китайскіе торговцы скупаютъ уловъ, здѣсь наблюдается шумъ и движеніе. Ожесточенно торгуются ходи и, сгибая колѣни подъ тяжестью корзинъ на коромыслѣ, спѣшатъ на улицы, на базаръ, звонко выкрикивая:

— Ли-и-ба!.. Кла-а-ба!..

На шаландахъ, въ огромныхъ плетеныхъ корзинахъ, бьется отливающая перламутромъ и серебромъ рыба. Неуклюже перебираютъ ногами исполинскіе крабы. Пятятся маленькіе приморскіе рачки-чилимсы. Растягиваютъ свое жирное тѣло червеобразные трепанги, одно изъ первыхъ блюдъ китайской кулинаріи. Висятъ гигантскіе осминоги. Кучами навалена морская капуста.

На шаландѣ, подъ низкимъ шатромъ, спятъ корейчата. Старый кореецъ съ темнымъ иконописнымъ лицомъ, въ бѣлой кофтѣ и бѣлыхъ же, схваченныхъ у щиколодки шароварахъ, чинитъ рваныя сѣти. По палубѣ ползетъ крабъ, похожій на причудливое издѣліе изъ слоновой кости и

киновари. Словно затѣйливая игрушка дочерей Водяного.

А съ берега идутъ кореянки — стройныя женщины въ яркихъ одеждахъ — бѣлыхъ, розовыхъ, голубыхъ, желтыхъ, цвѣта майской зелени. Короткая кофта на груди завязана бантомъ, оставляя обнаженной полоску тѣла надъ полотнищемъ юбки, многократно обернутой вокругъ бедеръ.

На головѣ тяжелый чанъ или кувшинъ, слегка придерживаемый рукою. Классическая поза эллинской дѣвушки съ амфорой. Некрасива только походка съ выворачиваніемъ пятокъ внутрь.

Еще сильнѣе чувствуется это дѣтски-древнее, этотъ взглядъ черезъ тысячелѣтія, въ корейской деревнѣ. Тамъ еще свято чтится гостепріимство. Тамъ глубоко уважается старость.

Кореецъ съ дѣтства привыкаетъ къ лишеніямъ. Мать бьетъ ребенка и кладетъ его въ снѣгъ, пріучая переносить боль и холодъ. Не вспоминается-ли древняя Спарта? Но корейцу чужда воинственность былыхъ спартанцевъ. Это народъ — философъ, народъ — земледѣлецъ, народъ — рыбакъ.

Кореецъ невѣроятно выносливъ и обладаетъ желѣзнымъ здоровьемъ.

Нужно наблюдать его на ловлѣ трепанговъ, въ студеной осенней водѣ залива. Только головы ловцовъ, какъ черныя точки, виднѣются на поверхности. Рядомъ полощется на волнѣ плетенка, куда складывается уловъ, и которая служитъ точкой опоры для минутнаго отдыха, послѣ нырянья.

— Фіу-фіу! — тянется надъ водой монотонный свистъ перекликающихся ловцовъ...

Красная чума или желтый туберкулезъ.

Въ Фузанѣ, часть пассажировъ покидаетъ „Лорестанъ", съ тѣмъ, чтобы по желѣзной дорогѣ прослѣдовать въ Харбинъ.

По преимуществу, все это больше владивостокскіе коммерсанты, связанные съ Приморьемъ крѣпкими цѣпями. Однако, въ томъ числѣ не мало и сибирскихъ бѣженцевъ, бывшихъ богатыхъ томскихъ маслодѣловъ, омскихъ, красноярскихъ, иркутскихъ купцовъ, для которыхъ не существуетъ жизни внѣ Азіи и, въ частности, Сибири.

Ихъ можно понять. Сибирь имѣетъ притягательную силу. Стоитъ пожить въ ней нѣсколько лѣтъ, чтобы полюбить всей душой. Въ ней особая красота, привлекательность, широкій своеобразный размахъ.

Уѣзжаетъ и цѣлый рядъ политическихъ дѣятелей, инженеровъ, профессоровъ, журналистовъ. Харбинъ — бойкій центръ, представляющій извѣстное поле дѣятельности для интеллигентныхъ профессій.

Наконецъ, часть офицеровъ также покидаетъ пароходъ.

Одни расчитываютъ устроиться въ желѣзнодорожной китайской полиціи. Другіе, въ качествѣ спеціалистовъ, предложатъ свои услуги манчжурскому маршалу Чжанзолину. Онъ нуждается въ военныхъ инструкторахъ и щедро оплачиваетъ ихъ трудъ. Такъ напримѣръ, бывшій начальникъ штаба атамана Семенова, генералъ Клерже, состоитъ у него въ роли военнаго совѣтника и получаетъ, какъ говорятъ, пятьсотъ долларовъ въ мѣсяцъ.

Есть офицеры, не утратившіе надежду на возобновленіе борьбы, за обладаніе Владивостокомъ. Многіе оставили тамъ свои семьи. Въ

ближайшемъ будущемъ, они разсчитываютъ вернуться туда вновь, съ каппелевскими войсками генерала Дитерихса или съ казаками Семенова.

Ихъ ожидаетъ глубокое разочарованіе.

Съ эвакуаціей японцевъ, красная „чума" захлестнетъ этотъ единственный русскій городъ, на который не распространялась пока власть Москвы. Никто не станетъ на его защиту. Онъ будетъ предоставленъ собственной участи.

Впрочемъ, красная-ли большевицкая „чума" или же желтый „туберкулезъ" японской аннексіи — и то и другое сулитъ одинаково печальныя перспективы.

Если аннексія не произошла, этому мы обязаны правительству Соединенныхъ Штатовъ, энергично протестовавшему противъ политики Японіи на русскомъ Дальнемъ Востокѣ:

„Правительство Соединенныхъ Штатовъ Америки не можетъ признать основательными какія либо претензіи, возникшія изъ нынѣшней оккупаціи и не можетъ согласиться на дѣйствія японскаго правительства, которыя могли бы нарушить существующія договорныя права или политическую независимость и территоріальную неприкосновенность Россіи".

Съ свойственнымъ лукавствомъ, Японія отвѣтила на это обычными завѣреніями въ чистотѣ своихъ намѣреній и ссылками на особыя обстоятельства, вызывающія продолженіе оккупаціи. Однако, подъ давленіемъ той же Америки, японцы принуждены были дать офиціальное обѣщаніе и, въ концѣ концовъ, приступить къ эвакуаціи.

Обѣщанія объ эвакуаціи Владивостока дѣлались, между прочимъ, черезъ голову образовавшагося, при содѣйствіи тѣхъ же японцевъ, антибольшевицкаго меркуловскаго правительства. Послѣднее нужно было Японіи лишь, какъ соперникъ большевицкой Читы. Очищая Приморскую область, японцы тѣмъ самымъ предоставляли

бѣлое правительство собственной участи. При всѣхъ своихъ отрицательныхъ сторонахъ, это правительство было проникнуто національнымъ духомъ и не являлось покорнымъ японскимъ вассаломъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что поведеніе японскихъ войскъ въ Владивостокѣ было выше похвалы.

Приземистые, коренастые, однообразно одѣтые, въ свѣтло-желтомъ хаки, въ контръ-погончикахъ, съ мѣдной пятиконечной звѣздочкой на красномъ околышѣ фуражки, подтянутые и опрятные японскіе солдаты поражали выдержкой и дисциплиной.

Японскіе офицеры, всегда сосредоточенные и замкнутые, производили такое же впечатлѣніе. Если судить по экспедиціонному корпусу, не знаю, существуетъ-ли вообще на свѣтѣ армія, превосходящая японскую? Это могучіе оружіе войны, одушевленное патріотизмомъ, скованное желѣзной дисциплиной, безукоризненно снабженное технически.

Совсѣмъ другое представляли американскіе матросы и солдаты, разнузданные, пьяные, на каждомъ шагу затрагивавшіе женщинъ и оскорблявшіе честь русскихъ офицеровъ. На моихъ глазахъ, одинъ полковникъ, выведенный изъ себя глумленіемъ пьянаго американскаго солдата, выхватилъ револьверъ и уложилъ его на мѣстѣ. Американцы потребовали преданія виновника военно-полевому суду. Само собою разумѣется, судъ вынесъ оправдательный вердиктъ.

Вскорѣ американцы покинули Владивостокъ. Японцы задержались еще на два года.

Однако, очистивъ Приморье, японцы не эвакуировали русскую часть Сахалина. Не смотря на свои завѣренія, они это едва-ли когда либо сдѣлаютъ. Владѣніе сѣверной частью Сахалина превращаетъ Японское море во внутреннее, столь

необходимое имъ по стратегическимъ соображеніямъ.

Русская мощь на Дальнемъ Востокѣ расшатана до основанія. Возстановленіе былого величія — нелегкая задача для будущихъ поколѣній. Это потребуетъ колоссальныхъ усилій и героическихъ жертвъ.

Злосчастная русская революція, во имя отвлеченныхъ утопій, проливавшая, на потѣху всему міру, такъ щедро бѣлую и красную кровь, проливала прежде всего — русскую кровь.

Едва-ли это будетъ оправдано національной Россіей...

Цусима.

На слѣдующій день, мы покидаемъ страну „Утренняго Спокойствія“ и снова выходимъ въ море.

Ярко сверкаетъ южное солнце. Жемчугами переливается вода. На горизонтѣ, тамъ и сямъ, маячатъ бѣлые паруса.

Я вижу доктора Бари и его пенснэ, склоняющееся къ супругѣ ювелира:

— Что скажетъ самая красивая женщина на „Лорестанѣ“?

Супруга ювелира вспыхиваетъ отъ удовольствія:

— Отстаньте, докторъ!.. Вы опять?.. Вотъ погодите, я разскажу вашей женѣ!..

Къ вечеру, на бакбортѣ, видна Цусима — голый скалистый островъ, посреди Корейскаго пролива. Медленно рѣжемъ темнозеленыя воды, въ которыхъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, въ какіе нибудь трагическіе полчаса, былъ погребенъ русскій флотъ.

Печальная страница!

Сознаніе воскрешаетъ эту скорбную быль. Послѣ утомительнаго похода, съ послѣдней остановкой въ Камранѣ, перегруженная углемъ, разнотипная эскадра адмирала Рождественскаго, подходила къ Цусимскому проливу, прямо въ пасть къ стерегущему ее японскому дракону.

Адмиралъ Того примѣнилъ удачный маневръ, обезпечившій ему быструю и рѣшительную побѣду.

Пользуясь превосходствомъ въ скорости, онъ перерѣзалъ курсъ эскадры, двигавшейся двумя кильватерными колоннами, и обрушился бортовымъ огнемъ всѣхъ своихъ кораблей на флагманскіе русскіе броненосцы — „Суворова“ и „Ослябю“.

Быстро покончивъ съ ними, онъ повторилъ тотъ же маневръ, въ обратномъ направленіи, уничтожая ураганнымъ огнемъ послѣдующіе головные корабли. Запылалъ „Бородино“. Броненосецъ „Александръ III“ перевернулся кверху килемъ, похоронивъ съ собой всю команду. Чудомъ спасся только одинъ матросъ, вымытый волной изъ орудійнаго люка. Одинъ за другимъ выходили изъ строя русскіе корабли. Сдался адмиралъ Небогатовъ.

И только старый „Адмиралъ Ушаковъ“, подъ командой считавшагося чудакомъ и подлежавшимъ исключенію со службы, капитана Миклухи-Маклай, въ отвѣтъ на требованіе о сдачѣ, открылъ кингстоны и, расцвѣченный андреевскими флагами, отстрѣливаясь до послѣдняго, пошелъ ко дну.

Адмиралъ Энквистъ повернулъ съ крейсерами на югъ и былъ интернированъ на Маниллѣ. „Изумрудъ“, подъ командой барона Ферзена, сѣлъ на камни у корейскаго берега.

Благополучно проскочили въ Владивостокъ лишь маленькій крейсеръ „Алмазъ“, подъ командой застрѣлившагося впослѣдствіи при крайне загадочныхъ обстоятельствахъ Чагина, да мино-

носецъ „Громкій“, подъ командой капитана Дурново...

Мы рѣжемъ тихую жемчужную поверхность.

Ничто не говоритъ объ этой драмѣ, объ этой искупительной жертвѣ, которую принесъ когда-то русскій флотъ. И только тамъ, въ бездонной глубинѣ, покоятся теперь его желѣзные останки:

„И тучи, нахмурясь, послѣдній салютъ,
Громовъ грохотаньемъ ему отдадутъ...“

НАГАСАКИ.

Глава третья, о листкахъ съ японской натуры и бѣлыхъ лепесткахъ душистой вишни — сакуры.

„Страна Восходящаго Солнца“.

Революціей, самой изумительной въ мірѣ, слѣдуетъ назвать тотъ соціальный переворотъ, который учинилъ японскій императоръ Мутсухито.

Покойный микадо, съ своими ближайшими сотрудниками — маркизомъ Ито и маршаломъ графомъ Ямагата, считается, не безъ основанія, творцомъ современной Японіи.

Исторія страны „Восходящаго Солнца“ чрезвычайно оригинальна.

Мы ее почти совершенно не знаемъ. Наше представленіе о Японіи ограничивается, главнымъ образомъ, только красивыми сказками о гейшахъ и хризантемахъ. Чтобы имѣть понятіе объ этой странѣ, недостаточно ознакомиться съ веселою опереткой Сиднея Джонса. Чтобы познать Японію, мало побывать въ „чайномъ домикѣ“.

Японія считаетъ себя страною „божественнаго происхожденія“.

Ея исторія теряется въ глубинѣ вѣковъ, подобно исторіи египетскихъ фараоновъ. Мифологія ея чрезвычайно сложна.

Первые боги — Изанагуи и Изанами.

Бракъ ихъ былъ исполненъ невинности. И, какъ утверждаетъ легенда, двѣ птицы научили ихъ тайнамъ любви.

Отъ брака ихъ сына, доблестнаго Сузаноэ — Геркулеса японской мифологіи, и дочери — богини солнца, прекрасной Аматерасу, происходитъ императорская династія. Первымъ императоромъ, Сыномъ Солнца, воплощающимъ въ себѣ душу Японіи, былъ — Хилумено.

Эта династія насчитываетъ, по прямой линіи, болѣе двадцати пяти вѣковъ. Что, по сравненію съ нею, представляютъ Бурбоны, Габсбурги, Гогенцоллерны?..

Древнѣйшей столицей была Осака, считающаяся въ настоящее время центромъ японской промышленности. Императоры находились подъ сильнымъ вліяніемъ феодаловъ-дайміосовъ, богатыхъ землевладѣльцевъ, жившихъ въ своихъ замкахъ съ вѣрными самураями.

Этотъ средневѣковый феодализмъ, наполненный анархіей и безконечной борьбой клановъ, имѣвшій не мало сходныхъ чертъ съ такой же борьбой въ европейскихъ странахъ, длился почти до нашихъ дней.

Однако, несмотря на свое значеніе, дайміосы не осмѣливались, въ силу божественнаго происхожденія, свергать микадо съ престола. Они лишь навязывали ему свою волю. Чтобы освободиться отъ ихъ вліянія, одинъ изъ микадо покинулъ Осаку и основалъ новую столицу — Кіото. Въ тоже время, микадо избралъ одного изъ дайміосовъ и передалъ ему исполнительную власть, съ званіемъ „шогуна“ — великаго военачальника.

Такимъ образомъ, въ Японіи оказались двѣ власти. Одна, императорская, въ Кіото. Другая, правительственная, перенесенная вскорѣ изъ Осаки въ Камакуру. Императоръ занимался религіозными вопросами. Шогуны управляли страной, совершенно изолировавъ ее отъ всего міра. Это былъ періодъ паденія авторитета микадо.

Въ 1854 году произошло событіе, имѣвшее колоссальное значеніе для всей послѣдующей исторіи.

У японскихъ береговъ потерпѣлъ крушеніе какой-то американскій корабль. Пострадали какіе-то американскіе граждане. Американская эскадра, подъ командой командора Пирри, посѣтила Японію.

На виду Когосимы неожиданно показались огромные корабли, съ большими пушками, съ полосато - звѣзднымъ американскимъ флагомъ. Угрожая бомбардировкой, командоръ Пирри потребовалъ, чтобы шогунъ открылъ двери имперіи. Для острастки, эскадра швырнула по Когосимѣ пару ядеръ.

Поднялось необычайное волненіе. Шогунъ былъ вынужденъ уступить.

Даймiосы, хранители старыхъ традицій, возстали противъ правителя, считая его отвѣтственнымъ за вторженіе иностранцевъ. Возникла жестокая гражданская война. И шогунатъ, послѣ семи вѣковъ власти, палъ.

Микадо, въ свою очередь, вмѣшался въ борьбу.

Въ 1868 году, въ рѣшительной битвѣ подъ Симоносеки, онъ одержалъ побѣду надъ феодалами и вернулъ себѣ прежнюю власть. Началась полоса широкихъ реформъ. Съ старымъ вѣковымъ укладомъ было покончено. Одновременно, императоръ Мутсухито избралъ столицей Іеддо, переименовавъ его въ Токіо.

Это лишь перестановка слова Кіото, того священнаго Кіото, который, на протяженіи семисотъ лѣтъ, былъ резиденціей императоровъ.

Такова краткая историческая справка объ этой странѣ.

Чапъ-чапъ.

Нагасаки производитъ нѣжное, ясное, благоухающее впечатлѣніе.

Городъ широко раскинулся у самого подножія горъ. Гигантскіе букеты зелени взмываютъ къ небу прямо изъ моря, на отвѣсныхъ

скалахъ. Море глубокое и синее,какъ настоящее индиго.

Вершины исполинскихъ деревьевъ высоко подымаютъ свои зеленыя шапки надъ маленькими игрушечными домами. По узенькимъ улицамъ, залитымъ солнечнымъ свѣтомъ, снуетъ взадъ и впередъ густая толпа, въ своихъ оригинальныхъ одеждахъ, Толпа находится въ безпрерывномъ движенiи. Но движется неторопливо, безъ особаго шума, если не считать равномѣрныхъ постукиванiй гетта по мостовой:

— Чапъ-чапъ!.. Чапъ-чапъ!..

Съ утра до поздняго вечера слышится этотъ характерный звукъ, который смѣло можно назвать нацiональнымъ.

Улицы кишатъ дѣтьми, веселыми, свѣженькими, здоровыми.

Словно рой мотыльковъ, вылетаютъ они изъ школъ, съ книжками и тетрадками, аккуратно перевязанными цвѣтною ленточкой или хранящимися въ ручныхъ баульчикахъ. Съ оживленными восклицанiями, мчится этотъ дѣтскiй потокъ по всѣмъ улицамъ, провожаемый сочувственными улыбками прохожихъ и лавочниковъ.

До извѣстнаго возраста, всѣ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки, одѣты однообразно, въ длинные, во всѣ стороны развѣвающiеся кимоно, съ морскими картузиками на стриженыхъ головахъ. Видъ ихъ вызываетъ трогательную симпатiю. Это настоящiе цвѣты жизни, къ которымъ японцы относятся съ безпримѣрною нѣжностью, не наблюдаемой въ другихъ странахъ.

Японскiя женщины отличаются большой плодовитостью.

Дѣти встрѣчаются на каждомъ шагу. На каждомъ шагу можно наблюдать оригинальныя сценки, вродѣ той, какъ крошечная семи-восьми-лѣтняя „мусмэ" таскаетъ на спинѣ, въ особомъ мѣшкѣ, своего младшаго брата или сестренку, въ то же время продолжая играть или работать.

Эти сценки комичны до невѣроятія, въ особенности, когда наблюдаешь оживленную возню или драку мальчишекъ-нянекъ, съ мирно спящими крошками за спиной.

Женщины также носятъ обычно своего послѣдняго ребенка съ собой, помѣщая его на спинѣ, въ складкахъ пояса „оби", и разставаясь съ нимъ только на ночь. Это отражается на походкѣ и на фигурѣ японокъ.

Японцы, какъ извѣстно, въ большинствѣ, ниже средняго роста, но чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія. Вопреки распространенному мнѣнію, они превосходно переносятъ холодъ и стужу. Народъ удивительно чистоплотенъ, и въ этомъ отношеніи, не можетъ быть сравниваемъ ни съ кѣмъ.

Въ народѣ сильно развита близорукость и зубная костоѣда. Очень многіе носятъ круглые роговые очки, еле держащіеся на плоскихъ носахъ. У многихъ, при каждой улыбкѣ, обнаруживаются пломбированные золотомъ зубы.

Живописные японскіе кимоно вовсе не такъ многоцвѣтны, какъ многіе представляютъ. Въ своей исторической жизни, Японія имѣла всего только три основныхъ цвѣта. Черный, цвѣтъ присвоенный императору и высшей аристократіи. Красный — цвѣтъ средняго дворянства и буржуазіи. Голубой цвѣтъ — распространенный въ народѣ.

Пріобщеніе къ европейской культурѣ не отражается на одеждѣ японца въ замѣтной степени. Форменную одежду носятъ лишь должностныя лица, войско и флотъ. Въ домашнемъ быту, даже японскіе дипломаты предпочитаютъ замѣнять фракъ національной одеждой. Иногда, впрочемъ, на улицѣ можно встрѣтить японца въ кимоно, при котелкѣ или даже цилиндрѣ. Это уродливое смѣшеніе стилей никого не удивляетъ. Но съ нашей точки зрѣнія кажется невѣроятно забавнымъ.

О іероглифахъ, Бушидо и шинтоизмѣ.

Японія представляетъ архипелагъ изъ четырехъ небольшихъ острововъ, по площади превосходящихъ нѣсколько Великобританію, а именно — Кіу-Сіу, Сикокъ, Хондо или Ниппонъ и Іезо.

Происхожденіе японцевъ туманно.

Предполагаютъ, что этотъ народъ появился изъ Океаніи. Передъ нимъ была другая раса — крупные, бѣлокожіе, бородатые „айно". Цѣлый рядъ вѣковъ былъ занятъ борьбой этихъ расъ, пока „айносы" не были оттѣснены на самый сѣверный островъ — Іезо.

Прекрасные богатые японскіе острова, населенные дикарями-японцами, лежали по сосѣдству съ Кореей и съ обширнымъ Китаемъ, съ его многовѣковой цивилизаціей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что японская культура почти цѣликомъ заимствована изъ этихъ двухъ странъ.

Отсюда, прежде всего заимствована письменность.

Китайское письмо, какъ извѣстно, іероглифическое, подобно египетскому. Корейское письмо фонетично. Японія приняла оба и вмѣстѣ они способствовали образованію нынѣшняго японскаго письма.

Іероглифы — общіе. Написанное китайцемъ, пойметъ и японецъ. Произношеніе же совершенно различное. Японецъ не признаетъ удареній. Не признаетъ двухъ согласныхъ, поставленныхъ рядомъ. Не признаетъ окончанія слова на согласную букву. Какъ курьезъ, у японцевъ нѣтъ звука „л", у китайцевъ нѣтъ звука „р".

Чтобы научиться читать, необходимо знать до 10.000 іероглифовъ, изъ общаго числа далеко превосходящаго эту цифру. Для этого, нужно родиться среди іероглифовъ. Іероглифы совершенно измѣняютъ человѣческое мышленіе. Человѣкъ привыкаетъ мыслить образами.

Есть еще упрощенная азбука — катакана и хиракана. Это также весьма сложная вещь, не перевариваемая европейскимъ умомъ. И правъ былъ, пожалуй, одинъ японскій министръ-радикалъ, предложившій, въ цѣляхъ быстрѣйшаго прогресса страны, откинувъ іероглифы, перейти просто на англійскій языкъ. Министръ этотъ, впрочемъ, какъ утверждаютъ, едва не былъ растерзанъ толпой.

Кромѣ іероглифовъ, японцы заимствовали у китайцевъ календарь, искусства, культуру злаковъ. Въ эту эпоху, японская цивилизація нисколько не уступала европейской. Между тѣмъ никакой связи не существовало. Америка еще не была открыта. Компасъ не былъ изобрѣтенъ.

Къ той же эпохѣ относится и установленіе японскаго рыцарскаго кодекса — Бушидо. Этотъ кодексъ отчасти напоминаетъ европейскіе кодексы временъ феодализма. Онъ отводитъ еще больше мѣста поэзіи, великодушію и, въ особенности, вопросамъ чести, преступленіе противъ которыхъ искупается добровольнымъ самоубійствомъ. Этотъ дикій обычай — „харакири", обставленный особымъ церемоніаломъ, не исчезъ даже до послѣдняго времени.

Сложный, скрытный, противорѣчивый характеръ японца находится въ соотвѣтствіи съ духовной стороной его жизни. Храмы и святилища изобилуютъ въ Японіи, какъ ни въ одной странѣ міра. Но японецъ не религіозенъ. Онъ смѣется надъ безобразнымъ изображеніемъ Будды и древними вѣрованіями.

Зато онъ никогда не позволитъ себѣ шутки надъ алтаремъ предковъ.

Культъ предковъ, положившій основаніе шинтоизму, является истинною религіей страны. Слово „шинто" обозначаетъ — „дорога боговъ".

Этотъ культъ — великая сила, неоцѣнимая въ жизни, примиряющая человѣка со смертью. Какъ недостаетъ его намъ, русскимъ людямъ,

народу — перекати-поле, безъ могучихъ, глубоко внѣдрившихся въ почву корней, не уважающему своей исторіи, ни своихъ старыхъ традицій!

Спросите любого средняго русскаго человѣка, кто его прадѣдъ — и онъ затруднится отвѣтить. Изображеніе дѣда, хотя бы въ фамильной хроникѣ, имѣется далеко не въ каждой семьѣ. Родители не пользуются почетомъ, какъ не пользуется имъ вообще сѣдая русская старина...

По японскимъ понятіямъ, души умершихъ существуютъ. Онѣ живутъ вмѣстѣ съ потомками. На алтарь предковъ, имѣющійся въ каждомъ домѣ, японецъ приноситъ рисъ и саке, совѣщается съ предками въ серьозныя минуты жизни.

Когда адмиралъ Того разбилъ русскій флотъ, старый императоръ послалъ ему телеграмму:

— „Благодаря вашей храбрости, я могъ отвѣтить съ достоинствомъ на вопросы моихъ предковъ!"

И японскіе моряки плакали отъ радости.

Японецъ твердо вѣритъ, что „мертвые повелѣваютъ". Ибо они многочисленнѣе живыхъ и сумѣли накопить большой опытъ.

Таиры и Минамоты.

Въ 1153 году, какъ гласитъ преданіе, появился звѣрь „Нуи".

Нуи — легендарный звѣрь съ головой обезьяны и туловищемъ тигра, взобрался на крышу императорскаго дворца и былъ убитъ стрѣлою изъ лука. Это было сигналомъ великихъ бѣдствій. Начались безконечныя гражданскія войны.

Въ то время императоры еще не могли похвастать полнотой власти. Послѣдняя находилась въ рукахъ нѣсколькихъ могущественныхъ клановъ. Самые знаменитые изъ нихъ — родъ Таировъ и родъ Минамотовъ.

Оба происходили отъ императоровъ, Таиры отъ пятидесятаго, Минамоты — отъ пятьдесятъ шестого. Оба клана вступили въ жестокую борьбу между собой.

Предводитель Таировъ, князь Кіомори — одно изъ величайшихъ именъ японской исторіи. Онъ играетъ въ ней роль Карла V Испанскаго или римскаго Марія. Про него пишутъ:

„Каждый разъ, когда на японскомъ эстампѣ вы видите человѣка съ властнымъ взоромъ, бритой головой, въ одеждѣ бонзы, вы можете быть увѣрены, что это изображеніе Кіомори. Въ японской исторіи онъ оставилъ столь глубокій слѣдъ, что до сихъ поръ японское изобразительное искусство почти не знаетъ иной модели, какъ этого знаменитаго правителя изъ рода Таировъ“...

Чтобы имѣть приблизительное понятіе о нравахъ этой эпохи, слѣдуетъ разсказать эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Кіото.

Норота Томенори, родственникъ могущественнаго князя, вызвалъ гнѣвъ послѣдняго и былъ отправленъ въ изгнаніе. Въ прощальный вечеръ онъ устроилъ ужинъ своимъ пятистамъ друзьямъ.

За ужиномъ, одинъ изъ близкихъ друзей подошелъ и сказалъ:

— Норота, ты благородный человѣкъ!... Никто не достоинъ послѣ тебя занять твое мѣсто... Ты покидаешь городъ и я не хочу въ немъ оставаться... По крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какимъ ты меня зналъ!

И съ этими словами, отрѣзавъ себѣ ухо, онъ подалъ его Норотѣ.

Ближайшій сосѣдъ, растроганный этимъ поступкомъ, воскликнулъ въ свою очередь:

— Я не останусь въ долгу!.. Вотъ мой носъ!

И онъ отсѣкъ себѣ носъ. Ихъ примѣру

послѣдовали другіе. Одинъ отрѣзалъ себѣ палецъ, другой руку, третій ногу. Зала пиршества была залита кровью.

Въ припадкѣ изступленія, Норота воскликнулъ:

— Друзья, я не хочу жить безъ вашего общества!

И сдѣлалъ себѣ харакири. Всѣ пятьсотъ человѣкъ сдѣлали харакири. Обезумѣвшіе слуги подожгли домъ. Пламя охватило весь городъ.

Отъ этого разсказа вѣетъ чудовищной фантазіей. Тѣмъ не менѣе, это фактъ историческій и достовѣрный. Исторія только не упоминаетъ, какое количество „саке" было выпито во время этого ужина...

Могущественный князь Кіомори имѣлъ неосторожность пощадить двухъ сыновей своего стариннаго врага Іошитомо — Іошицуне и Іоритомо.

Іошицуне — японскій Баярдъ, побѣдитель гигантовъ. Съ именемъ Іоритомо связанъ эпитетъ Грозный. Оба брата соединили остатки Минамотовъ и во главѣ ихъ подняли возстаніе.

Битвы начались еще при жизни Кіомори. Умирая, старый князь просилъ, чтобы надъ гробомъ его не молились и не совершали похоронныхъ обрядовъ, пока на крышку не будетъ положена голова Іоритомо.

Но сдѣлать этого не удалось. Напротивъ, Іоритомо клалъ на крышки гробовъ головы своихъ противниковъ. Кіомори прощалъ иногда. Іоритомо не зналъ пощады.

Разыгралось безчисленное количество битвъ.

Въ 1185 году, въ великой битвѣ при Симоносеки, Таиры потерпѣли полное пораженіе. Вмѣстѣ съ ними и императоръ былъ вынужденъ искать спасенія на корабляхъ. Минамоты кинулись въ погоню, съ флотомъ въ семьсотъ парусовъ.

Императоръ, видя печальный исходъ сраженія, бросился въ море. Не колеблясь ни одной минуты, весь дворъ послѣдовалъ за нимъ. Къ довершенію несчастья, императоръ похоронилъ вмѣстѣ съ собой эмблему высшей власти — священную саблю, которую нѣкогда одинъ изъ его предковъ нашелъ въ хвостѣ дракона.

Такъ и покоится она до сихъ поръ въ глубинѣ водъ Симоносеки.

Покончивъ съ Таирами, грозный Іоритомо забралъ всю власть въ свои руки и положилъ основаніе шогунату, власти наслѣдственной, соединенной съ командованіемъ всѣми военными силами.

А потомъ — снова продолжительная анархія, войны и перемирія, перемирія и войны, на протяженіи многихъ столѣтій. Борьба клановъ, шогуновъ и императоровъ, возстаніе Сайго, поднятое во имя возврата къ прошлому и, наконецъ, эпоха Мейдзи — рожденіе новой Японіи...

Чтобы понять психологію японскаго народа, нужно отрѣшиться отъ европейскихъ взглядовъ, отъ европейской логики. Вотъ фактъ изъ сравнительно недавняго прошлаго.

Въ 1912 году умеръ творецъ современной Японіи, императоръ Мутсухито. Знаменитый маршалъ Ноги, восемь лѣтъ передъ тѣмъ взявшій Портъ-Артуръ, рѣшилъ сопровождать императора въ обитель вѣчнаго Солнца. Съ первымъ орудійнымъ выстрѣломъ, возвѣщавщимъ о началѣ похоронъ, маршалъ Ноги производитъ надъ собой харакири. Одновременно кончаетъ самоубійствомъ и его жена.

Характерно то, что когда, послѣ взятія Портъ-Артура, маршалъ Ноги возвращался на родину, толпа встрѣтила его гробовымъ молчаніемъ. Громадныя потери, понесенныя японцами при штурмахъ Портъ-Артура, гдѣ, между прочимъ, погибли два сына маршала, лишили послѣдняго популяр-

ности. Но послѣ харакири, Ноги становится знаменитѣйшимъ національнымъ героемъ. Воспріятіе германской военной науки, не помѣшало маршалу сохранить міровоззрѣніе стараго японскаго самурая.

Вишня, хризантемы и гейши.

Въ противоположность другимъ крупнымъ японскимъ центрамъ, Нагасаки еще продолжаетъ носить ярко выраженный національный характѣръ.

Въ немъ почти отсутствуютъ монументальныя зданія, каменныя громады отелей, банковъ и магазиновъ. Букеты яркой и сочной зелени придаютъ городу нарядный видъ. Словно дѣвушка въ праздничномъ кимоно, расточаетъ онъ радостныя улыбки и дышетъ полною грудью. Тамъ, гдѣ улицы пролегаютъ въ горномъ массивѣ, по стѣнамъ вьется плющъ, сочится горный ручей.

И только величественные доки, на противоположной сторонѣ залива, свидѣтельствуютъ о какой-то новой, современной цивилизаціи.

По главнымъ улицамъ бѣжитъ трамвай. Мчатся циклисты. Иногда пронесется автомобиль. Обычный же способъ передвиженія — пѣшкомъ или на „курумѣ", небольшой двухколесной колясочкѣ, запряженной человѣкомъ — джинрикшей.

Какъ ни странно, этотъ способъ передвиженія изобрѣтенъ европейцами — американскими миссіонерами. Японія переняла его для себя, а отсюда рикши получили распространеніе въ Китаѣ и другихъ азіатскихъ странахъ.

Пестрый колоритъ японскаго города лежитъ на всемъ.

На оживленной толпѣ, на яркихъ іероглифахъ вывѣсокъ, на витринахъ лавокъ и магазиновъ, на бумажныхъ фонарикахъ, на крикахъ джинрикшъ, на дребезжаньяхъ звонковъ.

Нагасаки — крупный торговый портъ.

На улицахъ можно увидѣть моряковъ всѣхъ странъ свѣта. Ихъ можно встрѣтить чуть-ли не въ каждой тавернѣ, сидящихъ группами, за бутылкою пива или за кружкой теплой рисовой водки — „саке“, любезничающихъ съ миловидными прикащицами, тутъ же, за перегородкой, отдающимися, за пару іенъ, съ наивною беззаботностью.

Солнце заливаетъ улицы мягкимъ свѣтомъ, играетъ золотой рябью на синей водѣ залива, кладетъ нѣжные блики на лиловыя горы...

Японецъ — прозаикъ-позитивистъ и въ то же время — поэтъ, боготворящій природу. Ни одинъ народъ въ мірѣ не любитъ такъ культуру цвѣтовъ. Наибольшее предпочтеніе японецъ отдаетъ цвѣтамъ вишни, символизирующимъ весну.

Въ этихъ цвѣтахъ заключенъ, можетъ быть, основной смыслъ суроваго Бушидо, предпочитающаго смерть малѣйшему безчестію. Не такъ-ли осыпается бѣлый цвѣтъ вишни передъ увяданіемъ лепестковъ?

Японецъ благоговѣетъ передъ этимъ сочетаніемъ. Сочетаніемъ нѣжныхъ цвѣтовъ съ холоднымъ клинкомъ „катаны“, олицетвореніемъ души отважнаго самурая. Цвѣтенье вишень служитъ предметомъ трогательнаго восхищенія каждой японской семьи — „ханами“, что обозначаетъ буквально — „любоваться цвѣтами“. Въ періодъ цвѣтенья вишень, по всей Японіи, изъ конца въ конецъ, организуются пышныя празднества. И особенно обильны въ эти дни возліянія саке, подъ сѣнью душистой „сакуры“.

Потомъ слѣдуетъ праздникъ сливъ, праздникъ піоновъ, азалій, камелій, праздникъ ириса, лотоса и, наконецъ, осенній праздникъ — хризантемы...

Японія чрезвычайно гориста.

Поля, въ большинствѣ случаевъ, расположены на террасахъ, по склонамъ холмовъ. Ни одинъ

клочокъ земли не пропадаетъ. Самый бѣдный японецъ обрабатываетъ свой участокъ, какъ изысканнѣйшій цвѣтникъ. Основой питанія является рисъ, взращиваемый повсюду съ изумительною настойчивостью, терпѣніемъ и любовью.

Рисъ требуетъ тщательнаго ухода и много труда. „Рисъ нужно поливать пòтомъ“, говоритъ японская пословица. Въ жизни народа, рисъ имѣетъ исключительное значеніе. Оно можетъ быть выражено слѣдующимъ утвержденіемъ:

„Этнографической границей японцевъ является граница произрастанія риса“. Это даетъ право обезсиленной въ настоящее время Россіи не очень тревожиться за Сибирь. Взоры японцевъ обращены на югъ...

Въ климатическомъ отношенія, Японія — обѣтованная земля.

Въ ней нѣтъ ни чрезмѣрнаго зноя, ни лютаго холода. Четыре времени года періодически смѣняютъ другъ друга. Но переходы нѣжные, мягкіе, овѣваемые дыханіемъ океана и теплымъ теченіемъ Куросиво...

Плотность населенія достигаетъ предѣла. Народъ задыхается отъ скученности на островахъ.

Японецъ заводитъ семью, подчиняясь авторитету родителей.

Жена — раба, боготворящая своего мужа, подчиняющаяся ему безъ протеста. Въ соціальномъ отношеніи, женщина стоитъ неизмѣримо ниже мужчины. Однако, промышленная эволюція и вліяніе европейскихъ странъ, мало по малу содѣйствуютъ эмансипаціи японской женщины.

Слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о гейшахъ, которыхъ обычно представляютъ жрицами свободной любви.

Гейша — японская кокотка, афинская гетера временъ Перикла, предназначенная для удовлетворенія не столько физическихъ потребностей, сколько психологическихъ.

Гейша — не проститутка, въ узкомъ смыслѣ

этого слова. Ея назначеніе — развлекать гостей музыкой, игрой на кото и на трехструнномъ самисенѣ, танцами, пѣньемъ, утонченными манерами и бесѣдой, словомъ, искусствомъ плѣнять мужчинъ и доставлять имъ эстетическое наслажденіе. Институтъ гейшъ, еще не такъ давно, былъ національнымъ учрежденіемъ. Впрочемъ, въ настоящее время, въ связи съ той же промышленной эволюціей и вліяніемъ европейскихъ странъ, гейша все ближе и ближе подходитъ къ типу кокотки, въ его общемъ значеніи.

Чистая проституція, это кварталы домовъ наслажденія — Іосицаро, куда вплоть до недавняго времени, отцы продавали своихъ дочерей. На проституцію въ Японіи смотрятъ, какъ на обычное женское ремесло, нисколько не пятнающее ни дѣвушку, ни честь семьи.

Понятіе о нравственности здѣсь совершенно своеобразное...

Волшебный стрѣлокъ Мунетака.

Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, родъ Таировъ былъ на вершинѣ славы. Его сыновья занимали высшіе посты въ государствѣ. Его дочери становились императрицами.

Могущественный князь Кіомори, ограничившій власть микадо, по преданію, мановеніемъ своего вѣера остановилъ даже солнце. Съ этихъ поръ, самураи Таировъ стали носить на своихъ боевыхъ значкахъ красный солнечный дискъ.

Однако, на западѣ выростала угроза.

Минамоты, подъ предводительствомъ Іоритомо, кинули свои дружины на равнины Ямато. Мрачный Іошицуне одерживалъ побѣду за побѣдой. Двѣ арміи стояли одна противъ другой. Предстояла рѣшительная битва.

Таиры расположились на морскомъ берегу. Минамоты стояли на окрестныхъ холмахъ. Въ

тотъ часъ, когда солнце склонялось на западъ, Минамоты замѣтили въ станѣ противника длинное древко съ опахаломъ, украшеннымъ солнечнымъ дискомъ. Рядомъ стояла красивая дѣвушка. Она дѣлала знаки рукой и опахало казалось пылающимъ знаменемъ, бросавшимъ свой вызовъ.

Іошицуне воскликнулъ:

— Этотъ врагъ не заслуживаетъ ничего кромѣ презрѣнія!... Не найдется ли среди насъ стрѣлокъ, который пуститъ стрѣлу въ это знамя?... Мы не покроемъ себя позоромъ!

Воины переглянулись между собой и молчали.

Тогда старый доблестный военачальникъ подошелъ и сказалъ:

— Іошицуне!.. Только одинъ самурай можетъ исполнить твое приказаніе!.. Это — Насу но Мунетака, изъ Шимозуке!.. Я приведу его!

Мунетака былъ красивый юноша, не насчитывавшій и двадцати лѣтъ. Смущенный тѣмъ, что выборъ палъ на него, онъ стоялъ въ нерѣшимости. Если онъ промахнется, то покроетъ позоромъ не только себя, но и армію.

Іошицуне настаивалъ на своемъ приказаніи.

Молодой самурай слѣзъ съ могучаго вороного коня, убраннаго золотымъ чепракомъ, и направился къ берегу.

Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ. Высокія волны гуляли по разъяренному морю. Мунетака вынулъ стрѣлу изъ колчана и вложилъ въ лукъ. Но прежде чѣмъ спустить тетиву, онъ закрылъ на мгновенье глаза и обратился съ пламенной молитвой къ богу войны — Хачиману. Въ случаѣ промаха, Мунетака рѣшилъ тотчасъ покончить съ собой.

Вѣтеръ неожиданно стихъ и дерзкое знамя казалось почти неподвижнымъ. Мунетака натянулъ тетиву съ такой силой, что лукъ сталъ похожимъ на луну въ полнолуніе. Онъ тщательно прицѣлился, спустилъ стрѣлу и свистъ ея про-

несся надъ моремъ. Ударъ былъ точенъ. Стрѣла попала въ узелокъ знамени.

Оторванная отъ древка, славная эмблема Таировъ, какъ осенній листокъ, мелькнула три раза въ воздухѣ, легла на поверхность воды и погрузилась въ морскую пучину.

Звонкими ударами желѣзныхъ рукавицъ по сѣдлу, Минамоты привѣтствовали удачу. Таиры стояли въ молчаніи, удрученные мрачнымъ предзнаменованіемъ, сулившимъ имъ закатъ славы. Началась великая битва, въ которой Таиры были разбиты.

Въ 1870 году, бѣлое знамя съ алымъ солнечнымъ дискомъ стало національнымъ японскимъ флагомъ.

Оно но Комачи.

Оно но Комачи — молодая фрейлина императорскаго двора. Передъ ея красотой стыдливо склонялись цвѣты и луна теряла свой блескъ. Оно но Комачи была, кромѣ того, поэтессой.

Красота Оно привлекала многочисленныхъ поклонниковъ. Но на всѣ предложенія Оно отвѣчала отказомъ. Ибо смотрѣла на любовь, какъ на высокое и благородное чувство. Человѣкъ, котораго она могла бы назвать своимъ мужемъ, долженъ былъ обладать искренней, глубокой и пылкою страстью.

Среди поклонниковъ былъ молодой придворный — Фукакусо но Шошо. Въ тотъ часъ, когда онъ признался въ любви, Оно, съ улыбкой, отвѣтила:

— Если вы меня дѣйствительно любите, постучитесь въ мое окошко сто ночей подрядъ. Послѣ этого, я отвѣчу на вашу любовь!

На другой день Комачи покинула дворъ и переѣхала въ глухую деревню.

Молодой человѣкъ, любовь котораго была такъ же пылка, какъ и искренна, подчинился

желанію своей возлюбленной. Переплывая широкія рѣки и пересѣкая поля, каждую ночь онъ приходилъ къ дому Комачи и стучался въ окно. Девяносто девять ночей протекли одна за другой.

Когда спустились тѣни, обозначавшія приближеніе сотой ночи, падавшій съ утра снѣгъ покрылъ всю страну серебристымъ уборомъ. Наступалъ часъ свиданія, но возлюбленный не приходилъ. Время уходило и уходило. Между тѣмъ, это была сотая ночь. Маленькое сердце Комачи уже всецѣло принадлежало Шошо.

Необъяснимое отсутствіе Шошо наполнило ее безпокойствомъ. И молодая дѣвушка отправилась на поиски.

Они разошлись.

Съ своей стороны, придя къ дому возлюбленной и постучавъ въ окно, Шошо отвѣта не получилъ. Долгое и напрасное ожиданіе повергло его въ отчаяніе. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что, взявъ съ него обязательство „ста ночей“, Комачи сыграла съ нимъ шутку. Длинныя ночныя прогулки его истощили. Печаль и холодъ его доканали. И когда Шошо упалъ у порога, онъ больше уже не поднялся. Вернувшись съ поисковъ, Комачи нашла бездыханное тѣло.

Оно но Комачи тяжело заболѣла. Три мѣсяца она находилась между жизнью и смертью. И до конца своихъ дней оставалась вѣрна памяти Шошо, вознося молитвы за душу возлюбленнаго.

Это было давно, въ девятомъ столѣтіи. Но до сихъ поръ имя Оно но Комачи окружено трогательными воспоминаніями.

„Бѣлый Тигръ“.

Послѣдній шогунъ Токугава продолжалъ борьбу съ императомъ, и 1868 годъ былъ послѣднимъ годомъ этой борьбы.

Замокъ Вакаматсу, расположенный въ центрѣ

провинціи Азу, считался самымъ неодолимымъ. Въ немъ жилъ феодалъ Мацудара Катаяку, съ вѣрными самураями, разбитыми на четыре отряда — Красный Воробей, Черная Черепаха, Синій Драконъ и Бѣлый Тигръ или Біакко Таи.

22 августа 1868 года, двѣ тысячи солдатъ императорской арміи, овладѣвъ сосѣдними укрѣпленіями, подошли къ главнымъ воротамъ замка.

Одинъ изъ самураевъ вышелъ навстрѣчу и, въ яростной схваткѣ, уложилъ пятьдесятъ солдатъ. Въ то же время, отрядъ молодыхъ воиновъ, испуская громкіе клики, ударилъ во флангъ. Это были воины Бѣлаго Тигра — Біакко-Таи, кинувшіеся въ схватку подъ начальствомъ Хіуга Наики. Императорскія войска, не взирая на доблесть, были принуждены отступить.

Самураи защищали замокъ съ такимъ ожесточеніемъ, что императорскія войска должны были начать правильную осаду. Замокъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. Ни одинъ муравей не могъ проникнуть. Самураи стали испытывать голодъ. Когда истощился запасъ риса и соли, стали ѣсть лошадей и собакъ. Съ каждымъ днемъ силы самураевъ таяли, въ то время какъ императорскія войска получали свѣжія подкрѣпленія. Но мужественные воины продолжали пѣть военныя пѣсни и, для развлеченія, пускали бумажные змѣи.

Осада подходила къ концу.

Когда феодалъ Мацудара Катаяку пришелъ къ заключенію, что на побѣду разсчитывать нельзя и вѣрные защитники замка обречены погибнуть отъ голода, онъ приказалъ открыть ворота и дать бой въ чистомъ полѣ. Начальникъ Бѣлаго Тигра — Хіуга Наики, созвалъ свой отрядъ.

Тридцать восемь самыхъ отважныхъ воиновъ попросили назначить ихъ въ авангардъ. Они знали, что борьба, которую они ведутъ въ защиту своего феодала и родины, будетъ для нихъ

послѣднею. Надежда на побѣду исключена. Противникъ раздавитъ ихъ своею многочисленностью. Тѣмъ не менѣе, самураи рѣшили бороться до послѣдняго вздоха, чтобы быть достойными своихъ предковъ и феодала.

Они провели ночь, танцуя „кеннбу", воинственный танецъ сабель, разсуждая о предстоящей битвѣ. Другіе писали прощальныя письма своимъ матерямъ.

На разсвѣтѣ упалъ густой туманъ.

Воины Бѣлаго Тигра незамѣтно подошли къ противнику, съ крикомъ: „Банзай!" ринулись на него и завязали сраженіе. Такъ какъ противникъ былъ многочисленнѣй, самураи принуждены были держаться плечомъ къ плечу. Императорскія войска охватили горсть храбрецовъ съ трехъ сторонъ. Осталось всего девятнадцать человѣкъ. Ночь застала ихъ на вершинѣ холма Имори.

Отсюда самураи бросили взглядъ на замокъ, который уже пылалъ въ огнѣ и клубахъ чернаго дыма, подъ залпы мушкетовъ. Молодые воины сжимали эфесы сабель и скрежетали зубами. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Вернемся въ замокъ и умремъ при его защитѣ!

Другой сказалъ:

— Это будетъ безполезная жертва. Насъ окружатъ и возьмутъ въ плѣнъ. Лучше покончимъ съ собой!

Третій замѣтилъ:

— Оба вы правы! Но еще остаются пули въ нашихъ мушкетахъ. Умереть мы не опоздаемъ!

Весь отрядъ присоединился къ этому мнѣнію. Воины Бѣлаго Тигра спустились съ холма и продолжали бой, пока не разстрѣляли патроны.

— Теперь — умремъ! — вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

Самураи взобрались снова на вершину холма, бросили послѣднiй взглядъ на замокъ, и клинкомъ сабли вырѣзали на камнѣ:

„Здѣсь насъ девятнадцать, поклявшихся въ вѣрности. Мы умираемъ добровольно на холмѣ Имори. Но души наши останутся здѣсь навсегда и будутъ охранять замокъ. Прощайте!"

Вслѣдъ за тѣмъ, одни вскрыли себѣ животъ, другiе перерѣзали горло, третьи прокололи себя саблями.

Война кончилась и началась эпоха Мейдзи.

Но воспоминанiе о доблести воиновъ Бѣлаго Тигра живетъ въ японской душѣ. Нѣтъ никого, кто бы не чувствовалъ, какъ великъ этотъ примѣръ героической вѣрности и презрѣнiя къ смерти. Въ честь павшихъ героевъ былъ совершенъ пышный религiозный обрядъ. На вершинѣ холма Имори стоятъ, въ одинъ рядъ, девятнадцать гробницъ. Время, дожди и морозы могутъ разрушить камень. Но имена доблестныхъ самураевъ остаются жить навсегда.

Прогулка по Нагасаки.

На протяженiи часа, джинрикша катаетъ меня по городу.

Его общiй видъ очарователенъ. Все ласкаетъ глазъ нѣжной гармонiей и сочетанiемъ красокъ. Здѣсь нѣтъ стремительнаго ритма европейскихъ столицъ, съ ихъ раздражающимъ гамомъ, нервною сутолокой, съ лихорадочно струящейся и вскачь несущейся жизнью.

Здѣсь все располагаетъ къ созерцанiю, покою, мечтательности. Въ особенности, въ тотъ часъ, когда падаетъ вечеръ и золотой шаръ тонетъ въ водахъ залива...

На вершинѣ горы стоитъ храмъ.

По стапятидесяти ступенямъ взбираюсь наверхъ и стою въ преддверіи святилища Будды, обернувшись въ сторону моря. Оно горитъ въ лучахъ нѣжнаго оранжеваго заката, переливаясь ультрамариномъ и золотомъ.

Рядомъ стоитъ, высѣченная въ натуральный ростъ, лошадь изъ зеленаго малахита. Двѣ молодыя японки, комично присѣдая, совершаютъ передъ ней какой-то религіозный обрядъ. Храмъ окаймленъ рощей гигантскихъ деревьевъ, упирающихся мохнатыми верхушками въ небо. Ихъ вышина, примѣрно, не менѣе тридцати саженъ. Я думаю, что это эвкалипты.

Но молодой улыбающійся японецъ, отрѣзавъ перочиннымъ ножомъ кусочекъ коры, утверждаетъ меня въ другомъ. По запаху, это оказываются, столь изобилующія въ Японіи, знаменитыя камфарныя деревья.

Величественная панорама, развертывающаяся съ вершины, оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе, полна элегической прелести, и трудно оторвать взоръ отъ ея волнующаго очарованія. Изъ за далекой горы, словно гигантскій прожекторъ, выплываеть луна, перекидывая серебряный мостъ черезъ темныя воды залива.

И вспоминается „хокку“ — образчикъ японской поэзіи, наивно-дѣтской и примитивной, главное достоинство которой заключается въ краткости:

„О, свѣтъ луны
Въ заливѣ молчаливомъ,
Струящійся всю ночь!“

—

„Мейгецу іа
Ике во мегурите
Іомосугара!“

Маленькій языческій храмъ съ бронзовымъ изображеніемъ Будды, таинственныя изваянія на стѣнахъ, тишина, таинственный ароматъ и полоса предзакатныхъ лучей, лежащая на гладкомъ, словно вощеномъ полу, бархатный вечеръ, камфарная роща и даже лошадь изъ зеленаго малахита — все это дѣйствуетъ на меня сильнѣе роскошныхъ мраморныхъ храмовъ и торжественныхъ богослуженій...

Смѣясь и оживленно чирикая между собой, японки спускаются по ступенямъ. Медленно слѣдую за ними.

Отдохнувшій джинрикша подхватываетъ мелкой рысцой и мчится по безконечной, плывущей въ сумракѣ улицѣ. Высокой террасой она извивается надъ заливомъ.

Вѣетъ вечерняя свѣжесть. Гуще ползетъ невѣдомый пряный запахъ.

Зажигаются вечерніе огоньки. Они ползутъ по горѣ и сливаются съ звѣздами. Дорога переходитъ въ аллею, съ разбросанными, такъ и сямъ, миніатюрными домиками. Трещатъ цикады. Раздается рѣзкій крикъ ночной птицы, что-то вродѣ крика коростеля: деръ-деръ!... Но это не птица, а ночной жукъ, размѣрами не уступающій воробью.

У одного изъ домиковъ джинрикша пріостанавливается.

Выходитъ старуха-японка. Съ плутоватой улыбкой, присѣдая и кланяясь, обращается на ломаномъ русскомъ языкѣ. Она хорошо помнитъ то время, когда въ Нагасаки приходила эскадра подъ бѣло-голубымъ флагомъ, и на узенькихъ улицахъ звучала русская пѣсня и рѣчь. Русскіе — щедрый народъ, и серебряные рубли звенѣли по всѣмъ кабакамъ Нагасаки.

Это — мать моего рикши.

Словоохотливая японка погружается въ воспо-

минанія, произноситъ, коверкая, рядъ знакомыхъ морскихъ фамилій, трогаетъ меня за рукавъ, тянетъ къ себѣ, шепчетъ:

— Пойдемъ, капитанъ!.. Скажешь спасиба!..

Въ дверяхъ мелькаютъ свѣтлыя кимоно, доносится заглушенный молодой женскій смѣхъ, восклицанія:

— Кику-санъ!.. Кику-санъ!...

Я говорю — спасибо, аригато! — швыряю японскую мелочь. Джинрикша, смѣется, поворачиваетъ оглобли и снова мчится по полупустынной дорогѣ.

Уже темно, кое-гдѣ гаснутъ огни. Только рейдъ горитъ сотнями сверкающихъ глазъ.

На „Лорестанѣ" заканчивается погрузка угля.

Огромная баржа приткнулась къ пароходу. На ступеняхъ трапа, отъ низа до верха, образуя сплошное кольцо, стоитъ десятка два человѣческихъ фигуръ — мужчины, дѣвушки, дѣти, съ маленькими корзиночками въ рукахъ, такими, въ которыя свѣтскія барышни собираютъ лѣтомъ грибы или землянику.

Одна за другой корзиночки наполняются углемъ и быстро передаются изъ рукъ въ руки. Этотъ примитивный способъ погрузки не лишенъ извѣстнаго остроумія и болѣе удобенъ, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего потому, что опрятенъ, и не разноситъ угольную пыль по всему пароходу.

Пассажиры слѣдятъ за погрузкой, дѣлятся впечатлѣніями, лакомятся крупными японскими персиками, мандаринами, приторно сладкими, похожими на помидоръ — какки.

Быстро падаетъ ночь.

Палуба постепенно пустѣетъ. Два японскихъ жандарма прогуливаются у трапа. Рядомъ со мной, на скамьѣ, сидитъ молодой японецъ въ кепкѣ. Прачка-ли, поставщикъ-ли провизіи или мѣняла — кто его знаетъ?

Заложивъ руки въ карманы, выпроставъ голыя ноги изъ полосатаго кимоно, онъ безучастно смотритъ на ночные огни и насвистываетъ изъ „Риголетто"...

Пробужденный Драконъ.

До 1854 года Японія была обособленной, замкнутой, недоступной европейскому вліянію и, можетъ быть, по своему счастливой страной.

Съ того памятнаго дня, когда американская эскадра командора Пирри дала по Когосимѣ нѣсколько залповъ, страна Восходящаго Солнца, стремившаяся всѣми силами отгородиться отъ внѣшняго міра, стала неожиданно на другой путь.

Японія такъ же завела желѣзныя и шоссейныя дороги, паръ, электричество, скорострѣльныя пушки, броненосные крейсера и дредноты, словомъ, все то, что ей недоставало.

Однимъ движеніемъ, Японія сбросила съ себя покровъ прошлаго и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлала то, на что требуются столѣтія. Неподвижный, на протяженіи безконечнаго числа вѣковъ дремавшій въ феодальной рутинѣ, японскій народъ пріобщился внезапно къ цивилизованному міру.

Обращаетъ вниманіе изумительный парадоксъ.

Сверженіе шогуната происходитъ подъ лозунгомъ:

— Уважайте императора, Сына Солнца!.. Изгоняйте бѣлыхъ дьяволовъ!.

И въ то же время, происходитъ перениманіе, до мельчайшихъ подробностей, европейской культуры. Если понять японскую психологію, внутренняя логичность процесса станетъ ясной.

Это то же „джіу-джитсу“ — пріемы извѣстной японской борьбы.

Всѣ народы, въ борьбѣ, пытаются противопоставить силѣ противника собственную мощь. Японскій „джіу-джитсу“ стремится использовать въ этой борьбѣ прежде всего силу противника.

Это не только пріемъ физической борьбы. Это цѣлая философская доктрина. Японецъ примѣняетъ эту доктрину въ борьбѣ съ врагами, во всѣхъ проявленіяхъ. Для этого необходимо заимствовать у враговъ всѣ ихъ сильныя стороны. Японская политика, тактика и стратегія — все это методы „джіу-джитсу“.

До послѣдняго времени, Японія была исключительно земледѣльческою страной. Въ настоящее время гигантскими шагами развилась промышленность. Морская торговля стала огромной. Военная мощь является образцовой.

Эта мощь стоитъ на прочномъ фундаментѣ. Съ востока доступъ къ Японіи огражденъ обширнымъ передовымъ театромъ, простирающимъ свои щупальцы далеко вглубь Тихаго океана. Съ запада примыкаетъ къ Китаю и безсильной Россіи. Всѣ входы и выходы находятся въ твердыхъ рукахъ. Никакая блокада ей не страшна.

Въ самомъ центрѣ, въ районѣ Корейскаго пролива, стоитъ на стражѣ могучій флотъ.

Тамъ же стоитъ мощная японская армія. Пользуясь сѣтью желѣзныхъ дорогъ и колоссальнымъ тоннажемъ торговаго флота, армія можетъ быть такъ же быстро перекинута въ любой пунктъ театра войны.

Стратегическое положеніе Японіи является, въ полномъ смыслѣ слова, блестящимъ. Неуязвимая для враговъ, Японія, съ своей стороны, имѣетъ возможность развить активныя дѣйствія въ любомъ направленіи. Въ настоящее время идетъ подготовительная работа. Никто не знаетъ часа и дня, когда японская армія и боевыя

эскадры, подъ флагомъ „Восходящаго Солнца", будутъ кинуты для выполненія очередной задачи.

Но часъ этотъ близокъ...

Японія храмовъ, священныхъ рощъ и религіозныхъ преданій, Японія священныхъ эмблемъ — ручного зеркала богини Аматерасу и сабли, легендарной лисицы Китцуне, звѣря Нуи и старыхъ отцовскихъ обычаевъ, пока еще существуетъ. Еще крѣпка вѣковая организація и глубоки ея корни. Пятьдесятъ лѣтъ современной японской цивилизаціи являются только мгновеньемъ.

Но одновременно существуетъ Японія великихъ промышленныхъ центровъ, тяжелой индустріи и рабочихъ союзовъ.

Народъ задыхается отъ скученности на островахъ и ищетъ выхода. Можетъ быть тутъ играетъ отчасти роль безсознательное влеченіе на материкъ съ этихъ красивыхъ, но зыбкихъ жемчужинъ, подверженныхъ разрушительнымъ катаклизмамъ.

Только съ этой стороны, будущее Японіи не можетъ не вызывать въ народѣ нѣкоторой тревоги. Японскіе острова представляютъ стѣну, круто обрывающуюся въ океаническую бездну. Эта стѣна періодически разрушается неизвѣстными вулканическими силами. Предсказанія современныхъ геологовъ сулятъ островамъ мрачную перспективу.

Но кто знаетъ, сколько вѣковъ или тысячелѣтій отдѣляетъ этотъ роскошный архипелагъ отъ участи таинственной Атлантиды?

Какъ бы то ни было, подобно крысамъ съ обреченнаго корабля, японцы уже въ настоящее время выказываютъ признаки безпокойства и, въ поискахъ болѣе прочнаго основанія, судорожно цѣпляются за материкъ.

Корея и Южная Манчжурія уже прочно припаяны къ метрополіи.

Развивается активная дѣятельность въ Сѣверной Манчжуріи. Зоркій глазъ слѣдитъ за Китаемъ

и, весьма вѣроятно, смотритъ на него, какъ на будущую добычу. Жадные взоры кидаются къ югу, въ сторону Филиппинъ, Зондскихъ острововъ, Полинезіи.

Трудно повѣрить, чтобы надъ Тихимъ океаномъ вѣчно сіяло яркое солнце. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто вывелъ Японію изъ ея вѣкового покоя. Если суждено Тихому океану стать ареной предстоящихъ грозныхъ событій, въ этой международной драмѣ главную роль сыграетъ Японія...

ЦИНГТАО.

Глава четвертая или блекло-зеленая повѣсть о „Спящей Красавицѣ“.

Дыханіе тайфуна.

Съ кормы еще бѣлѣютъ порой скалистые, въ пышной мохнатой шапкѣ, японскіе острова. Съ боковъ и спереди разстилается лилово-сизая пустыня.

Яркое и лучистое утро создаетъ бодрое настроеніе. Солнце дѣйствуетъ на меня изумительнымъ образомъ. Я съ наслажденіемъ отдаюсь его мягкой, благостной ласкѣ и погружаюсь въ міръ странныхъ переживаній.

Дѣйствительность или сказка — это новое скольженіе по водѣ, на англійскомъ пароходѣ, навстрѣчу новымъ несказаннымъ зорямъ?..

Но неожиданно задулъ остъ.

Зловѣщею пеленой кроется восточная часть неба. По морю гуляютъ барашки. „Лорестанъ" швыряетъ на волнѣ. Вѣтеръ крѣпчаетъ и съ силою хлещетъ въ лѣвый бортъ. Туманная завѣса ползетъ все выше и выше. Пепельно-желтые тона не предвѣщаютъ ничего хорошаго.

Это — тайфунъ.

Или, во всякомъ случаѣ, приближеніе тайфуна, бича китайскихъ и японскихъ водъ, обычнаго на этихъ паралелляхъ. Такъ утверждаетъ докторъ Бари. Онъ знаетъ все. Его авторитетъ безспоренъ.

Благоразуміе требуетъ уйти.

Попасть въ центръ грознаго водоворота рискованно даже для судовъ съ мощной машиной. „Лорестанъ“, съ своимъ сравнительно ничтожнымъ трехтысячнымъ тоннажемъ, вдобавокъ перегруженный сверхъ мѣры, едва-ли будетъ въ состояніи бороться съ приближающимся шкваломъ.

Онъ рѣзко мѣняетъ румбъ и, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, идетъ прямо на западъ. Качка становится сильнѣй. Размахи волнъ все выше. Носъ зарывается въ глубокіе провалы. Корма выскакиваетъ изъ вспѣненнаго гребня и обнажаетъ работающій въ холостую винтъ.

Свиститъ вѣтеръ и брызги залетаютъ на спардекъ. Тяжело махая могучими сѣро-стальными крыльями, впервые появился альбатросъ. То неожиданно скрываясь за кормой, то вдругъ взмывая выше мачты, онъ долго насъ сопровождалъ, какъ нѣкій скорбный вѣстникъ...

Подъ трюмной лѣстницей, на чемоданѣ, въ костюмѣ не то десятника, не то купца, торгующаго скобянымъ товаромъ, сидитъ бывшій комендантъ владивостокской крѣпости, генералъ Сулевичъ.

Онъ заслуженный ветеранъ, успѣшно командовавшій армейскимъ корпусомъ во время великой войны, общій любимецъ владивостокскаго гарнизона и жителей. Каждый день его можно было видѣть на Свѣтланкѣ, въ пальто съ красными генеральскими отворотами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ тщательно расчесанной и надушенной бородой.

Генералъ вынимаетъ изъ кармана поддевки кожаный кисетъ, свертываетъ крученку и произноситъ:

— Засѣданіе совѣта министровъ объявляется открытымъ!

Выдерживаетъ маленькую паузу, обводитъ

собесѣдниковъ строгимъ взглядомъ и продолжаетъ:

— Слово принадлежитъ министру иностранныхъ дѣлъ!

„Министръ иностранныхъ дѣлъ“ приступаетъ къ своимъ обязанностямъ. Сдвинувъ на затылокъ военную фуражку, нагибается къ корзинѣ, достаетъ объемистую бутыль и наполняетъ водкою стаканы.

Комендантъ подаетъ команду:

— Первое орудіе — пли!

— Второе — пли!

Качка становится еще сильнѣй. А, можетъ быть, это только наше воображеніе...

Насупротивъ, сидитъ на нарахъ небольшая группа.

Два брата Кравченки, зажиточные хуторяне Ольгинскаго уѣзда, нарѣзаютъ хлѣбъ, сало, колбасу, попутно разсказываютъ про свой фруктовый садъ, про скотъ, про инвентарь.

— Повѣрите, ранетъ по фунту вѣсомъ!.. Опорто!.. Безсѣмянка!.. За плодоводство получилъ мендаль!.. За скотоводство — отзывъ поощрительный!.. Живи и радуйся!.. Эхъ, черти проклятущіе!..

У всѣхъ усталыя, блѣдныя, зеленыя лица. Небритыя, заросшія щетиною, физіономіи мужчинъ. Подтянутыя, поблекшія щеки дѣвушекъ и женщинъ. Всѣ раздражительны и злы.

И вечеромъ я слышу, какъ попадья накидывается на бѣдную пѣвичку изъ шантана:

— Вотъ тоже, развели еще щенятъ!... Одно несчастье!... Гришка, хулиганъ! — кричитъ она на сына. — Вотъ отдеру тебя, паршивца!.. Поганыя собаки!.. Пускаютъ тоже всякихъ!..

Штабсъ-капитанъ Онѣгинъ вступается за оскорбленную подругу:

— Мадамъ, причемъ же тутъ собачки?.. Жэ нэ компранъ!.. Не понимаю!.. Потрудились

бы лучше убирать свои горшки!.. Тоже вѣдь не фіалки!..

Попадья вспыхиваетъ, визжитъ и заливается истерическимъ плачемъ.

Сегодня я попадаю на очередное дежурство по трюму.

Мои обязанности заключаются въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы пассажиры не курили, не зажигали свѣчъ и чтобы, кто же его знаетъ, не было поползновеній на чужую собственность. Много всякаго подозрительнаго народа. Въ сосѣднемъ трюмѣ уже было нѣсколько кражъ.

Склянка бьетъ полночь.

Горятъ электрическія лампочки. Въ различныхъ положеніяхъ, кто на боку, кто на спинѣ, лежатъ и спятъ измученные люди. Разносится тяжелый храпъ, сопѣнье, вздохи. Одни спятъ на нарахъ. Другіе, на цыновкахъ посреди трюма. Нѣкоторые, искусно отгородившись корзинами и сундуками, устроили каюты. Иные соорудили даже настоящіе шалаши.

Заплачетъ маленькій ребенокъ. Проснувшаяся мать укачиваетъ его колыбельной пѣсней:

„Ужъ всѣ лю-ди-и спятъ,
Ужъ всѣ звѣ-ри-и спятъ,
Баю-баю-баю-бай“...

Вотъ спитъ еврейская семья — бывшій фабрикантъ изъ Лодзи, съ больной женой, племянницей и дочкой. Фабрикантъ кряхтитъ и стонетъ. Зубная боль преслѣдуетъ его съ Владивостока.

Вотъ — угрюмый старикъ, бывшій благовѣщенскій городской голова. Я часто вижу его съ молодою дѣвушкой. Говорятъ что это его жена, но я сомнѣваюсь. Съ пушкомъ на верхней губкѣ, съ родимымъ пятнышкомъ на оголенной шейкѣ, она производитъ самое очаровательное впечатлѣніе. Старикъ неотступно держится подлѣ нее. Не

позволяетъ ей знакомиться, ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя, смотритъ на нее ревнивыми глазами. Иногда, она капризничаетъ, какъ маленькая дѣвочка, недовольно хмуритъ свой лобикъ и убѣгаетъ отъ старика, скрываясь, со смѣхомъ, за вентиляторною трубой.

Сейчасъ, она лежитъ рядомъ съ нимъ и, разметавшись, спитъ крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ. Копна густыхъ волосъ чернѣетъ на подушкѣ. Сорочка соскользнула съ круглаго плеча и обнажила маленькую выпуклую грудь.

Докторъ Бари называетъ ее „Княжной Мэри".

Я не называю себя Печоринымъ, но познакомиться съ нею не прочь. Все интригуетъ въ ней и разжигаетъ любопытство, начиная отъ родинки на шейкѣ, кончая той таинственною драмой, которую я угадываю въ ея глазахъ...

Желтое море.

Зажегся день, румяный, ясный, лучезарный.

По палубѣ прогуливается кэптенъ Тайри. Это уже достаточно потрепанный морскими и житейскими тайфунами мрачный австраліецъ. Онъ молчаливъ и необщителенъ. И какъ утверждаютъ злые языки, составилъ, при помощи контрабанды, изрядный капиталецъ.

По слухамъ, онъ и сейчасъ везетъ съ собой два пуда опіума, на которомъ заработаетъ въ Шанхаѣ тысячу процентовъ.

Морская жизнь ему осточертѣла. Къ своимъ обязанностямъ онъ относится совершенно равнодушно и цѣлый день сидитъ въ каютѣ за бутылкой виски и пасьянсомъ.

За спиною слышутся голоса.

Нарсобный предсѣдатель Андрушкевичъ, опершись локтями о бортъ, глядитъ внимательно на воду. Она имѣетъ сейчасъ какой-то странный

желтовато-зеленый мутный цвѣтъ и кишитъ медузами.

— Народное собраніе не могло оставаться безучастнымъ! — вступая въ разговоръ, говоритъ Андрушкевичъ. — Меркуловы — узурпаторы!.. Меркуловы — захватчики власти!.. Меркуловыхъ необходимо было убрать!.. Дитерихсъ испортилъ всю ситуацію!..

Онъ посвящаетъ слушателей въ подробности послѣдняго іюньскаго „недоворота". Вооруженная борьба, изъ опасенія японскаго выступленія, была исключена.

Какъ ни относиться къ Меркуловымъ, но нельзя не отдать должное ихъ энергіи, настойчивости, упорству. Одинъ братъ — бывшій чиновникъ переселенческаго управленія, другой — шкиперъ амурскаго пароходства, оба коренные приморцы, связанные съ краемъ всей своей предыдущею жизнью и дѣятельностью, имѣли мужество поднять бѣлое знамя возстанія противъ краснаго интернаціонала.

Но власть опьяняетъ и портитъ людей. Не разбираясь глубоко въ обстановкѣ, Меркуловы допустили, сверхъ того, цѣлый рядъ крупныхъ ошибокъ. Вслѣдъ за переворотомъ, порвали съ своимъ ближайшимъ союзникомъ, атаманомъ Семеновымъ. И когда послѣдній прибылъ изъ Дайрена во Владивостокъ, на пароходѣ „Кіодо-Мару", онъ не только не вошелъ въ составъ новаго правительства, но не былъ даже допущенъ на берегъ. Это породило острый расколъ въ двухъ родственныхъ группировкахъ, боровшихся, подъ однимъ и тѣмъ же національнымъ знаменемъ, противъ краснаго ига.

Меркуловымъ вмѣнялось въ вину стремленіе къ диктатурѣ, оттяжка созыва учредительнаго собранія, неприкрытый фаворитизмъ и покровительство близкимъ людямъ, наконецъ, участіе въ не совсѣмъ благовидныхъ коммерческихъ предпрі-

ятіяхъ. Трудно, впрочемъ, сказать, съ полной опредѣленностью, насколько все это справедливо. Положеніе правительства было чрезвычайно тяжелое. Матеріальные рессурсы были весьма ограничены. Мало было разумныхъ, честныхъ, идейныхъ людей. Но зато не было недостатка въ явныхъ и тайныхъ врагахъ, въ клеветникахъ и завистникахъ, желавшихъ дорваться, въ свою очередь, до власти и казеннаго пирога...

Андрушкевичъ посвящаетъ во всѣ извилины и хитросплетенія приморской политической стряпни. Знакомитъ съ многими пикантными подробностями. Разсказываетъ о заговорахъ генераловъ, о Лохвицкомъ, Молчановѣ, Андогскомъ, объ Ивановѣ-Риновѣ и Вержбицкомъ, о переговорахъ съ Хорватомъ и Гондатти...

Въ другомъ углу, тотъ же политическій споръ, но тема его шире, просторнѣе, на всѣ лады комментирующая злополучный русскій „февраль“. Оцѣнка событій далеко не единогласна. У каждаго собесѣдника своя точка зрѣнія.

Своимъ обычнымъ авторитетнымъ тономъ, докторъ Бари говоритъ что-то про распадъ русской общественности и подкрѣпляетъ выводы медицинскими терминами. По его мнѣнію, революція была неизбѣжна, какъ скарлатина и корь, въ дѣтскомъ возрастѣ... Болѣзнь приняла эпидемическій характеръ... Діагнозъ былъ поставленъ неправильно... Врачи оказались невѣждами... Хирургическія средства были безсильны... Примѣненная во-время профилактика предохранила бы организмъ отъ революціонной заразы...

Курганскій слѣдователь, смѣнившій на этотъ разъ бекешу съ обезьяньимъ воротникомъ на суконную верблюжью куртку, протестуетъ рѣшительнымъ образомъ.

Народъ вовсе не интересовался цензурой и выборами по четырехчленной системѣ... Это все штучки интеллигенціи и соціалистовъ, кото-

рыхъ слѣдовало бы давно скрутить въ бараній рогъ... Не пожалѣли-бы, какъ въ свое время, сотни патроновъ и никакой революціи не было...

— Придетъ часъ! — раздраженно добавляетъ Калюжный. — Покажемъ монплезиръ съ удовольствіемъ!.. Негодяи!.. Разбойники!

На палубѣ играютъ въ преферансъ.

Доносится раскатистый смѣхъ, споры, крики, восклицанія. Златокудрая вятская помѣщица, лежа въ лонгшезѣ, раскладываетъ карты и гадаетъ:

— Дорога!.. Шатретка съ голубыми глазами!.. Деньги!.. Иванъ Петровичъ, въ самомъ дѣлѣ!.. Взгляни!.. Откуда бы?.. Большія деньги!..

Милицейскій надзиратель, съ круглымъ животомъ и стеклянными, выпученными, какъ у рака, глазами, вступаетъ въ разговоръ, высказываетъ свое мнѣніе по поводу эвакуаціи. На скамейкѣ сидитъ его жена, худенькая женщина, съ забитымъ испуганнымъ взглядомъ.

— Я такъ понимаю... Супротивъ красныхъ нашимъ не устоять... Чистое дѣло маршъ!.. Кругомъ шестнадцать!.. Подвели, макаки несчастные!.. Дьяволы желтомордые!..

Въ центрѣ сгрудившихся зрителей, сидитъ на полу „профессоръ черной и бѣлой магіи", прорицатель Бенъ-Саидъ. Двумя пальцами лѣвой руки держитъ маленькій апельсинъ, въ другой рукѣ у него платокъ:

— Прошу почтеннѣйшую публику убѣдиться... Замѣчательный экспериментъ, основанный на магнетическомъ и гипнотическомъ... Есть какія нибудь сомнѣнія?..

„Профессоръ" накрываетъ апельсинъ платкомъ:

— Вниманіе!.. Я говору — разъ... Я говору — два...

Скучно!

Зачѣмъ я здѣсь, въ кругу этихъ людей, изъ коихъ къ половинѣ отношусь, по меньшей мѣрѣ,

равнодушно?.. Что связываетъ меня съ ними?.. Животный страхъ?.. Борьба за идеалы?.. Общность интересовъ?..

Я тоже сталъ какимъ-то раздражительнымъ и нервнымъ...

Цингтао.

„Лорестанъ" стоитъ, ошвартовавшись у самой пристани.

Повсюду исполинскіе пакгаузы, краны, склады, угольныя горы. Въ толпѣ китайскихъ кули мелькаютъ свѣтлые костюмы европейцевъ. Вотъ нѣсколько дѣвушекъ и дамъ, въ легкихъ весеннихъ платьяхъ. Слышны взаимныя привѣтствія, разспросы, радостные возгласы:

— Кого я вижу?.. Иванъ Петровичъ, здравствуйте, родной!..

— Ну, какъ?.. Что дѣлается во Владивостокѣ?.. Какъ красные?.. Стрѣляютъ, рѣжутъ?

— Ахъ, Женичка, какъ выросла!.. Какъ мама?.. Всѣ здоровы?..

— Елена Константиновна, вы пріѣзжайте прямо къ намъ!... Кокоризава-Мачи, номеръ пять...

На пароходъ являются японцы — очкастые чиновники, жандармы въ желтыхъ сапогахъ, при саблѣ, съ револьверомъ на боку. На берегъ пассажировъ не пускаютъ.

Спустилась ночь.

На палубу выносятъ грамофонъ, протягиваютъ проволоку и зажигаютъ электрическія лампочки. Второй помощникъ капитана разбрасываетъ какой-то порошокъ. Гремитъ ту-степъ. Три-четыре пары кружатся въ американскомъ танцѣ...

На слѣдующій день насъ выпускаютъ на свободу.

Я тотчасъ же схожу на пристань, беру рикшу и мчусь по гладкому, какъ зеркало, шоссе.

Улицы усажены акаціей, съ слегка поблекшей, позолоченной румянцемъ осени зеленью. Асфальтовыя мостовыя, казармы и дома, отели, рестораны, магазины — все сдѣлано солидно, по строгому нѣмецкому шаблону и системѣ. Вездѣ желѣзо и бетонъ, повсюду строгій стиль, переносящій на берега далекой Эльбы или Шпрее.

Еще не такъ давно это была нѣмецкая твердыня.

Въ короткій срокъ здѣсь закипѣла работа, широкая промышленность, строительство, культура. Нѣмецкій организаціонный и коммерческій геній создалъ здѣсь крупный торговый узелъ, распространявшій свое значеніе съ ошеломляющею быстротой.

Жребій неудачной войны заставилъ нѣмцевъ распрощаться съ колоніальною политикой и, въ частности, сдать крѣпость, въ 1914 году, японскому экспедиціонному корпусу.

Осада крѣпости была непродолжительна.

Силы сторонъ были совершенно несоизмѣримы. Это былъ, въ сущности, показательный урокъ осады и обороны крѣпостей, не отличавшійся особымъ кровопролитіемъ. Въ этой осадѣ, въ качествѣ зрителей, принимали участіе ученики японскихъ военныхъ школъ.

„Пруссаки Дальняго Востока" удачно примѣнили заимствованный опытъ на своихъ учителяхъ...

Захватомъ Цингтао и принадлежавшихъ нѣмцамъ Каролинскихъ и Маріанскихъ острововъ закончилось, какъ извѣстно, прямое участіе Японіи въ великой войнѣ. На просьбы союзниковъ прислать войска на европейскій театръ военныхъ дѣйствій, Японія давала уклончивый отвѣтъ. Она предпочла заняться расширеніемъ своей промышленности и работою на оборону, за счетъ воюющихъ между собой державъ.

Въ этомъ отношенiи она достигла блестящихъ результатовъ.

Производство предметовъ военнаго снаряженiя дало ей притокъ колоссальныхъ средствъ. Только одной Россiи, въ 1915 году, Японiя поставила оружiя и боевыхъ припасовъ на 200.000.000 iенъ. Морская торговля захватила рядъ новыхъ рынковъ. Тоннажъ коммерческаго флота, съ 1.500.000 тоннъ въ 1908 году, превысилъ къ 1918 году 3.000.000 тоннъ. Обороты банковъ достигли исключительныхъ размѣровъ. Золото обильнымъ потокомъ хлынуло въ Японiю.

Послѣ великой войны, Японiя переживаетъ новыя глубокiя измѣненiя въ своемъ экономическомъ и соцiальномъ строѣ. Въ прежнее время, коммерцiя считалась у японцевъ профессiей почти предосудительной. Грюндерство и военная спекуляцiя призвали къ жизни новый классъ людей, весьма далекихъ отъ феодальныхъ традицiй. Съ другой стороны, появилось рабочее движенiе. Обостренiе противорѣчiй между классами, борьба рабочихъ съ народившейся плотукратiей, приводитъ къ ряду тяжелыхъ внутреннихъ кризисовъ. Приливъ золота одновременно сильно удорожилъ стоимость жизни.

Возвращаясь къ войнѣ, слѣдуетъ указать, что Японiя не питала къ Германiи враждебныхъ чувствъ. Захватъ Цингтао былъ вызванъ, съ одной стороны, союзнымъ соглашенiемъ, съ другой же — опасенiемъ, чтобы Англiя сама не завладѣла нѣмецкой колонiей.

Общее вниманiе обратила та исключительная предупредительность, съ которой японцы отнеслись къ военноплѣннымъ врагамъ. Ни одинъ нѣмецъ не былъ интернированъ. Всѣмъ было дано разрѣшенiе заниматься своимъ дѣломъ. Каждаго павшаго при защитѣ Цингтао нѣмца, японцы похоронили въ отдѣльной могилѣ, съ надписью:

„Могила героя“.

Совершено иначе складываются отношенія японцевъ къ Англіи. Союзъ съ нею давно отошелъ въ прошлое. Въ свое время, Японія извлекла изъ него огромныя выгоды. Въ настоящее время, онъ сталъ безполезенъ. Это былъ „бракъ по разсчету", заключенный съ заднею мыслью, лишенный всякихъ сердечныхъ связей.

Больше того, именно въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, Японія опредѣленно видитъ будущаго врага, ставящаго преграды на пути къ ея территоріальному расширенію и экономическому подъему, обрубающему ей пальцы каждый разъ, какъ только она хватается за какой либо кусокъ.

Затаивъ злобу, вынужденная временно идти на уступки, Японія выжидаетъ благопріятный моментъ, когда заговорятъ не дипломаты, а пушки.

„Спящая Красавица".

Цингтао — прекрасный, культурный, вполнѣ благоустроенный городъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очаровательный курортъ, куда стекаются на лѣто европейцы изъ душнаго Шанхая

Главная улица — Санта-Мачи.

На ней расположенъ рядъ великолѣпныхъ зданій, остроконечныхъ ратушъ, кирокъ, которыя сдѣлали бы честь любой столицѣ.

На набережной — та же зеркальная дорога, акаціи, платаны, пихты, серебристый тополь. Дорожка для верховой ѣзды, отели и коттэджи, съ красивой красной черепичной кровлей. А съ правой стороны — необозримая морская гладь, скалистый островокъ съ обсерваторіей и пляжъ съ бѣлѣющими дачами.

Свернувъ отъ набережной, мой рѣзвый желтоногій конь помчалъ меня по Маненъ-Мачи.

Улица увита увядшей золотистой зеленью, наполнена боскетами, газонами, цвѣтами. То подымается наверхъ, то круто устремляется книзу, и глазъ не успѣваетъ насладиться плѣнительными виллами. Повсюду дикій сѣрый камень, кирпичъ и терракотовая крыша. Колонны, выступы, карнизы и террасы. Квадратныя рѣшотчатыя окна. То готика, то стиль-модернъ. Со всѣхъ сторонъ цвѣты и клумбы, широкія веранды, мраморныя лѣстницы, балконы.

Но ни движенія, ни жизни, ни торговли.

И содержатель бара, задумчивый еврей, жалуется мнѣ съ печальною улыбкой:

— Нехорошо!.. Совсѣмъ нехорошо!.. А какъ сейчасъ у насъ въ Елисаветградѣ?..

На этотъ вопросъ отвѣтить ему трудно...

Въ Цингтао, между прочимъ, проживаетъ атаманъ Семеновъ.

„Его атаманское сверкательство", уставъ отъ политики и стратегіи, разогнавъ почти всю свою свиту, по слухамъ, живетъ весьма скромно и занимается „мемуарами".

Цингтао — мертвый городъ.

Съ уходомъ нѣмцевъ, онъ дѣйствительно вымеръ. Или, по меньшей мѣрѣ, погрузился въ сонъ. И какъ принцесса въ сказкѣ ожидаетъ волшебнаго принца.

Лѣниво стоитъ на углахъ китайская полиція. Лѣниво бродятъ чистильщики улицъ. Стоятъ, безъ работы, рикши съ своими черными колясочками. По тротуарамъ шмыгаютъ китайцы и японцы. Случайно пронесется на автомобилѣ европеецъ.

На всемъ — дремота, сонъ.

Подъ давленіемъ американцевъ и англичанъ, Японія эвакуируетъ захваченный Шантунгскій полуостровъ, вмѣстѣ съ Цингтао. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это лишь временная уступка.

Филиппины, Зондскій архипелагъ, острова

Полинезіи — представляютъ наиболѣе лакомые куски для имперіалистической японской политики. Острова эти, по своимъ климатическимъ условіямъ, въ силу ничтожной сравнительно заселенности, давно приковываетъ зоркое вниманіе Японіи, какъ обширный плацдармъ для избытка своего 75-ти мильоннаго, чрезвычайно быстро растущаго, населенія. Эмиграціонный вопросъ, какъ извѣстно, составляетъ въ Японіи больное мѣсто.

Корея, Манчжурія и Китай, насыщенные человѣческимъ матеріаломъ, имѣютъ, главнымъ образомъ, экономическое значеніе. Приэтомъ, значеніе огромное, не только, какъ рынокъ для сбыта, но и въ другомъ отношеніи. Японія нуждается въ привозѣ сырья. Кромѣ пищевыхъ продуктовъ — риса и бобовъ, она нуждается въ привозѣ хлопка, нефти, угля и, въ особенности, желѣза. До послѣдняго времени, Японія получала желѣзо изъ Америки. Недостатокъ собственнаго желѣза составляетъ уязвимую пяту японской промышленности и военнаго могущества.

Вотъ одна изъ причинъ ея неуклонныхъ вожделѣній къ материку. Японская политика по отношенію къ Китаю напоминаетъ, вообще, двуликаго Януса. Одно лицо его показывается иностраннымъ державамъ для того, чтобы не обнаружить свои истинныя намѣренія. Другое лицо, скрываемое самымъ тщательнымъ образомъ, выражаетъ ту именно политику, которая ведется правительствомъ для достиженія гегемоніи.

Примѣръ политическаго двуличія и коварства показали, впрочемъ, сами европейскіе дипломаты. Когда-то они энергично протестовали противъ Симоносекскаго договора, на основаніи котораго Китай уступалъ Японіи, въ 1895 году, Ляодунскій полуостровъ. Японцы принуждены были отказаться отъ этого пріобрѣтенія.

Но вслѣдъ за этимъ, англичане заняли Вей-Хай-Вей, нѣмцы — Цингтао и русскіе — тотъ же

Ляодунъ, съ Портъ Артуромъ, что привело, какъ извѣстно, къ русско-японской войнѣ.

Японія искусно пользуется китайской анархіей и проводитъ свой великодержавный планъ съ настойчивою послѣдовательностью.

Владивостокскія извѣстія.

Два дня разгружаемъ лѣсъ.

Съ утра до вечера работаетъ лебедка. Трехсаженныя балки выволакиваются, на кранахъ, изъ трюмнаго чрева. Надсмотрщикъ-китаецъ, съ бамбуковой палкой въ рукѣ, наблюдаетъ за работой. Десятокъ полуголыхъ кули, широкоплечихъ, мускулистыхъ, съ вихрастой гривой и бронзовою спиной, подхватываютъ балки на телѣжки и складываютъ правильными рядами.

Новая группа пассажировъ покидаетъ „Лорестанъ“.

По преимуществу, это состоятельные, болѣе или менѣе, люди, не нуждающіеся въ службѣ и заработкѣ, желающіе отдохнуть въ Цингтао отъ пережитыхъ волненій. Уѣзжаетъ свѣтланская ювелирша, бывшая вятская помѣщица съ мужемъ, нѣсколько коммерсантовъ. Уѣзжаетъ, къ сожалѣнію, и „Княжна Мэри“ съ своимъ мрачнымъ Церберомъ. Мое знакомство было такъ кратковременно. Впрочемъ, можетъ быть, по этой причинѣ, я сохранилъ о немъ лучшее воспоминаніе. Бѣдная дѣтка!...

Кругомъ стоятъ суда.

На серединѣ рейда виднѣется шесть англійскихъ подлодокъ съ „маткой“, напоминающей утку съ выводкомъ.

Изъ Владивостока получены свѣжія газеты. Пассажиры дѣлятся послѣдними новостями, слухами, предположеніями.

— Слыхали?.. Японцы снова заняли Владивостокъ!

— Красные бѣгутъ!..

— Атаманъ Семеновъ сегодня выѣзжаетъ изъ Цингтао!

Вотъ группа, съ жаднымъ любопытствомъ, внимаетъ чтенію доктора Бари.

Послѣдній, развернувъ номеръ владивостокскаго „Голоса Родины", слегка склонивъ голову на бокъ и приблизивъ текстъ къ пунцовому носу, читаетъ нараспѣвъ, съ подчеркнутой аффектаціей:

— Обращеніе главнокомандующаго войсками Нарреварміи и флотомъ Убаревича...

— Правительство Дальневосточной Республики и Нарревармія...

— Главнокомандующій войсками Нарреварміи...

Особенно эффектно выходитъ у него слово — Нарревармія. Онъ выговариваетъ его такъ, словно въ немъ имѣется десять „р"...

Ложится теплый вечеръ и вспыхиваютъ маяки.

Гдѣ-то журчитъ вода. За мачту уцѣпился мѣсяцъ. Серебрится лунная дорога.

Сосѣдъ мой, молодой священникъ, поссорился съ женой.

Кутнувъ съ веселою компаніей, онъ поздно вернулся на пароходъ и по дорогѣ растерялъ часть сдѣланныхъ покупокъ. Вдобавокъ, купленные фрукты оказались далеко не первосортными. И, лежа на матрацѣ, я долго слушалъ, какъ попадья отчитывала провинившагося супруга:

— Идолъ!.. Креста на тебѣ нѣтъ!.. Шатался цѣлый день, а про жену и про дѣтей забылъ!.. Всѣ персики въ червяхъ, а какки — одна гниль!.. Гришутка, Наденька, благодарите отца!.. Несчастная моя доля!..

Она пилила его цѣлый часъ, пока я не уснулъ.

Великая Голубая Рѣка.

Въ противоположность Японіи, берега Китая низки и мрачны.

Кругомъ, на много сотенъ верстъ, море имѣетъ мутный, грязный, желтовато-зеленый цвѣтъ. Огромныя, впадающія въ него рѣки, несутъ песокъ, илъ, грязные отбросы.

Вода становится все болѣе желтой.

Подъ вечеръ снова гдѣ-то сверкнули маячные огни. Входимъ въ дельту Янтсе-Кіанга, или вѣрнѣе — Янъ-Цзы-Цзяна.

Эта гигантская рѣка вначалѣ ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ моря. Глубокой полночью проходимъ Вузунгъ, старинный китайскій городъ, съ старою крѣпостью.

На разсвѣтѣ рѣжемъ волны Вангъ-Пу.

„Лорестанъ“ медленно ползетъ вверхъ по теченію стремительной, широкой, полноводной, слегка напоминающей Неву рѣки, вдоль низкихъ болотистыхъ береговъ.

Мелькаютъ пашни, пастбища и фермы. Чумизовыя и рисовыя поля. Поселки и китайскія деревни.

По мѣрѣ приближенія къ Шанхаю, все чаще мелькаютъ фабрики, заводы, огромныя цистерны съ нефтью, склады. Навстрѣчу попадаются тяжелые грузовики, купеческія шхуны, шаланды, баржи. Полощатся на волнахъ джонки съ лохматыми соломенными парусами, юли-юли, сампаны, челноки.

Сквозь дымную завѣсу уже проглядываетъ исполинскій городъ.

Его таинственные контуры рисуются все рѣзче и рѣзче. Мелькаютъ доки и пакгаузы, лѣса высокихъ мачтъ и нескончаемыя трубы. На пристаняхъ, какъ взбудораженный гигантскій муравейникъ, кипитъ, гремитъ, переливается движеніе и жизнь.

Доносится желѣзный лязгъ цѣпей, скрипъ крановъ, визгъ канатовъ, гортанный крикъ носильщиковъ и кули, звонки трамвая, ревъ сиренъ и несмолкаемые шумы пробудившагося дня.

Съ тяжелымъ грохотомъ ползетъ якорная цѣпь.

Глава закончена.

Передо мною новая страница...

ШАНХАЙ.

Глава пятая, посвященная, въ частномъ и въ цѣломъ, обозрѣнію „Желтаго Дьявола“.

„Первоклассная русская гостинница“.

„Первоклассная русская гостинница“, куда въ концѣ концовъ привезъ меня мой рикша, находится на Бэбблингъ-Уэллъ-Родъ, напротивъ ипподрома Рейсъ-Хорзъ.

Свободныхъ номеровъ не оказалось и хозяйка, Малка Марковна, предоставила мнѣ для ночлега общую гостиную.

— Что значитъ дорого? — отвѣчаетъ она на восклицаніе вопросомъ.

— Ну, хорошо!.. Для васъ я сдѣлаю себѣ маленькій убитокъ!.. Платите мнѣ три доллара и поживайте себѣ на здоровье!..

Бой вноситъ чемоданъ, переодѣваюсь, вхожу въ столовую.

Въ просторной комнатѣ, съ портьерами, каминомъ, бронзой, съ кощунственной мазней въ тяжелыхъ золоченыхъ рамахъ, накрыты маленькіе столики. Въ вазонахъ красуются тюльпаны, лиліи, ирисъ. Но скатерти въ какихъ-то подозрительныхъ зеленыхъ пятнахъ.

Въ углу, за столикомъ, сидитъ знакомый господинъ, недавній спутникъ мой по „Лорестану“. Онъ бывшій членъ правленія одного изъ петербургскихъ банковъ. Былъ спецомъ по финансовымъ дѣламъ у коммунистовъ. Сидѣлъ два

мѣсяца въ Крестахъ. Потомъ бѣжалъ въ Казань. При чешскомъ отступленіи, съ потокомъ бѣженцевъ очутился въ Екатеринбургѣ. Потомъ жилъ въ Омскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и докатился, наконецъ, до Владивостока. Онъ машетъ мнѣ привѣтливо рукой:

— А, здравствуйте!.. Прошу покорно!

Оглядываюсь и узнаю еще нѣсколько знакомыхъ лицъ. Вотъ двое — одинъ владѣлецъ крупнаго магазина на Свѣтланкѣ и одновременно, какъ утверждали, тайный коммерческій агентъ братьевъ Меркуловыхъ, просыпавшійся на какихъ-то комбинаціяхъ съ поставками на каппелевскую армію валенокъ, во время пресловутаго похода на Хабаровскъ. Другой — золотопромышленникъ съ Амура, широкоплечій кряжистый чалдонъ, намѣчавшійся въ правители Камчатки, настоящій типъ клондайкскаго героя Джека Лондона.

А у окна, въ кургузомъ пиджакѣ американскаго фасона, сидитъ тотъ самый джентельменъ, про котораго еще совсѣмъ недавно трубила вся владивостокская печать. Онъ занималъ высокій административный постъ и неожиданно сбѣжалъ съ казеннымъ сундукомъ.

Сейчасъ онъ чувствуетъ себя повидимому въ безопасности. Самодовольно улыбается и ковыряетъ зубочисткою въ зубахъ. Повременамъ, однако, украдкою кидаетъ въ мою сторону недружелюбные и испытующіе взоры...

Нанкинъ-Родъ.

Иду по Бэбблингъ-Роду, сверкающему солнечнымъ огнемъ, движеніемъ и красками пылающаго дня. Я тотчасъ же теряюсь въ снующей многоликой, многотысячной толпѣ, среди звонковъ трамвая, крика рикшъ и рева мчащихся беззвучно мотокаровъ.

А дальше — Нанкинъ-Родъ, главная шанхайская артерія, перерѣзающая городъ. Здѣсь все еще богаче и роскошнѣй. Кричащія витрины магазиновъ, іероглифы, пестрѣющія вывѣски и флаги. Шелка и золото, тропическія ткани, сигары, фрукты, драгоцѣнные каменья. Отели и размѣнныя конторы. Часовщики, мѣха и принадлежности для спорта. А въ самомъ центрѣ, другъ противъ друга, многоэтажные, залитые несказаннымъ богатствомъ, два конкуррента, шанхайскіе Вертхеймы—Сэнсеръ и Вингъ-Онъ и Ко.

Повсюду желтый міръ.

Мужчины въ шелковыхъ ермолкахъ, въ короткихъ курмахъ, въ длинныхъ балахонахъ, въ чулкахъ и въ мягкихъ улахъ, съ очками на носу, серьозные, степенные, спокойно-замкнутые. Бѣлые халаты богачей и синіе, въ заплатахъ, штанишки рикшъ и кули.

Смѣющіяся беззвучнымъ смѣхомъ маленькія женщины, съ гладко прилизанными волосами, въ сиреневыхъ, въ лиловыхъ, въ желтыхъ блузкахъ, въ такихъ же панталонахъ, въ серьгахъ, въ перстняхъ и прочихъ драгоцѣнныхъ бездѣлушкахъ. У дѣвушекъ, такихъ же узкобедрыхъ и безгрудыхъ, не лишенныхъ своеобразной миловидности, прическа въ видѣ челки, а длинная коса, съ блестящимъ чернымъ волосомъ, напоминаетъ конскій хвостъ. Шныряютъ, подъ ногами, бойкіе маленькіе китайчата. И кепки, кепки — безъ конца...

Китай эмансипируется и пробуждается отъ вѣкового сна.

На улицахъ не рѣдкость встрѣтить щеголеватыхъ молодыхъ людей, съ раскосыми глазами на матовомъ лицѣ, въ изящномъ европейскомъ платьѣ, благовоспитанныхъ, владѣющихъ англійскимъ языкомъ, съ манерами и выправкою сноба. И даже китаянки мѣняютъ понемногу панталоны на узкія пакеновскія юбки и не уродуютъ, какъ нѣкогда, ступню.

Китай преображается и, вмѣстѣ съ старою

одеждой, сбрасываетъ вѣковой укладъ. Онъ пріобщается къ иной цивилизаціи. Но еще много лѣтъ будутъ струить Янтсе-Кіангъ и Вангъ-Пу свои мохнато-желтыя, быстротекущія, таинственно лепечущія воды, овѣянныя легендами буддійскихъ храмовъ, драконовыми сказками и запахами рисовыхъ полей...

Въ вонючихъ разбѣгающихся переулкахъ рядъ лавокъ и харчевокъ съ китайской гастрономіей. Стѣны унизаны копчеными окороками. Отъ потолка спускаются бичевки съ висящими на нихъ, въ ощипанномъ и освѣженномъ видѣ, пулярдами, фазанами, утками и прочей битой птицей.

Прилавки заняты какою-то необыкновенной снѣдью. Трепанги, рыба, потроха. Сушеныя лягушки, устрицы, чилимсы, какія-то яички, коконы, жучки и маринованные черви. Медузы, спруты, скаты. Какія-то невѣдомыя овощи — морская капуста, саланганы, водоросли, травы. Наконецъ, банки съ китайской пастилой, вареньемъ, орѣхами и леденцами.

Въ этихъ харчевкахъ есть и напитки, начиная отъ извѣстной гаоляновой водки „ханшина", кончая мѣстнымн китайскими винами. Они содержатся въ большихъ дубовыхъ чанахъ. Особенно славится вино изъ „ужей" и „обезьянъ".

Эти вина называются такъ потому, что указанныя животныя много лѣтъ подрядъ выдерживаются въ этихъ сосудахъ, придавая жидкости своеобразный острый вкусъ. Вино изъ „ужей", какъ говорятъ, придаетъ ловкость и силу. Вино изъ „обезьянъ" усиливаетъ любовное наслажденіе.

Къ сожалѣнію, я ихъ не пробовалъ, и не могу поэтому подтвердить свойства этихъ изумительныхъ напитковъ...

Изъ настежь раскрытыхъ уличныхъ кухонь плыветъ удушливый чадъ. Полуголые повара готовятъ любимыя китайскія блюда — жарятъ въ большихъ чанахъ на бобовомъ маслѣ рисовыя

лепешки, пекутъ сладкій красный картофель, мѣсятъ тѣсто для пельменей и мясо изъ требухи животныхъ и птицъ.

Въ углубленіяхъ, за столиками, вокругъ дымящихъ смрадомъ кухонь, рикши и кули смакуютъ деликатессы китайской кулинаріи. Изъ маленькихъ глиняныхъ чашечекъ пьютъ ароматный чай. Играютъ въ карты и въ кости, ожесточенно ругаясь на своемъ гортанномъ нарѣчіи.

Возлѣ трактира скопилась толпа грязныхъ безработныхъ китайцевъ. Они застыли съ полуоткрытыми слюнявыми ртами и жадно глотаютъ острые запахи пищи.

Трещитъ жаровня, клубится ѣдкій чадъ.

Хозяинъ ловкими ударами отхватываетъ требуемую порцію, обильно поливаетъ острыми настойками, намазываетъ разноцвѣтными приправами и, улыбаясь, предлагаетъ покупателю.

Китайцы — исключительные гастрономы.

Ихъ кухня тоньше и острѣе прославленной французской кухни. Въ этомъ искусствѣ у нихъ нѣтъ конкурентовъ. Все очень вкусно и вполнѣ съѣдобно. Не слѣдуетъ лишь спрашивать о матеріалѣ...

А вотъ — китайская аптека.

Въ безчисленныхъ сосудахъ хранятся порошки, снадобья, листья, зерна и чудодѣйственный женьшень, различнаго размѣра и оттѣнковъ. Его коренья напоминаютъ видомъ человѣческое тѣло, съ крошечной головкой, пузатымъ туловищемъ и длинными конечностями. Чѣмъ больше сходства, тѣмъ цѣнность его выше. Вотъ такъ же, подъ стекломъ, какъ драгоцѣнность, лежатъ цѣлебные мараловые панты...

Въ мѣняльной лавкѣ, въ прохладной полутьмѣ, лѣниво озаряемой курительной свѣчой, среди священныхъ изваяній и бронзовыхъ божковъ, за столбиками серебряныхъ долларовъ и даяновъ, таэлей, лановъ, мѣдныхъ копперовъ и кешей, сосредоточенно, какъ Будда, сидитъ оплывшій

жиромъ, очкастый чувственный старикъ. Въ маленькой плетеной клѣткѣ трещитъ сверчокъ...

Возвращаясь къ китайской кухнѣ, нужно отмѣтить, что китайцы считаются на Востокѣ лучшими поварами. Ихъ держатъ на службѣ въ лучшихъ отеляхъ, ресторанахъ, пароходахъ. Ихъ услугами пользуются богатые шанхайскіе коммерсанты.

Разсказываютъ, какъ въ одномъ англійскомъ обществѣ восхищались бульономъ, приготовленнымъ китайскимъ поваромъ. Это была профессіональная тайна, которую китаецъ отказывался открыть. Подстрекаемая любопытствомъ, хозяйка дома сошла однажды на кухню, подняла крышку котла и оцѣпенѣла отъ ужаса. Выпуская соки въ кипящую жидкость, въ котлѣ, подъ давленіемъ жара, поднималась и опускалась огромная черная крыса.

Хозяйка не могла, безъ волненія, говорить объ этомъ бульонѣ. Китаецъ, въ свою очередь, разсердился. Зачѣмъ этотъ крикъ?.. Какъ будто случилось что-то особенное?.. Пусть каждый поступаетъ, какъ подсказываетъ ему совѣсть?.. Важно, чтобы люди жили въ согласіи другъ съ другомъ...

И поваръ наставительно замѣтилъ хозяйкѣ:

— Не кричи!.. Все будетъ хорошо!.. Бульонъ для тебя, крыса для меня!..

Страница китайской исторіи.

Исторія Китая, этого огромнаго человѣческаго муравейника, самаго древняго изъ всѣхъ существующихъ, полна значительнаго интереса.

Эта исторія, подобно египетской, насчитываетъ свыше 5.000 лѣтъ. Но царство фараоновъ уже давнымъ давно исчезло, въ то время, какъ Китай продолжаетъ жить, какъ жилъ въ эпоху своихъ первыхъ императоровъ.

Происхожденіе народа окутано тайной.

По однимъ свѣдѣніямъ, китайцы появились изъ нынѣшней Кашгаріи и Туркестана. По другимъ — изъ Верхней Бирмы. На протяженіи двухъ тысячелѣтій передвигался къ востоку этотъ человѣческій потокъ, и за три тысячи лѣтъ до нашей эры, осѣлъ въ своей центральной колыбели — провинціи Ченъ-Си. Съ этого времени, китайская лѣтопись уже хранитъ болѣе или менѣе точныя хронологическія данныя.

Подъ Китаемъ слѣдуетъ, собственно, подразумѣвать центральную часть государства, изъ восемнадцати провинцій, расположенныхъ въ бассейнѣ рѣкъ Гоанго (Желтой) и Янтсе-Кіанга (Голубой). Въ его составъ, сверхъ того, входитъ — Манчжурія, Монголія, Тибетъ и Восточный Туркестанъ.

Двадцать двѣ императорскія династіи — двадцать китайскихъ, одна монгольская, одна манчжурская — послѣдовательно мѣнялись на престолѣ.

Въ XIII вѣкѣ, внукъ знаменитаго монгола Чингисъ-Хана, установилъ монгольскую династію Ю-анъ и основалъ Пекинъ. Вскорѣ снова появилась національная династія — Минговъ. Первый изъ Минговъ былъ даровитый вождь, вышедшій изъ народа, бывшій простымъ служкой въ храмѣ. Его столицей былъ выстроенный имъ Нанкинъ.

Въ XVII вѣкѣ, когда началось широкое возстаніе провинцій, послѣдній изъ рода Минговъ призвалъ на помощь манчжурскихъ татаръ, подъ предводительствомъ короля Чунъ-Ти. Возстановивъ порядокъ, манчжуръ лишилъ Минга престола и основалъ послѣднюю, двадцать вторую, манчжурскую династію Тай-Пинговъ („самые истинные“), просуществовавшую до 1911 года, вплоть до паденія императорскаго режима.

Самая огромная и самая древняя страна міра сохранила, почти до самаго послѣдняго времени, патріархальное устройство. Императоръ считался

Сыномъ Неба, съ своими 500 мильонами земныхъ сыновей.

Эта имперія, на протяженіи 50 столѣтій, создавала свою особую цивилизацію. Раньше другихъ народовъ китайцы имѣли въ своемъ распоряженіи печатный станокъ, порохъ, фарфоръ, начала научнаго земледѣлія. Эта гигантская страна, съ своею исключительно плодоносной почвой, съ неисчерпаемыми залежами угля, нефти, желѣза, серебра, золота и прочихъ ископаемыхъ сокровищъ, должна быть названа одною изъ богатѣйшихъ въ мірѣ.

Китай изобилуетъ могилами и памятниками древности.

Самый знаменитый памятникъ — Великая Стѣна. Императоръ Хоангъ-Ти, съ цѣлью обезопасить государство отъ нападеній окружающихъ враговъ, воздвигъ ее за 240 лѣтъ до Рождества Христова.

На протяженіи 2400 километровъ тянется эта стѣна надъ глубокими долинами и по вершинамъ горъ, отъ песковъ Гоби и Шамо до береговъ Желтаго Моря. Ея толщина такова, что, по вычисленіямъ, изъ этого матеріала возможно было бы соорудить обыкновенную стѣну вокругъ всего земного шара. Въ связи съ расширеніемъ предѣловъ государства, стѣна эта находится теперь въ центрѣ Китая.

Европа долго не имѣла понятія объ этой таинственной странѣ, расположенной за Индіей и далекими морями. Венеціанскій купецъ и путешественникъ, знаменитый Маркъ Поло, семьсотъ лѣтъ тому назадъ, впервые ознакомилъ Европу съ Китаемъ...

Шанхайскіе эскизы.

Кипучій Нанкинъ-Родъ кончается у Вангъ-Пу, съ его роскошной набережной — Бэндомъ.

Гигантскіе дворцы, отели, банки и памятники двумъ британцамъ, отдавшимъ много лѣтъ своей

полезной административной дѣятельности Китаю. Многоэтажные желѣзо-бетонные дома, конторы, магазины, сверкающіе драгоцѣнностями и послѣдними моделями Парижа. Лужайки съ яркими газонами и скверъ, съ фонтаномъ, клумбами, цвѣтами.

А дальше — висячій мостъ черезъ Сучау-Крикъ, величественный Асторгаузъ и рядъ богатыхъ консульскихъ особняковъ — съ развѣвающимися флагами — русскимъ, германскимъ, американскимъ и японскимъ. Зданіе русскаго консульства, по красотѣ, занимаетъ первое мѣсто.

Потомъ — Бродвей, Футчеу, Севардъ-Родъ и цѣлый лабиринтъ дышащихъ зноемъ улицъ, тупиковъ и переулковъ. Со всѣхъ сторонъ пестрятъ цвѣтныя вывѣски, съ золотыми іероглифами. Несется звонъ, стукъ и грохотъ рабочаго люда. Словно блеющее стадо овецъ, гнусавятъ уличные торговцы. Стрекочатъ швейныя машины, бьютъ молотками сапожники и гробовщики. Въ лавчонкѣ визжитъ грамофонъ, повторяющій одну и ту же пластинку китайской пѣсни.

На землѣ, рядомъ съ корзинами овощей и фруктовъ, валяются нищіе. Безрукіе и слѣпые, глухіе, безногіе, съ гноящимися, изъязвленными ранами, они ползутъ за прохожими, на четверенкахъ, цѣпляются за платье, цѣлуютъ слѣды...

А еще дальше — Янтсепудогъ, съ лѣсами мачтъ и грузными тѣлами океанскихъ пароходовъ, военныхъ канонерокъ, сторожевыхъ и лоцманскихъ судовъ, пакгаузовъ, складовъ, доковъ. Десятки тысячъ голыхъ кули, съ утра до поздней ночи, заняты нагрузкой и разгрузкой.

— Хао-хео, хао-хео!..

Разносится ихъ хриплое жужжанье, сливающееся въ сплошной и монотонный гулъ. Попарно, сгибаясь подъ тяжестью десяти-пудовой клади на бамбуковыхъ шестахъ, проходятъ мускулистые, коричневые отъ загара люди. Лоснятся обнаженныя, покрытыя испариной тѣла. Блестящая коса

у многихъ скручена узломъ. Глаза воспалены отъ солнечнаго блеска. А впереди — Вангъ-Пу, катящій неумолчно сѣдыя, мутныя, стремительныя воды...

На всѣхъ углахъ китайская полиція, а въ наиболѣе оживленныхъ пунктахъ, въ національныхъ головныхъ уборахъ, широкихъ, пестрыхъ, разукрашенныхъ чалмахъ, въ черныхъ мундирахъ, съ дубинкою въ рукѣ, стоятъ, какъ изваянія, огромные, безмолвные, мечтательно-сонливые индусы.

Шанхай — центральный складъ и главный нервъ всего китайскаго торговаго Востока, городъ экспорта и импорта, столица празднествъ, роскоши и наслажденій.

Нѣсколько сѣвернѣе, вверхъ по теченію Янтсе-Кіанга, находится древняя столица Минговъ—Нанкинъ, въ настоящее время заброшенный и забытый городъ, съ старинною пагодою „Мечтѣ", съ чарующимъ и вѣющимъ тихою грустью озеромъ Лотоса, съ знаменитымъ дворцомъ Испытаній и его двѣнадцатью тысячами келій для ученыхъ. Тамъ же находится и гробница перваго императора любимѣйшей династіи Минговъ.

Еще выше расположенъ Ханькоу — центръ китайской чаеторговли, крупный узловой пунктъ, соединенный желѣзной дорогой съ Пекиномъ.

Шанхай — одинъ изъ величайшихъ портовъ въ мірѣ, соперничающій по грузообороту только съ Лондономъ, Нью-Іоркомъ и Гамбургомъ. Не менѣе пятисотъ крупныхъ океанскихъ судовъ ежедневно держатъ свой якорь на Вангъ-Пу, не считая рѣчныхъ и каботажныхъ пароходовъ и безчисленныхъ парусниковъ.

Въ Шанхаѣ находится не менѣе 4500 крупныхъ и среднихъ промышленныхъ предпріятій. Общій капиталъ иностранныхъ банковъ достигаетъ двухсотъ мильоновъ долларовъ. Въ англійскія промышленныя и торговыя предпріятія вложено до семидесятипяти мильоновъ фунтовъ.

Шанхай имѣетъ рядъ обширныхъ иностранныхъ концессій или сэтльментовъ, обладающихъ правомъ экстерриторіальности.

Особо выгодное впечатлѣніе производитъ французская концессія — всѣ эти Рю дю Консуля, Монтобанъ и Паликао, авеню Жоффръ и Рю де Лафайеттъ. Здѣсь тихо, чисто, уютно. Коттеджи и виллы увиты гирляндами тропическихъ цвѣтовъ, утопаютъ въ чащѣ магнолій, пальмъ, платановъ, рододендроновъ. А вмѣсто индусовъ и китайцевъ, на перекресткахъ стоятъ щуплые тонкинцы, въ синей французской формѣ, въ оригинальныхъ зонтикообразныхъ шлемахъ, увѣнчанныхъ блестящею мѣдною шишкой...

Подъ вечеръ, возвращаюсь на рикшѣ въ бординкгаузъ.

— Пликъ-плякъ, пликъ-плякъ! — мѣрно выстукиваютъ пятки двуногаго коня. Колясочка скользитъ, по гладкому асфальту, безъ всякаго усилія, такъ быстро и беззвучно. У основанія оглобли привязанъ маленькій фонарикъ. И рикши, попадающіеся навстрѣчу, своими огоньками напоминаютъ свѣтлячковъ. Тепло и въ сумеречномъ воздухѣ ползутъ душистые невѣдомые запахи. Мелькаютъ бѣлыя одежды. Струится женскій смѣхъ...

Но вотъ снова Нанкинъ-Родъ.

Онъ залитъ огнемъ и весь сверкаетъ роскошью, движеніемъ, богатствомъ. Особенно Вингъ-Онъ и Ко. Унизанный безчисленными электрическими лампочками, рекламами и транспарантами, горящими іероглифами и бѣгающимъ на самомъ куполѣ свѣтовымъ мышенкомъ и котомъ, онъ издали напоминаетъ башню Эйфеля, въ дни праздничной иллюминаціи...

Я возвращаюсь въ бординкгаузъ, а послѣ ужина слышу въ гостиной пѣнье, рояль, віолончель. Сижу въ лонгшезѣ на террасѣ. Хозяйка, Малка Марковна, разсказываетъ мнѣ про свою

жизнь, про Кіевъ, про Умань, про горести, заботы и про обширную семью, раскинутую по всему свѣту.

Потомъ, приходитъ дочь Мэри — настоящая библейская Рахиль, два младшихъ сына, братъ. Я повѣтствую о своей судьбѣ и наблюдаю большіе черные глаза, глядящіе сочувственно, загадочно, печально...

Современный Китай.

Китайцы говорятъ на двадцати нарѣчіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго одно съ другимъ. Ихъ связываетъ только общность іероглифовъ. Китаецъ-сѣверянинъ — рослый, мускулистый, честныхъ патріархальныхъ правилъ. Южанинъ — маленькій, сухощавый, живой, склонный къ коварству и лжи.

Одинъ Китай — традиціонный, Китай философовъ, великихъ ученыхъ, мандариновъ и бонзъ, съ ихъ церемоніями, суевѣріями, предразсудками.

Другой Китай — несмѣтная человѣческая масса, выносливая, работящая, не знающая въ этомъ отношеніи конкуренціи. Ни одинъ ремесленникъ не превосходитъ ее въ терпѣніи, неприхотливости, трудѣ. Ни одинъ коммерсантъ не сравнится съ нею въ ловкости, сообразительности.

Китаецъ имѣетъ очень мало общаго съ японцемъ. Это двѣ совершенно разныя и, во многихъ отношеніяхъ, противоположныя другъ другу расы.

Японецъ — воинственный, лукавый, скрытный хищникъ, народъ-завоеватель, націоналистъ до мозга костей, непревзойденный подражатель, лишенный, въ сущности, творческаго размаха и глубины.

Китаецъ — мирный земледѣлецъ, купецъ и коммерсантъ, продуктъ своеобразной многовѣковой цивилизаціи, разносторонній, воспріимчивый, одаренный творческою фантазіей.

И даже въ физическомъ отношенiи, между японцемъ и китайцемъ наблюдается большая разница. Японецъ невеликъ ростомъ, коренастъ, плотенъ и, за исключенiемъ айносовъ, представляетъ весьма однородную, по внѣшнимъ признакамъ, расу. Китаецъ болѣе высокъ, сухощавъ и даетъ рядъ самыхъ разнообразныхъ типовъ...

Китайскiй языкъ, какъ и японскiй, не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ европейскимъ. У китайцевъ, какъ нѣкогда у египтянъ, нѣтъ ни азбуки, ни гласныхъ, ни согласныхъ. Каждое слово рисуется знакомъ или iероглифомъ. Когда слово начертано, его произносятъ съ помощью односложнаго созвучiя. Существуютъ знаки основные и производные.

Само собою разумѣется, что собранiе этихъ знаковъ неизмѣримо богаче нашей азбуки. Вмѣсто тридцати пяти буквъ нужно считать, по меньшей мѣрѣ, тридцать пять тысячъ.

Чтобы изобразить „мужчину", слѣдуетъ провести двѣ черты, идущiя вкось, съуживающiяся кверху. Двѣ наискось поставленныя и пересѣкающiяся черты изображаютъ „женщину". Чтобы обозначить любовь, нужно помѣстить рядомъ „мужчину" и „женщину". И такъ далѣе, въ томъ же родѣ, до безконечности.

Можно себѣ представить, что это за абракадабра!

Всѣ эти знаки, во всѣхъ восемнадцати провинцiяхъ, понимаются одинаково. Но произносятся они на восемнадцать совершенно различныхъ ладовъ. Здѣсь имѣетъ мѣсто явленiе дiаметрально противоположное нашему представленiю о языкѣ, то есть, образованiю понятiй и передачѣ ихъ словами. Китаецъ идетъ отъ начертанiя къ мысли, и произношенiе стоитъ у него на второмъ планѣ.

Каждая человѣческая мысль представлена особымъ знакомъ. Это не только языкъ, но цѣлая философiя, очень тонкая, вдумчивая, не лишенная остроумiя. Признакомъ величайшей

учености считается знаніе наибольшаго количества іероглифовъ...

Будда — иначе Сидарха Гаутама или Сакія Муни, по преданіямъ — индійскій царевичъ, въ VI вѣкѣ до Р. Х. положилъ основаніе великой азіатской религіи, распространенной на половинѣ земнаго шара. Китайскій буддизмъ претерпѣлъ, впрочемъ, множество измѣненій.

Конфуцій — великій философъ, апостолъ гуманности и морали — предметъ національнаго культа. Лао-Тзы — предшественникъ Конфуція, копавшійся въ глубинахъ метафизики, далеко не такъ великъ. Конфуцій предлагалъ практическіе законы и обычаи, изъ которыхъ многіе управляютъ до сихъ поръ духовной жизнью народа. Его нравственные афоризмы и стихи, изо дня въ день, повторяются въ китайскихъ школахъ:

„Поступай со всѣми людьми такъ,
какъ ты хотѣлъ бы, чтобы поступали съ тобою!"

Такъ говорилъ Конфуцій за пятьсотъ лѣтъ до христіанской эры.

Китай — страна неисчислимаго количества религій и различныхъ сектъ. Главнѣйшія религіи — буддизмъ, конфуцизмъ, таоцизмъ. Всѣ онѣ братски совмѣщаются, заимствуя одна у другой догматы, религіозные обряды.

О Китаѣ и о китайцахъ, объ ихъ языкѣ, бытѣ, религіи и литературѣ, можно написать цѣлые фоліанты. Оригиналенъ языкъ, какъ оригиналенъ самъ китайскій народъ, соединяющій героическое терпѣніе съ высокою честностью, философское спокойствіе, энергію и воспріимчивость съ мудростью тысячелѣтій...

Китайская драма.

Богатѣйшая въ мірѣ страна, съ своимъ сырьемъ и неисчерпаемыми сокровищами, съ огромнымъ рынкомъ сбыта, въ послѣднее столѣтіе привлекаетъ особое вниманіе иностранцевъ.

Пользуясь внутренней слабостью и беззащитностью государства, англичане и португальцы, французы и американцы, нѣмцы, японцы и даже русскіе, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, внѣдрялись въ страну, отрывая отъ нее кусокъ за кускомъ.

Англійскій Гонгконгъ и португальскій Макао, французскій Индо-Китай и русское Приморье, японская Корея и островъ Формоза, Вей-Хай-Вей, Цингтао, Портъ-Артуръ и вся Южная Манчжурія, цѣлый рядъ иностранныхъ концессій — въ Шанхаѣ, Тянь-Тзинѣ и Ханькоу, составляющія, въ нѣкоторомъ родѣ, „государство въ государствѣ“, такъ одинъ за другимъ, въ извѣстной послѣдовательности, отрывались эти куски отъ китайскаго тѣла.

Въ широкихъ размѣрахъ происходитъ разработка дѣвственныхъ нѣдръ, скупка сырья, наводненіе Китая европейскимъ и американскимъ товаромъ. Иностранцы, безспорно, вносятъ культуру— проводятъ дороги, строятъ заводы и фабрики, больницы и школы, осушаютъ болота и рубятъ лѣса, проповѣдуютъ христіанскія истины, пріобщаютъ къ современной цивилизаціи. Одновременно, на свою же голову, снабжаютъ китайцевъ скорострѣльными пушками, пулеметами, аэропланами, танками, кадрами военныхъ инструкторовъ.

Но европеецъ чуждъ душѣ азіата. А едва прикрытая захватная политика, съ раздѣленіемъ Китая на, такъ называемыя, „сферы вліянія“, въ связи съ жадной и хищнической, сплошь и рядомъ, эксплоатаціей, порождаетъ и копитъ въ китайцѣ ненависть къ „бѣлымъ дьяволамъ“.

Можно не сомнѣваться, что рано или поздно, подобное положеніе, подъ вліяніемъ передовой китайской, національно-мыслящей интеллигенціи, приведетъ къ страшному взрыву, къ той грозѣ, первые раскаты которой уже доносятся самымъ явственнымъ образомъ.

Ибо едва-ли эгоистичная и корыстолюбивая Европа поступится во-время своимъ экономическимъ положеніемъ и престижемъ...

Въ свою очередь, сами китайскія массы, въ погонѣ за болѣе выгоднымъ заработкомъ, весьма склонны къ эмиграціи, въ широкихъ размѣрахъ.

Карта разселенія китайцевъ огромна.

Тихоокеанское побережье Америки, Австралія, Филиппины, Зондскій архипелагъ, Сибирь и русскій Дальній Востокъ — кишатъ китайцами. Иностранныя государства препятствуютъ, въ настоящее время, законодательными мѣрами, проникновенію этого желтаго потока въ свои предѣлы. Исключеніе представляетъ Россія, въ дальневосточныхъ владѣніяхъ которой китаецъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ чуть-ли не всѣ ремесла и розничную торговлю, извозный промыселъ, работу на рудникахъ и лѣсныхъ заготовкахъ.

Изъ всѣхъ иностранцевъ, русскіе лучше другихъ уживались съ китайцемъ. Отношеніе было неизмѣнно дружелюбное и снисходительно-добродушное. Съ паденіемъ русскаго престижа, отношенія нѣсколько измѣнились. Ибо, какъ всякій азіатъ, китаецъ не уважаетъ того, кто сталъ слабымъ. И на томъ же Дальнемъ Востокѣ, нерѣдко приходилось наблюдать случаи, когда прежній жалкій и покорный китаецъ вызывающе бросалъ русскому:

— Теперь моя „капитана“, а твоя „ходя!“

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, Китай изумилъ міръ, перескочивъ отъ самаго деспотическаго режима къ республикѣ. Но это только перемѣна фасада. Ибо революція, въ сущности, почти ничего не измѣнила во внутреннихъ покояхъ вѣкового зданія.

Сейчасъ, страна переживаетъ эпоху затяжной анархіи.

Вопросы политическіе, экономическіе, національные переплелись въ сплошной клубокъ.

Своекорыстные разсчеты иностранцевъ подогрѣваютъ эту смуту. Японія занимаетъ выжидательную позицію, лелѣя, въ тайникахъ души, мечту стать распорядительницей судебъ Китая.

Впрочемъ, за время своей многовѣковой исторіи, Китай переживалъ и не такія потрясенія. Переживетъ, конечно, и эти. Организмъ его выносливъ и крѣпокъ.

И снова міръ и спокойствіе возстановится въ великой странѣ, про которую поется въ веселой пѣсенкѣ:

Чанъ — чанъ,
Чинъ — Китай,
Превосходный край!..

Шанхайскія скачки.

Я провожу въ Шанхаѣ двѣ недѣли.

За этотъ промежутокъ времени я успѣлъ, съ достаточною добросовѣстностью, исколесить на рикшахъ городъ и ближайшія окрестности. Я исходилъ всѣ улицы, трущобы, лавки, храмы.

Я побывалъ во всѣхъ редакціяхъ, начиная отъ монархическаго „Шанхайскаго Новаго Времени" восторженной госпожи Звѣздичъ, кончая красной „Шанхайской Новою Жизнью" мрачнаго гражданина Семешки.

Я посѣтилъ своихъ друзей.

Одинъ содержитъ бординкгаузъ. Другой служитъ бухгалтеромъ въ банкѣ. Извѣстный генералъ даетъ уроки русскаго и англійскаго языковъ. Кавалерійскій полковникъ обучаетъ тоскующихъ отъ праздности китайскихъ лэди верховой ѣздѣ.

Это — отдѣльные счастливцы.

Устроиться въ Шанхаѣ не легко. Въ этомъ царствѣ доллара необходимы, какъ нигдѣ, знакомства, связи съ иностранными кругами, энергія, настойчивость, удача, исключительная ловкость.

Искусство здѣсь не пользуется спросомъ.

Артистка Черкасская, какъ утверждали, испытывала острую нужду. Гастроли Липковской прошли вяло. И даже яркая звѣзда плѣнительнаго голоножія, Анна Павлова, имѣла лишь временный успѣхъ.

Огромный, болѣе чѣмъ трехмильонный городъ, и въ этомъ желтомъ морѣ, какъ маленькій островокъ, живетъ до двадцати пяти тысячъ европейцевъ, по преимуществу англичанъ, французовъ, американцевъ, португальцевъ, евреевъ. Все это сытые, откормленные менаджеры, маклеры, брокера, владѣльцы или управляющіе крупными предпріятіями. Я вижу ихъ лѣниво развалившихся въ роскошныхъ лимузинахъ, съ сигарою въ зубахъ, стремительно летающихъ по Нанкинъ-Роду. Духовной жизни у нихъ нѣтъ, и время неизмѣнно дѣлится между „бизнессъ" и спортомъ...

Слѣдуетъ сказать, кстати, нѣсколько словъ объ экономическихъ условіяхъ труда въ Китаѣ. Они носятъ своеобразный характеръ.

Старая китайская промышленность основывалась, въ нѣкоторомъ родѣ, на семейной системѣ. Китаецъ-работодатель стремился окружить себя членами семьи, родственниками, въ крайнемъ случаѣ, хорошо знакомыми лицами. Ни по образу жизни, ни по одеждѣ, хозяинъ не отличался отъ своихъ рабочихъ. Между хозяиномъ и рабочими была атмосфера взаимной общности и довѣрія.

Рабочій день, начинавшійся съ восхода солнца до поздняго вечера, былъ продолжителенъ. Но много времени уходило на болтовню, разговоры, игру въ любимое домино, въ которыхъ хозяинъ принималъ самое живое участіе. То чаепитіе, то неожиданный шумъ на улицѣ, заставляетъ всѣхъ высыпать изъ фабрики или мастерской и возобновлять работу послѣ длительныхъ споровъ и пересудовъ.

Въ настоящее время этотъ патріархальный порядокъ уже исчезаетъ. Непосредственная связь

между хозяиномъ и работникомъ нарушена. Рабочій день сокращенъ за счетъ большей производительности труда. Сталъ строже надзоръ. Частыя отлучки не допускаются.

Все это является источникомъ недовольства. И все чаще происходящія забастовки и безпорядки въ средѣ рабочихъ, слѣдуетъ искать не столько въ революціонной пропагандѣ, сколько въ нарушеніи, подъ вліяніемъ современныхъ идей, стараго патріархальнаго уклада...

Мнѣ удалось присутствовать и на шанхайскихъ скачкахъ,

Сезонъ ихъ именно — начало ноября, когда послѣ невыносимо знойнаго, душнаго лѣта, стоитъ сравнительно прохладная осенняя погода.

Три дня подрядъ разыгрывается это торжество, какъ исключительный праздникъ, къ которому готовятся задолго, къ которому съѣзжаются со всѣхъ концовъ материка, гдѣ всѣ билеты распродаются на-расхватъ, а сумма ставокъ и пари достигаетъ нѣсколькихъ мильоновъ шанхайскихъ долларовъ.

Эти скачки напоминаютъ отчасти англійскій „Дерби" или парижское „Гранъ-При", съ тою существенною особенностью, что чистый конскій спортъ интересуетъ желтоликую публику въ неизмѣримо меньшей степени, нежели погоня за азартомъ и случайной наживой. Скачки происходятъ на лошадяхъ мѣстныхъ породъ, конечно, далеко уступающимъ чистокровнымъ англійскимъ скакунамъ.

Вся европейская колонія, въ безукоризненныхъ костюмахъ, мѣхахъ и легкихъ дамскихъ туалетахъ, считаетъ священною обязанностью присутствовать на этомъ зрѣлищѣ. Не только ипподромъ Рейсъ-Хорзъ, но даже Бэбблингъ-Родъ, со всѣми примыкающими улицами, затопленъ многотысячною толпой, крикливой, страстной, возбужденной.

Движеніе трамвая пріостановлено. Сплошною вереницей плывутъ мотокары. Скользятъ коляски, керричи, рикши. На крѣпкихъ пѣгихъ лошадяхъ сидятъ величественные индусы — „сики“, въ пестрыхъ чалмахъ, при сабляхъ, съ стальными чешуйчатыми эполетами, свисающими съ плечъ...

Пу-Хо.

„Ночь Пу-Хо провелъ, какъ всегда, въ Старомъ Шанхаѣ, въ узенькомъ переулкѣ, вблизи канала. Спалъ онъ, по обыкновенію, спрятавъ голову въ мягкую спинку коляски, упираясь ногами въ оглобли, оглашая улицу вкуснымъ храпомъ.

Подъ утро ему приснилась родная деревня, золотистыя рисовыя поля, дымящіеся подъ знойными лучами. Предразсвѣтный холодокъ его разбудилъ.

Чуть брезжилъ разсвѣтъ, голубой и прохладный. Отъ росистой земли поднимался прозрачный синеватый дымокъ. Призывно и бодро пѣли пѣтухи, лаяли псы и гортанно гнусавилъ китаецъ, съ большими корзинами на коромыслѣ...

Пу-Хо ощупалъ за пазухой свой кошель съ копперами и направился къ уличной кухнѣ. Долго прицѣнивался къ пирожкамъ, обнюхивалъ ихъ, прикладывая къ носу, пробовалъ вѣсъ на покрытой черной корой грязи ладони и, наконецъ, остановился на дюжинѣ вареныхъ пельменей. Ѣлъ не спѣша, смакуя, отхлебывая жадными глотками мутное клейкое варево изъ глиняной чашки, ловко захватывая скользкое тѣсто пожелтѣвшими отъ времени тоненькими костяными палочками.

Позавтракавъ, онъ впрягся въ коляску и пустился рысью по направленію къ французской концессіи. Побаливалъ правый бокъ, тошно ныло въ груди, но Пу-Хо не придавалъ этому значенія. Свѣтало. Вокругъ раздавался лязгъ открываемыхъ

лавокъ. Какъ синія тѣни бродили кули. Широко раззѣвая рты, отплевывались, топчась на углахъ, полицейскіе.

Уже поднималось утро, ясное, солнечное, бодрое. Алые лучи ложились на каменные дворцы, на террасы, на зелень деревьевъ, живымъ пламенемъ пылали на яркоочищенной мѣди и стеклахъ оконъ. Съ оглушительнымъ звономъ катились первые утренніе трамваи. Грохотали грузовики и автомобили. Сонно охали кули, перетаскивая на бамбуковыхъ коромыслахъ грузы.

Вокругъ рыскали по всѣмъ направленіямъ экипажи и рикши, нараспѣвъ выхваливали свои товары уличные продавцы, гнусаво клянчили калѣки-нищіе. Съ оглушительнымъ боемъ въ гонгъ и барабаны проходила безконечная свадебная процессія. Сотни кули таскали въ раззолоченныхъ паланкинахъ, украшенныхъ пестрыми лентами и бумажными цвѣтами, приданое и подарки невѣсты, начиная съ дорогой мебели и хрустальныхъ сервизовъ, кончая ночною посудой. Китайцы, выскочивъ изъ домовъ, толпились по обѣимъ сторонамъ тротуаровъ, любопытно озираясь, оцѣнивая подарки...

Пу-Хо посчастливилось. Онъ отвезъ молодую японку-гейшу въ баню и привелъ богатаго иностранца, съ красивою свѣтлою бородой, въ японскій „веселый домъ“. Оба щедро заплатили ему звонкими серебряными монетами.

Въ этотъ день, удача словно преслѣдовала Пу-Хо. Къ четыремъ часамъ дня кошель его былъ туго набитъ копперами — доллара на полтора. Но деньги, какъ будто, перестали его радовать. Въ груди, рядомъ съ копперами, за пазухой, онъ чувствовалъ все возраставшую боль, острую и горячую, и все чаще и чаще, плевки его окрашивались черной, запекшейся кровью. Все труднѣй

становилось дышать. Душилъ жаркій накаленный воздухъ. Ѣдко щипала горло солоноватая жидкость.

Пу-Хо снялъ куртку, завернулъ въ нее кошель съ копперами и бережно спряталъ въ нижній ящикъ коляски, подъ сидѣньемъ. Затѣмъ, предоставилъ влажную, вспотѣвшую спину и грудь жгучимъ солнечнымъ лучамъ. Въ подвернутыхъ до бедеръ короткихъ штанишкахъ, почти голый, потащилъ коляску, крѣпко стискивая судорожными пальцами оглобли, чтобы не свалиться на мостовую...

На главной улицѣ, молодая красивая женщина, въ бѣломъ прозрачномъ платьѣ и миніатюрныхъ шелковыхъ туфелькахъ, на узенькихъ каблучкахъ, вышла изъ магазина и блуждающимъ взоромъ оглядѣлась вокругъ. Замѣтивъ рикшу, она сдѣлала знакъ рукой. Пу-Хо бросился къ ней.

Женщина пахнула ему въ лицо дурманящими духами, сладкими и свѣжими, какъ апрѣльское утро въ китайскомъ саду. Пу-Хо наклонился къ оглоблямъ и, прежде, чѣмъ успѣлъ пуститься въ бѣгъ, увидѣлъ въ отвернувшейся, ослѣпительно-бѣлой пѣнѣ кружевнаго бѣлья, оголенную ногу повыше колѣна, словно выточенную изъ снѣжнаго мрамора.

Кровь застучала у него въ головѣ, горячимъ потокомъ разлилась по всему тѣлу. Эротическое видѣніе обожгло его. Вспыхнувшая страсть и опьяняющій запахъ обновили его силы. Бѣшено стиснувъ оглобли, онъ рванулся и побѣжалъ со сдерживаемымъ дыханіемъ въ груди, точно гонимый злымъ духомъ.

На поворотахъ женщина слегка касалась остріемъ каблука его оголенной спины, указывая ему направленіе. И это холодное шероховатое прикосновеніе сладострастными волнами разливалось по всѣму тѣлу, будило смутное желаніе.

У входа въ паркъ женщина остановила его и пошла по широкой аллеѣ, упруго ступая миніатюрными ножками по мелкому щебню. Пу-Хо безсильно опустился на траву, у ограды...

Быстрыми взволнованными шагами, женщина обошла паркъ, вернулась къ крытой террасѣ и, въ недоумѣніи, остановила красивые синіе глаза на большихъ круглыхъ часахъ подъ крышей, сравнивая время съ игрушечными брильянтовыми часиками-браслеткой на рукѣ.

Вокругъ было тихо, пустынно. Крупные, пестрые тропическіе цвѣты настороженно прислушивались къ звукамъ. Изрѣдка проходилъ по аллеѣ одинокій прохожій. Слѣпо бродилъ откормленный, жирный, какъ мопсъ, кюрэ и, глядя въ молитвенникъ, шамкалъ губами. Огромныя пальмы сонно никли къ землѣ. Подъ ногами грустно шуршали, побурѣвшіе отъ зноя, сухіе листья.

Женщина бродила по парку, изъ аллеи въ аллею. По временамъ, она оборачивалась назадъ, точно кого-то искала. Наконецъ, остановилась, въ послѣдній разъ разочарованно обвела паркъ недоумѣвающими глазами и рѣшительно повернула къ выходу, гдѣ дожидался Пу-Хо.

Опять остро пахнуло на него гіацинтами и сладкимъ, дразнящимъ чувственность, мускусомъ. Онъ наклонился, вздрагивая отъ рѣзкой, внутренней дрожи, къ оглоблямъ и снова увидѣлъ манящее, нагое, женское тѣло въ бѣлыхъ кружевныхъ складкахъ... У него закружилась голова и горячій воздухъ наполнилъ глотку душнымъ комкомъ. Пу-Хо инстинктивно рванулъ съ мѣста коляску, сдѣлалъ шагъ впередъ и, съ клекотомъ, съ хрипомъ, горячей соленой струею, кровь хлынула фонтаномъ изъ горла.

Его тотчасъ окружила толпа китайцевъ.

Откуда-то появился полисменъ-кохинхинецъ, въ плоскомъ шлемѣ съ красными лентами. Женщина въ бѣломъ платьѣ, испуганно соскочила съ коляски, трагически заломила руки, но, увидѣвъ вдали франтовато одѣтаго молодого господина, бросилась къ нему навстрѣчу.

Нѣсколько минутъ тѣло Пу-Хо корчилось на землѣ, конвульсивно вздрагивая. Затѣмъ, оно осталось лежать холодное и недвижимое, какъ брошенное среди дороги бревно. Толпа китайцевъ, съ безразличнымъ любопытствомъ, смотрѣла на остывающій трупъ, философски покачивая головами, скупо обмѣниваясь фразами. Лишь одинъ полицейскій добросовѣстно суетился надъ Пу-Хо, записывалъ номеръ рикши, тщательно ощупывалъ одежду на трупѣ...

Наступалъ вечеръ. Въ садахъ, за паркомъ, небо пылало заревомъ. Становилось свѣжѣе, прохладнѣе“...

Кктайскія тѣни.

Когда падаетъ ночь и замираютъ звонки послѣднихъ трамваевъ, жизнь гигантскаго города полна жуткой таинственности.

Въ темнотѣ тонутъ дворцы европейскихъ кварталовъ. Сторожа обходятъ посты, постукивая бамбуковою трещоткой. Тихо шелестятъ деревья дремлющихъ скверовъ. И только зловонные переулки китайскаго города продолжаютъ горѣть тысячами огней.

По узенькимъ улицамъ, взадъ и впередъ, привлекаемая ласками женщинъ, шипѣньемъ грамофонныхъ пластинокъ и музыкой чайныхъ домовъ, плыветъ толпа. Ярко горятъ фонари и мелькаютъ танцующіе іероглифы. Накрашенныя женщины стоятъ у дверей и зазываютъ прохожихъ. Иногда виднѣются тоненькія фигурки

подростковъ. Онѣ боязливо жмутся къ взрослымъ подругамъ, широко раскрывъ раскосые блестящіе глазки, нервно теребя пальчиками застежки на шелковыхъ курткахъ.

Толпа плыветъ по улицамъ, задерживаясь у чайныхъ домовъ.

Подъ оглушительную дробь барабана, визгъ флейтъ и музыку гонга, дѣвушка-китаянка поетъ на эстрадѣ народную пѣсенку. Посѣтители курятъ длинныя трубки, пьютъ ароматный чай, играютъ въ кости и въ домино, воспаленными глазами слѣдятъ за женщинами.

Тутъ же, украдкой, изъ какихъ-то отверстій, время отъ времени, выползаютъ китайцы, съ больными потухшими взорами, еще въ чаду опійнаго наркоза. Отвратительная старуха, съ сморщеннымъ черепомъ и гнилыми зубами, притаилась въ одномъ изъ проходовъ и, въ ожиданіи любителя, держитъ за руку костлявыми пальцами дѣвочку-ребенка.

А рядомъ, гдѣ расположены бойни, слышны предсмертные стоны животныхъ. Измазанные кровью китайцы кричатъ дикими хриплыми голосами. Визжатъ недорѣзанные поросята, телята и свиньи, цѣпляющіеся за жизнь. Грохочатъ грузовики, наполненные ободранными, дымящимися, еще вздрагивающими тѣлами. Разносится сырой запахъ крови, смѣшанный съ навозомъ и гнилью.

По узенькимъ переулкамъ бродятъ матросы съ иностранныхъ судовъ. Вступаютъ въ драку съ китайцами, горланятъ пьяныя пѣсни, растекаются по многочисленнымъ кабачкамъ и притонамъ.

Матросы обходятъ кварталъ за кварталомъ, останавливаются въ дверяхъ, сговариваются съ женщинами и плетутся за ними, по темнымъ скрипучимъ лѣстницамъ, въ маленькія каморки...

Въ японскихъ „веселыхъ домахъ" надъ входами горятъ бумажные фонарики. Большая зала

устлана соломенными цыновками. На шелковыхъ подушечкахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ размалеванныя, словно куколки, женщины, съ густо выбѣленными лицами, въ высокихъ прическахъ, въ яркихъ цвѣтныхъ кимоно. Аккомпанируя на кото, нѣкоторыя вполголоса напѣваютъ. Посѣтители пьютъ съ женщинами ликеры и саке. Потомъ, сдѣлавъ знакъ, отправляются съ своими избранницами въ темные корридоры, съ клѣтушками по сторонамъ.

Въ углу стоитъ игрушечный столикъ, такой же миніатюрный комодъ. На полу лежитъ тонкое одѣяльце и деревянная подставка для головы. Эти маленькія и хрупкія жрицы любви отличаются отъ китаянокъ особою ласковостью движеній, скромностью, какою-то нѣжною грустью.

Быть можетъ, въ эту минуту имъ вспоминаются далекіе зеленые острова, синія воды залива, родная деревня, цвѣтенье вишень и хризантемъ...

Тяжело дышетъ шанхайская ночь.

Миріады огней сверкаютъ таинственными глазами. Тихо шелестятъ деревья дремлющихъ скверовъ. И только со стороны Вангъ-Пу, гдѣ днемъ и ночью кипитъ безостановочная работа, несутся далекіе хриплые голоса. Кто-то, огромный и черный, лежитъ на землѣ и жалобно стонетъ:

— Уааа!.. Уааа!.. Уааа!..

Олль райтъ!

Въ концѣ концовъ, я утомленъ шанхайской жизнью.

Ея стремительный и лихорадочный потокъ, ея богатство, блескъ, горящій алчный бѣгъ, невольно вызываютъ раздраженіе. Здѣсь сознаешь свое ничтожество. Здѣсь только долларъ — единственный владыка, небожитель, богъ.

Съ другой стороны, нигдѣ въ мірѣ нѣтъ, кажется, такого чудовищнаго контраста между неслыханной роскошью и нищетой, какъ въ этомъ интернаціональномъ Вавилонѣ на Вангъ-Пу...

Я провожу въ Шанхаѣ двѣ недѣли и очень радъ приходу ожидаемаго корабля. Двѣнадцатаго ноября прощаюсь съ „первоклассною русской гостиницей“ на Бэбблингъ-Родѣ. Лукавый бой выноситъ чемоданъ. Финансистъ передаетъ письмо. Опершись о косякъ веранды, стоитъ библейская Рахиль, съ задумчивыми грустными глазами. Малка Марковна киваетъ головой.

— Прощайте!.. До свиданья!.. Оллъ райтъ!

Веселый быстроногій рикша подхватываетъ вскачь, и черезъ нѣсколько минутъ снова мчусь по Нанкинъ-Роду, кипящему, звенящему, залитому сверкающимъ огнемъ.

Рядъ мимолетныхъ впечатлѣній, нечаянныхъ улыбокъ, встрѣчъ...

Съ ребенкомъ на рукахъ, въ лохматомъ рубищѣ, бѣжитъ за мною китаянка:

— А-ля-ля!.. А-ля-ля!...

Кидаю пару мѣдныхъ копперовъ.

У остановки трама, мелькнула группа русскихъ, въ высокихъ сапогахъ, въ рубахахъ изъ защитной саржи, въ фуражкахъ „высочайше утвержденнаго образца“. Все это бывшіе мои спутники по „Лорестану“. Но нѣтъ ни доктора Бари, ни курганскаго звѣробоя, ни штабсъ-капитана Онѣгина, ни молодого священника.

— Прощайте!

На Бендѣ попадается навстрѣчу Георгъ Бауманъ — атлетъ и летчикъ каппелевской арміи, еще только вчера пожинавшій лавры въ владивостокскомъ циркѣ.

Изъ за угла выносится автомобиль.

Онъ дѣлаетъ дерзкій пируэтъ, пересѣкаетъ мнѣ дорогу и, на одно мгновенье, передо мной

мелькаетъ припавшее къ рулю смѣющееся личико золотокудрой миссъ, въ черномъ бархатномъ беретѣ, съ браслетомъ на рукѣ:

— Оллъ райтъ!

Вангъ-Пу струитъ мохнатыя, таинственныя воды. Въ ушахъ еще звенятъ звонки, крикъ, ревъ и гамъ, гудки трамвая и сиренъ. А позади, какъ феерическій балетъ, какъ праздникъ несказанныхъ декорацій, сверкаетъ яркими огнями волшебный, сказочный Шанхай...

ГОНКОНГЪ.

Глава шестая, въ которой авторъ наблюдаетъ золотой міръ съ высоты тысячи метровъ надъ уровнемъ моря.

„Азія“

„Азія“ — товаро-пассажирскій датскій теплоходъ, въ двѣнадцать тысячъ тоннъ, съ двумя шестицилиндровыми двигателями Дизеля. Его длина — сто восемьдесять пять шаговъ, ширина — тридцать. И для того, чтобы совершить верстовую прогулку передъ брекфастомъ, требуется обойти его всего четыре раза.

Онъ не имѣетъ обычной дымовой трубы, взамѣнъ которой, вдоль третьей мачты, расположены двѣ узенькія метталическія трубки. Въ немъ нѣтъ ни паровыхъ котловъ, ни угольныхъ ямъ, отнимающихъ на кораблѣ, въ ущербъ полезному тоннажу, значительное мѣсто. Взамѣнъ послѣднихъ, все междудонное пространство „Азіи“ заполнено болѣе совершеннымъ источникомъ энергіи — нефтью.

Четыре мачты и десятокъ крановъ, радіотелеграфная антена, два необъятныхъ трюма и помѣщеніе для небольшой команды въ тридцать человѣкъ, столовая и пять каютъ для пассажировъ — таковы дополнительныя данныя этого исполинскаго теплохода или иначе — „моторъ шипъ“.

Однако, несмотря на его солидные размѣры, насъ треплетъ третій день. Тепло и облачно. Въ ноябрьскомъ небѣ пылаетъ знойное, колючее, свер-

кающее солнце. Но море дышетъ злобно и тревожно.

И только на виду Формозы, пересѣкая тропикъ Рака, мы получаемъ нѣкоторое облегченіе...

Удача исключительнаго свойства предоставила мнѣ возможность продолжить путешествіе, при этомъ въ самыхъ комфортабельныхъ условіяхъ. Въ моемъ распоряженіи каюта перваго класса. Того же класса табль-дотъ снимаетъ всякую заботу о насущномъ хлѣбѣ.

Да будетъ вѣчною моя признательность высокой коронованной особѣ!..

Максъ Вегенштейнъ и миссъ Ада Свенсонъ.

Я не успѣлъ вступить на палубу — ко мнѣ подходитъ молодой субъектъ, широкоплечій, коренастый, съ веселымъ румянцемъ на обвѣтренномъ лицѣ, въ тропическомъ костюмѣ Тартарена, охотника на львовъ. Онъ весь переплетенъ какими-то ремнями. На немъ морской бинокль и кодакъ. На головѣ огромный бѣлый шлемъ:

— Максъ Вегенштейнъ, сивилъ инженеръ!

Сдавивъ клещами мою руку, онъ продолжаетъ по англійски:

— Сэръ, ю аръ ливингъ бай шипъ „Эзіа"?

— Іесъ, сэръ!

Впрочемъ, мы вскорѣ разговорились по французски. Мой собесѣдникъ, къ счастью, швейцарецъ.

Онъ совершаетъ образовательное путешествіе.

Провелъ три мѣсяца въ Нью-Іоркѣ. На „фордѣ" пересѣкъ всѣ штаты, вплоть до Калифорніи. Изъ Санъ-Франциско переѣхалъ въ Гонолулу, оттуда въ Іокогаму. Кружился по Японіи, затѣмъ направился въ Китай и на обыкновенной джонкѣ совершилъ экскурсію вглубь

страны, по Янтсе-Кіангу и его притокамъ. Теперь онъ возвращается обратно въ Цюрихъ. Но въ Сингапурѣ предполагаетъ задержаться и съѣздить на Борнео, съ единственною цѣлью — поохотиться на носороговъ.

Въ каютъ-кампаніи, затянутой ковромъ, украшенной японскими карликовыми криптомеріями, цвѣтами ириса и пальмами, сидитъ, въ величественной неподвижности, стройная особа.

Это нашъ спутникъ и третій пассажиръ — датчанка миссъ Ада Свенсонъ.

Миссъ Ада не состоитъ даже въ отдаленномъ родствѣ съ знаменитою кинематографическою дивой и совершенно на нее не похожа. Миссъ Ада длинна, какъ гротъ-мачта, тонка, какъ фокъ-рея и съ плоскою, какъ палубный декъ, фигурой. Безкровныя губы сжаты въ снисходительную улыбку. Темный шиньонъ расчесанъ волосокъ къ волоску. Маленькіе глаза горятъ спокойнымъ и ровнымъ блескомъ.

Миссъ Ада нѣсколько перешагнула тотъ возрастъ, который принято называть дѣвичьимъ. Но какъ женщина, она не лишена все же извѣстнаго кокетства и отводитъ заботамъ о наружности подобающее имъ мѣсто. Опрятная, подтянутая, пахнущая смѣсью туалетнаго уксуса и вербены, миссъ Ада сидитъ на диванѣ, пьетъ жидкій чай съ лимономъ и чувствуетъ себя, повидимому, превосходно.

Миссъ Ада направляется въ „Кьобенгавнъ".

Швейцарецъ блѣденъ, обѣдаетъ безъ аппетита и часто, съ непонятною поспѣшностью, вскакиваетъ изъ за стола и скрывается на нѣсколько минутъ. Я чувствую какую-то сонливость.

— Квангъ-Си, сэ-т-энъ экселланъ пэи!

Швейцарецъ вспоминаетъ свою прогулку по Китаю.

— Иль янъ-на дэ сюпербъ монтань!

Я избираю политическую тему.

Разсказываю о войнѣ, о революціи, объ ужасахъ междоусобія, о Колчакѣ, о Ленинѣ, о Троцкомъ, чьи имена мои спутники, повидимому, слышатъ въ первый разъ.

Миссъ Ада слушаетъ съ большимъ интересомъ. Въ особо патетическихъ мѣстахъ, глаза ея широко раскрываются. Она всплескиваетъ своими худенькими, какъ у дѣвочки, руками и восклицаетъ:

— А... Сэ тре-з-энтерессантъ!.. Женераль Троцки!.. Иль э марье?..

Потомъ задумывается и съ нѣкоторою неожиданностью произноситъ:

— Пэ-т-этръ вуле ву жуэ о бриджъ, мессье?

Швейцарецъ вынимаетъ изъ буфета карты и начинается игра:

— Спейтсъ!

— Ту клаббсъ!

— Цри даймондъ!

— Пассъ!

Гонгконгъ.

Гонгконгъ — опорный пунктъ англійскаго владычества въ Китайскомъ морѣ. Онъ расположенъ на крутомъ скалистомъ островкѣ, вблизи материка, и съ точки зрѣнія тактической представляетъ серьозную твердыню.

Англичане владѣютъ этимъ островомъ съ 1841 года. Они присоединили его къ себѣ, воспользовавшись ничтожнымъ эпизодомъ.

Англійскіе купцы ввозили въ Китай опіумъ и продавали населенію. Китайское правительство, возмущенное распространеніемъ этого яда, секвестровало грузъ опіума, направлявшійся въ Кантонъ, и выбросило въ море. Англія объявила войну, одержала быструю побѣду и, въ возмѣщеніе убытковъ, оставила за собой островъ.

Однако, слѣдуетъ признать, что Англія сумѣла использовать свое пріобрѣтеніе. Какихъ нибудь сто лѣтъ тому назадъ, это былъ скалистый, голый, дикій утесъ. Теперь это роскошный городъ, съ дворцами, съ пышными садами, съ богатыми европейскими магазинами, съ отелями, оффисами и банками. Это одно изъ лучшихъ произведеній человѣческаго генія. Гонгконгъ — одинъ изъ самыхъ оживленныхъ портовъ въ мірѣ.

Просторный рейдъ наполненъ грузными тѣлами безчисленныхъ судовъ — англійскихъ и японскихъ, американскихъ, голландскихъ и китайскихъ. Невдалекѣ стоитъ англійская эскадра, въ составѣ нѣсколькихъ дымящихъ крейсеровъ.

Сѣрѣютъ вытянутыя въ нитку портовыя строенія, конторы, склады, доки. За ними виднѣется раскинувшійся городъ. Въ полугорѣ, на фонѣ зелени, сверкаютъ бѣлыми мазками дачи. И высоко взметается, къ застывшимъ въ яркомъ небѣ облакамъ, скалистый пикъ — Викторія...

На палубѣ идетъ погрузка хлопка.

Двѣ груженыя баржи прижались къ борту судна. Раскрылись пасти трюмовъ. Грохочутъ и визжатъ лебедки, краны, блоки. Десятка тричетыре кули горланятъ, суетятся, опускаютъ въ трюмы перевитые желѣзной проволокой тюки.

На пароходъ являются торговцы, въ черныхъ балахонахъ, въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ.

Въ корзинахъ у однихъ — паппаи, помоло, бананы, мандарины. У другихъ — почтовая бумага, открытки, папиросы Кепстенъ. У третьихъ — издѣлія изъ бронзы, шкатулки, табакерки, морскія раковины, изваянія божковъ.

— Вери гудъ!.. Вери гудъ!..

Старикъ-китаецъ, съ улыбкой на желтомъ морщинистомъ лицѣ, показываетъ декоративный ножъ, искусно сдѣланный изъ мѣдныхъ кешей. Приходятъ прачки и мѣнялы. Послѣдніе особенно назойливы, бренчатъ гонгконгскими сере-

бряными долларами, англійскими флоринами и шиллингами:

— Сэръ, ченжъ офъ моней?...

— Хэвъ ю энъ голдъ, сэръ?..

На синей зыби полощатся проворные сампаны.

Старуха-китаянка, съ ребенкомъ за плечами, едва прикрытая чернымъ рубищемъ, стоитъ за рулевымъ весломъ. Подростокъ-дѣвушка работаетъ багромъ и управляетъ парусами. Китаецъ куритъ трубку. На лодкахъ масса женщинъ, маленькихъ, сухощавыхъ, въ черныхъ одеждахъ, съ черными прилизанными волосами. Ремесло матроса здѣсь обычное женское ремесло.

Подобно тому, какъ на большихъ рѣкахъ Китая, здѣсь существуютъ также пловучіе кварталы, въ которыхъ люди появляются на свѣтъ, проводятъ всю жизнь и умираютъ. Это, такъ называемые „тайминги“ — „люди, живущіе на водѣ“. Скученность населенія въ Южномъ Китаѣ чрезвычайная.

На материкѣ, въ четырехъ часахъ ѣзды вверхъ по теченію Че-Кіанга, расположенъ Кантонъ — третій по величинѣ и значенію послѣ Пекина и Шанхая городъ, столица революціоннаго Китая, очагъ тѣхъ крайнихъ соціалистическихъ ученій, которыя, съ легкой руки покойнаго доктора Сунъ-Янъ-Сена, свободомыслящіе, фанатичные южане разносятъ по всей странѣ. Нетерпимость къ иностранцамъ проявляется здѣсь съ особою силой.

Кантонъ — торговое сердце Южнаго Китая, съ его богатствомъ и ужасающею нищетой, съ его кишащимъ муравейникомъ и памятниками старины, съ его своеобразными особенностями, начиная съ знаменитой пятиэтажной „Башни“, кончая „джонками цвѣтовъ“ — плавучими вертепами любви...

Пикъ Викторія.

По спущенному трапу схожу и прыгаю въ сампанъ.

Я достигаю пристани въ нѣсколько минутъ. Соскакиваю на берегъ и растворяюсь въ лабиринтѣ узкихъ, вонючихъ, грязныхъ переулковъ.

Продѣлавъ рядъ зигзаговъ, шагаю по панели главнаго проспекта—улицы „Королевы Викторіи“, сверкающей роскошными витринами, іероглифами, чеканной вязью, вывѣсками, флагами.

Звенитъ трамвай, ревутъ автомобили, скользятъ гонгконгскіе рикши, въ широкихъ зонтикообразныхъ, сплетенныхъ изъ рисовой соломы, шляпахъ. Коричневые отъ загара кули проносятъ паланкины. Несется неумолчный гамъ, звонъ колокольчиковъ, гулъ, грохотъ, трескъ.

Осматриваю скверъ, съ полдюжиной національныхъ монументовъ, воплощающихъ британское величіе. Съ надменнымъ выраженіемъ на гладко выбритыхъ, холеныхъ, твердыхъ лицахъ, въ бѣлыхъ щегольскихъ костюмахъ, проходятъ морскіе офицеры крейсерской эскадры. Мѣрной поступью раскачиваются паланкины, съ сидящими въ нихъ величественными лэди. Проходятъ смуглые мулаты, португальцы. Какъ каменныя изваянія, въ чалмахъ, съ дубинкою въ рукѣ, застыла на углахъ индійская стража.

И такъ же, повсюду желтый міръ, неугомонный, пестрый, суетливый, въ черныхъ балахонахъ и курмахъ. Черный цвѣтъ у китайцевъ-южанъ является преобладающимъ.

Проспектъ заканчивается небольшимъ бульваромъ.

Налѣво—рядъ монументальныхъ зданій, отели, консульства, конторы, банки. Направо—увитая плющемъ отвѣсная скала. Рядомъ—станція трамвая, ведущаго на знаменитый Пикъ.

Уплачиваю тридцать центовъ, сажусь въ вагонъ фуникулера и медленно ползу наверхъ.

Испытываю непередаваемое ощущеніе. Мелькаютъ зданія, дорожки, скверы, люди. Все представляется склоненнымъ, покосившимся. Путешествіе, съ минутными остановками на промежуточныхъ станціяхъ, занимаетъ не болѣе получаса.

Со мною одновременно выходятъ изъ вагона три англійскихъ солдата, рыжеволосыхъ, съ бритыми губами, въ опрятныхъ, прочно сшитыхъ хаки, два мальчугана въ кепкахъ, въ бѣлыхъ воротничкахъ и галстучкахъ, и синеглазая молоденькая миссъ, съ теннисною ракетою въ рукѣ.

Стою на высотѣ какихъ нибудь трехъ тысячъ футовъ, но съ непривычки, отъ разрѣженнаго воздуха, звенитъ въ ушахъ,

У казармы, напоминающей дворецъ, англійскіе солдаты, въ фуфайкахъ и въ короткихъ трусикахъ, играютъ въ футболъ.

Передо мною — Пикъ Отель.

Надъ обрывомъ вьется гладкая бетонная дорожка, съ парапетомъ, съ бетонными скамейками, съ мостками, съ отверстіями для стока дождевой воды. Кругомъ тропическая зелень. Всѣ склоны убраны магноліями, глициніями, пальмами. Внизу раскинулся и вытянулся городъ. А дальше — тихій рейдъ съ заснувшими тѣлами кораблей, залитая огнемъ, жемчужно-синяя вода и голубая дымка опаловыхъ материковыхъ горъ.

Бетонная дорожка тянется вокругъ всего Пика. Базальтовыя стѣны испещрены надписями туристовъ. Журчитъ родникъ, перекликаются невидимыя птицы, въ глубинѣ зелени бѣлѣютъ дачи:

H. M. S.

Вильямъ Робертсонъ.

Кельнель офъ артильри ройаль.

Читаю надпись на металлической доскѣ и, сквозь ажурныя ворота, разглядываю клумбы, подстриженные кустики и утрамбованныя гравіемъ

дорожки. А дальше — особнякъ, съ террасой, цвѣтникомъ, фонтаномъ и площадкой для игры.

Взбираюсь на самую вершину Пика, сажусь на край гранитной кручи и долго созерцаю неизгладимый видъ...

Золотые корабли.

Гонгконгъ!..

Въ сознаніи проносятся обрывки дѣтства, романы Буссенара — притоны и китайскія таверны, звонъ золотыхъ дублоновъ, табачный дымъ и опіекурильни, пѣнители морей, конквистадоры и знаменитые гонгконгскіе пираты...

Послѣдніе, еще сравнительно недавно, носились по волнамъ на своихъ косматыхъ черныхъ джонкахъ и, съ дерзкою отвагой, грабили прохожихъ.

Соединившись прочнымъ кокосовымъ канатомъ, беззвѣздной ночью двѣ джонки становились на пути купца, въ узкомъ протокѣ между островами, и выжидали жертву. Купецъ напарывался на канатъ, своимъ движеніемъ подтягивалъ къ бортамъ кровавыхъ хищниковъ и попадалъ въ ихъ лапы.

Теперь о нихъ почти не слышно.

Англійскіе мониторы, митральезы Гочкисса и брандспойты съ кипяткомъ заставили ихъ обратиться къ иному, быть можетъ, менѣе прибыльному, но болѣе почтенному труду...

Внизу сверкаетъ море.

Оно горитъ расплавленною чашей изъ жемчуговъ, сапфировъ, изумрудовъ, переливается стоцвѣтными огнями и дышетъ влажнымъ испареніемъ. Какъ огневыя искры, разбрызганы тѣла безчисленныхъ судовъ. Какъ будто на гигантскомъ пастбищѣ, изъ сочнаго голкондскаго сапфира, пасутся золотые кудрявые барашки.

Могу же я быть импрессіонистомъ?

А сверху, пламенное око льетъ расточительный потокъ, пригоршнями швыряя золотые ланы...

„Ты помнишь ласковость залива,
Жемчужно-пепельныя волны,
Лучи, дрожавшіе какъ струнки,
А въ небѣ плыли корабли"...

Палящій зной смѣняется прохладой и загораются вечерніе огни.

Облокотясь о бортъ, прикованной къ буйку желѣзными цѣпями, „Азіи", въ раздумьи созерцаю городъ.

Теперь онъ исключительно красивъ.

Пикъ унизанъ яркими очами. Огни ползутъ все выше, выше — не разберешь, гдѣ звѣзды, гдѣ огни. Надъ мачтами сверкаетъ Оріонъ. Звучитъ плескъ веселъ, стукъ уключинъ, тягучая таинственная пѣсня.

О чемъ поетъ невѣдомый пѣвецъ?..

Передо мною выростаетъ фигура капитана:

— Ви гетсъ?

Его зовутъ — Оскаръ Даль. Типичный морской волкъ, широкій, кряжистый, съ сѣдыми мохнатыми бровями, изъ подъ которыхъ смотрятъ острые глаза. Онъ дружески хлопаетъ меня по плечу, кидаетъ нѣсколько словъ, ведетъ въ свою каюту.

Обширная комната, раздѣленная синимъ занавѣсомъ изъ золоченаго китайскаго шелка на двѣ равныя части, убрана съ большимъ вкусомъ. Чувствуется уютъ, домовитость. Все располагаетъ къ интимности.

Комната уставлена низенькими диванами и мягкой бархатной мебелью. На стѣнахъ картины въ масляныхъ краскахъ, рядъ фотографическихъ портретовъ, гравюра съ изображеніемъ турецкаго паши, любующагося обнаженною одалиской.

На письменномъ столѣ, поджавъ подъ себя маленькія толстыя ноги, смѣется бронзовый

Будда, съ жирнымъ отвислымъ животомъ. Надъ нимъ японская лакированная клѣтка съ желтою канарейкой.

Мы пьемъ коктейль.

Капитанъ вспоминаетъ старый Санктъ-Петербургъ и ресторанъ Лейнера, въ которомъ подавалось такое чудесное пиво. Потомъ переносится въ Ригу, съ доппелькюммелемъ и бальзамомъ у Отто Шварца. Хохочетъ, затягивается трубкой и, на мгновенье, исчезаетъ въ клубахъ дыма:

— Доннерветтеръ!

Въ открытое окно иллюминатора дышетъ черная гонгконгская ночь.

Журчитъ вода, меланхолически звучитъ плескъ веселъ, стукъ уключинъ и тихая невѣдомая пѣсня:

Уліу-ліу-ліули...

Оа-Ванъ.

Въ заключеніе, нельзя не привести маленькій разсказъ изъ китайской жизни, въ ея своеобразной бытовой особенности. На этотъ разъ, дѣйствіе происходитъ въ одной изъ расположенныхъ по сосѣдству французскихъ колоній, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ Индо-Китая.

„На окраинѣ города, близъ Западныхъ Воротъ и противъ рисоваго поля, живетъ ученый Донгъ, съ сыномъ, наложницами и женой, по прозвищу Оа-Ванъ—Вечерній Цвѣтокъ.

Каждый вечеръ, ученый Донгъ, куря старую черепаховую трубку, обращаетъ нѣсколько словъ, скупыхъ, медлительныхъ, но вѣскихъ, къ покорной и внимательной Оа-Ванъ, лежащей рядомъ съ нимъ на цыновкѣ, по другую сторону перламутроваго подноса.

У Донга есть маленькій садъ съ миніатюрнымъ прудомъ. Въ глубинѣ сада растутъ карли-

ковые бамбуки, большой бананъ и нѣсколько арековыхъ пальмъ, оживляющихъ своими тонкими стеблями грубую листву каучуковыхъ деревьевъ. За этой стѣной зелени, пронизанной солнечнымъ свѣтомъ, есть другой садъ, принадлежащій французамъ, которые гуляютъ тамъ съ молодыми женщинами, красивыми, веселыми, нарядными. И, лежа подъ деревьями въ своемъ саду, Оа-Ванъ любуется на нихъ и завидуетъ, хотя онѣ и пугаютъ ее немного.

— Мой маленькій другъ! — сказала ей однажды жена резидента провинціи. — Вамъ нужно видѣть французовъ поближе, подружиться съ ними и перенять ихъ манеры. Этимъ путемъ, вы сдѣлаете доброе дѣло для нашихъ обѣихъ странъ!

Ученый Бали, у котораго Донгъ спрашиваетъ совѣта по этому поводу, держится иного мнѣнія. Онъ не видитъ, что могла бы выиграть отъ частыхъ посѣщеній бѣлыхъ жена ученаго?.. Развѣ только, что этотъ ученый самъ хочетъ пробраться туда, при помощи жены?

Такого намѣренія у Донга нѣтъ. Но если Донгъ не честолюбивъ, то зато любопытенъ, какъ каждый китаецъ. Интересно знать, что дѣлаютъ у себя французы?

И Донгъ предоставляетъ Оа-Ванъ свободу дѣйствій.

А такъ какъ Оа-Ванъ такъ же любопытна и, какъ каждая женщина, въ особенности желтая, любитъ лесть, болтовню, бездѣлушки — Оа-Ванъ охотно воспользовалась этой свободой.

Она пошла къ бѣлымъ.

Она была хорошо принята. Она видѣла француженокъ, очаровательныхъ, граціозныхъ и легкомысленныхъ. Но, главнымъ образомъ, видѣла французовъ, галантныхъ и смѣлыхъ. Они окружили ее вниманіемъ, расточали слова, которыхъ она никогда не слыхала, окружили атмосферой влюбленности, чуждой мужчинамъ ея родины.

И однажды вечеромъ, когда послѣдніе лучи солнца были такъ ясны, а ароматы цвѣтовъ такъ возбуждающе-сладки, Оа-Ванъ вошла съ однимъ изъ французовъ въ его домъ изъ бѣлаго камня. Она вышла оттуда, испытавъ всѣ ласки, сладострастныя, одуряющія, тайныя.

Каждый день, на склонѣ короткаго азіатскаго заката, Оа-Ванъ проскальзывала украдкою въ бѣлый домъ, гдѣ нашла если не счастье, то удовлетвореніе своего любопытства. Она испытывала острое и горькое наслажденіе, свертываясь клубкомъ на колѣняхъ своего любовника съ бѣлой кожей, обвивая руками его шею, смѣясь, болтая, чирикая, какъ дѣлаютъ женщины Запада.

Любимые ученики Донга учтиво указывали ей, въ самыхъ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, на то зло, которое она готовитъ домашнему очагу. Ибо въ желтой странѣ надъ обманутымъ мужемъ не смѣются. Его только изгоняютъ отовсюду, если, узнавъ, онъ не отомститъ за обиду, согласно стариннымъ обычаямъ.

Но ученый Донгъ улыбается.

Онъ прекрасно знаетъ, что это съ его разрѣшенія Оа-Ванъ усвоила французскія манеры. Вечеромъ, по движеніямъ, которыя она дѣлаетъ, сидя противъ него, на ложѣ для куренія опіума, онъ угадываетъ, кого она видѣла и гдѣ была днемъ.

Если Оа-Ванъ увѣшиваетъ себя золотыми бездѣлушками и тщательно расправляетъ складки длиннаго шелковаго платья, это значитъ, что она пришла отъ резидента, жена котораго считаетъ себя элегантной и свѣтской особой.

Если Оа-Ванъ врывается, точно порывъ вѣтра, и испускаетъ возгласы, какъ лиловая сойка, это значитъ, что она пила чай у казначейши, у которой собираются дамы мѣстной колоніи.

Если же Оа-Ванъ безпрерывно дѣлаетъ руками забавные жесты, это значитъ, что она провела день у жены инспектора, которая постоянно вер-

титъ пальцами, чтобы показать игру драгоцѣнныхъ камней на перстняхъ.

Такимъ образомъ, ученый Донгъ обо всемъ прекрасно освѣдомленъ...

Спокойные дни слѣдовали одинъ за другимъ.

Но вотъ единственный сынъ Донга заболѣлъ одною изъ тѣхъ болѣзней, которыя люди Запада привезли съ собой. Донгъ боится, чтобы не угасло мужское потомство, чтобы таблицѣ предковъ не грозила опасность покрыться забвеньемъ и пылью. Поэтому нужно дать брата маленькому больному. И Донгъ приглашаетъ Оа-Ванъ выполнить свою обязанность передъ семействомъ.

Оа-Ванъ весело вспрыгиваетъ и свертывается на колѣняхъ Донга, отрывисто щебечетъ нѣжныя слова и обвиваетъ его шею руками.

Но внезапно она содрогается.

Въ любовномъ увлеченіи, она забыла вѣковой ритуалъ, который требуютъ обстоятельства: опущенные глаза, сложенныя руки съ указательными, соединенными въ дугу пальцами, колѣнопреклоненія.

Донгъ поднимается. По его лицу разливается сѣрый цвѣтъ ужаснаго азіатскаго гнѣва:

— Которая изъ вашихъ новыхъ подругъ, Оа-Ванъ, научила васъ этимъ пріемамъ?

Тихо звучитъ голосъ и маленькіе холодные глаза Донга, сверкающіе кровавымъ блескомъ, пронизываютъ насквозь, точно шарятъ въ душѣ. Дрожа, Оа-Ванъ лепечетъ безсвязныя фразы.

— Забыли вы законъ, который велитъ женщинѣ молчать, когда говоритъ хозяинъ очага?

Медленными шагами Донгъ приближается къ Оа-Ванъ. Пронизанная до самаго сердца и словно раздѣтая до нага его неумолимымъ взглядомъ, трижды простирается Оа-Ванъ ницъ, въ знакъ сознанія своей вины. Она падаетъ, закрывая

лицо руками, передъ запятнанной позоромъ таблицею предковъ.

Всю ночь Оа-Ванъ остается распростертою, въ молчанiи и гробовой тишинѣ. Бѣдная куколка, она знаетъ теперь, что погибла, что ее ждетъ жестокая казнь! Какою же она будетъ?.. Петля на шею или голова на каменномъ кубѣ подъ ногою слона, такъ что мозгъ брызнетъ на стѣны?.. Или позорная казнь на плоту?..

Вотъ она, склоненная къ землѣ, въ молчанiи глубокой ночи, какихъ мильоны и мильоны пронеслись надъ древней имперiей. Законъ, обычаи, преданiя, ритуалъ — такъ же проносятся надъ ея отверженною душою. Суровая Азiя снова завладѣла ею и безжалостно ставитъ лицомъ къ лицу съ послѣдней судьбой.

И когда, въ темнотѣ, невидимая рука протягиваетъ ей пилюли опiума, который усыпляетъ страданiе, и настойку датуры, притупляющую мозгъ, Оа-Ванъ преклоняется передъ наказанiемъ, которое смоетъ съ нея вину, и благодарна за то, что ее избавляютъ отъ душевныхъ терзанiй.

Она становится на колѣни, какъ требуетъ обычай, и распускаетъ волосы. Петля, ядъ, нога слона, плотъ, все равно что — она ожидаетъ смерти, какою ей велитъ умереть воля Неба. Она запятнала себя... Таблица предковъ снова заблеститъ въ чистотѣ!..

Полдень.

На поверхности рѣки, на плоту, сколоченномъ изъ четырехъ досокъ, привязанъ французъ, окровавленный, изуродованный до неузнаваемости. Отрѣзаны ноги, носившiя его на свиданiе. Отрублены руки, расточавшiя страстныя ласки. Вырваны глаза, видѣвшiе еще недавно обнаженное тѣло любовницы. Отсѣчены уши, которые ей внимали. Вырванъ языкъ, который шепталъ ей преступныя клятвы въ вѣчной любви. Всѣ эти

отвратительные останки находятся здѣсь же, въ мѣшкѣ.

На этомъ человѣческомъ лоскутѣ, окровавленномъ и еле дышащемъ, привязана тремя веревками изъ плетенаго бамбука Оа-Ванъ, живая и невредимая. Ея полураскрытыя губы насильно слиты съ губами, готовыми испустить послѣднiй вздохъ. Ея трепещущiя груди лежатъ на груди, которая порывисто подымается. И ноги ея прикручены веревками къ кровавымъ обрубкамъ.

И такъ какъ законъ велитъ, чтобы прохожiе отталкивали и пускали плотъ по теченiю, если онъ остановится у береговъ — прелюбодѣи достигнутъ далекаго моря, покачиваясь на рдѣющей отъ крови рѣчной зыби, сопровождаемые карканьемъ голодныхъ вороновъ"...

Оффицiальная версiя и народная молва, которая никогда не лжетъ, утверждаетъ, что французъ погибъ во время охоты на тигровъ, сдѣлавшись ихъ жертвой, по собственной неосторожности.

СИНГАПУРЪ.

Глава седьмая, о Великихъ Воротахъ и о людяхъ изъ бронзы и мѣди, объ экваторіальныхъ широтахъ и объ англійской лэди.

Китайское море.

Четвертыя сутки тянется „Азія“ Южно-Китайскимъ моремъ, между Аннамомъ и Борнео.

Снижаемся вдоль кохинхинскихъ береговъ и слѣдуемъ большой морской дорогой. Послѣднее нужно понимать въ томъ смыслѣ, что путь нашъ лежитъ въ направленіи обычныхъ пароходныхъ рейсовъ, проложенныхъ, въ видѣ прямой линіи, на пароходной картѣ.

Его длина — кратчайшее разстояніе между двумя точками, а ширина не превышаетъ тридцати морскихъ миль, другими словами, полъ градуса меридіана. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, большакъ, почтовая дорога, главный трактъ, безъ верстовыхъ столбовъ и придорожныхъ знаковъ, съ единственнымъ указателемъ — экваторіальнымъ солнцемъ.

Морская миля равняется минутѣ меридіана или приблизительно одной и тремъ четвертямъ версты. Дорога въ тридцать миль настолько широка, что несмотря на тысячи курсирующихъ по ней судовъ, сравнительно рѣдко можно встрѣтить на ней прохожаго. Появленіе на горизонтѣ дымка составляетъ событіе. Это нарушаетъ однообразіе морского путешествія и пассажиры, вооружившись биноклями, съ интересомъ слѣдятъ за невѣдомымъ странникомъ...

Четвертыя сутки медленно снижаемся къ югу.

Воздухъ насыщенъ влажными парами, пропитанъ мертвящею духотой, и кажется не существуетъ въ мірѣ болѣе знойнаго бассейна, чѣмъ этотъ сдавленный материковою стѣной и островами Зондскаго архипелага ковшъ.

А между тѣмъ, по календарю уже ноябрь.

Три года съ лишнимъ тому назадъ, я совершалъ подобное путешествіе въ іюлѣ. Оно было еще мучительнѣй, еще острѣе. Вдобавокъ, я совершалъ его на маленькомъ пароходѣ, безъ вентиляторовъ, безъ рефрежираторовъ, на суднѣ съ толстой обшивкой, приспособленномъ спеціально для камчатскихъ рейсовъ. Нѣкоторую бодрость вливали только души изъ брандспойта, которыми мы окатывали другъ друга, на кормѣ, не менѣе пяти разъ въ сутки. Случайно проглоченный, приэтомъ, зарядъ морской воды дѣйствовалъ сильнѣе англійской соли.

Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, каторжный этапъ. Именно здѣсь, у береговъ Кохинхины, несмотря на то, что весь костюмъ состоялъ изъ пижамы, надѣтой на голое тѣло, зной давалъ себя чувствовать самымъ убійственнымъ образомъ.

Впрочемъ, и сейчасъ онъ почти нестерпимъ...

Бой Санъ-Мо.

Китаецъ-бой Санъ-Мо, худой черноволосый парень, повѣствовавшій мнѣ вчера о Камерунѣ, стучитъ трикратно въ дверь:

— Бонжуръ, мосье!.. Брекфастъ!.. Силь ву пле!..

Онъ точенъ, какъ секстанъ, этотъ молодой кантонецъ, сообразителенъ, услужливъ, быстръ, и за пять лѣтъ бродячей жизни, мотаясь изъ Мельбурна въ Нагасаки и изъ Шанхая въ Гамбургъ, успѣлъ достаточно развить свои желтые мозги.

Когда въ свободное отъ службы время онъ стоитъ у лѣстницы, ведущей на спардекъ, часами наблюдая лиловую пустыню, я снисхожу до частныхъ разговоровъ съ нимъ. Китаецъ оживляется и дѣлится своими наблюденіями.

Онъ далеко не такъ безгласенъ, какъ это утверждаетъ его имя. При этомъ, патріотъ и про свою страну отзывается съ оттѣнкомъ гордости въ словахъ:

— Ля Шинъ — сэ л'оръ, мосье!..

Онъ часто мнѣ разсказываетъ о маленькой деревнѣ, затерянной гдѣ-то въ истокахъ Че-Кіанга, среди чумизовыхъ и рисовыхъ полей. Разсказываетъ о Чао-Ли и маленькой Линь-Сю, которымъ черезъ годъ привезетъ цѣлый мѣшочекъ серебряныхъ сокровищъ.

Вчера же, между прочимъ, онъ объяснилъ мнѣ происхожденіе своего пятицвѣтнаго красно-желто-сине-бѣло-чернаго флага, изображающаго соотвѣтственно пять главныхъ составныхъ частей великой республики: Манчжурію — Китай — Монголію — Восточный Туркестанъ — Тибетъ.

Порою онъ не чуждъ и болѣе высокихъ темъ, распространяется про внутреннее состояніе Китая и горько сѣтуетъ на политическихъ вождей.

Не унывай, Санъ-Мо!.. Въ своихъ печальныхъ размышленіяхъ ты не одинокъ!..

Въ каютъ-кампаніи застаю за завтракомъ весь пароходный интернаціоналъ: швейцарца, фрекенъ Аду и сѣвшаго въ Гонгконгѣ шефа датской радіо-кабельной станціи, гера Кринга съ женою-англичанкой и двумя дѣтьми — маленькимъ Олафомъ и черноглазой Маргретъ.

— Бонжуръ!

— Гу монъ!

— Гутъ моргенъ!

Кохмейстеръ Боа кормитъ на убой.

Столъ уставленъ разными закусками — паштетами, сырами, сардинами, анчоусами, копченымъ

саломъ, ветчиной. КокъШтуманнъ, всегда навеселѣ, какъ всѣ морскіе коки, щегольнулъ миндальнымъ тортомъ. Рядъ хрустальныхъ вазъ наполненъ мандаринами, бананами и помоло — китайскимъ апельсиномъ, съ хрустящимъ, сочнымъ, волокнистымъ мясомъ. Въ серебряныхъ сосудахъ, со штампомъ „Остъ-Азіатиске Компани“, поданъ чай и кофе...

Геръ Крингъ и механикъ Холмсъ.

Геръ Крингъ, чиновникъ изъ Гонгконга, въ цвѣтныхъ консервахъ, въ бѣломъ тропическомъ шлемѣ, сидитъ на верхней палубѣ, подъ тентомъ, съ карманнымъ Нельсономъ въ рукахъ, и методично отмѣчаетъ путь.

Онъ предпочелъ бы, впрочемъ, проѣхать въ Копенгагенъ сухопутьемъ. Жена и дѣти уже страдаютъ отъ морской болѣзни. Еще неизвѣстно, что будетъ въ океанѣ? Геръ Крингъ припоминаетъ прелести сибирскаго экспресса, Байкалъ, непостижимую сибирскую равнину и снѣжную румяную Москву.

Сегодня, кстати, мы какъ разъ пересѣкаемъ меридіанъ Байкала—сто десятый градусъ восточной долготы...

Къ второму завтраку, отбывъ ночную вахту, приходитъ старшій „стюрменъ“ Генсенъ, широкоплечій, краснощекій человѣкъ. Отъ него вѣетъ несокрушимымъ здоровьемъ. Онъ мало говоритъ, но обладаетъ зато чудовищнымъ аппетитомъ и смѣется такъ неожиданно и громко, что миссъ Ада каждый разъ вздрагиваетъ отъ испуга.

За нимъ является механикъ Холмсъ.

Это также еще не старый, но видавшій виды человѣкъ, шутникъ, острякъ, незамѣнимый собесѣдникъ. Отъ продолжительнаго пребыванія въ

машинномъ отдѣленіи, онъ совершенно посѣдѣлъ, а кожа на лицѣ стала морщинистой и вялой.

Зоркимъ окомъ, онъ окидываетъ столъ, нацѣливается на паштетъ, пьетъ пиво и разсказываетъ о бывшемъ капитанѣ „Азіи", королевскомъ принцѣ Акселѣ. Потомъ, упоминаетъ о государственномъ совѣтникѣ, господинѣ Андерсенѣ, самомъ богатомъ человѣкѣ въ Даніи, изъ скромнаго шкипера дальняго плаванія превратившагося въ директора-распорядителя всемогущей „Остъ-Азіатиске Компани", владѣльца тисовыхъ лѣсовъ въ Сіамѣ и каучуковыхъ плантацій въ Сингапурѣ.

Затѣмъ, сообщаетъ рядъ свѣдѣній объ адмиралѣ лордѣ Битти и знаменитой Ютландской битвѣ. О Фошѣ, Людендорфѣ, Клемансо. О женщинахъ Борнео и людоѣдахъ архипелага Маратуйи. О Гонолулу и Санъ-Франциско. И, наконецъ, о завтракѣ, въ этой самой каютъ-кампаніи, съ талантливымъ кино-артистомъ Чарли Чаплинъ, Мэри Пикфордъ и русскимъ „прэнсомъ" Извольскимъ...

Механикъ интересный собесѣдникъ. Всѣ слушаютъ его повѣтствованія съ полнымъ вниманіемъ. Въ особенности, когда за десертомъ, онъ переходитъ на злободневныя морскія темы.

Съ чѣмъ только не приходилось встрѣчаться за двадцать лѣтъ скитаній по океанамъ!

Напримѣръ — страшныя морскія чудовища, разсказы о которыхъ натуралисты склонны считать досужей фантазіей?.. О, да, онъ видѣлъ ихъ въ Караибскомъ морѣ, собственными глазами, на разстояніи не болѣе одного кабельтова... Огромная змѣя, длиною въ нѣсколько тысячъ метровъ, коричневаго цвѣта съ черными пятнами на спинѣ, свиваясь гигантскими кольцами, плыла по поверхности моря, изрыгая огненное дыханіе...

А морскія сирены — полуженщины, полурыбы, съ чешуйчатымъ серебристымъ хвостомъ?.. Можетъ быть, это тоже мифъ?.. Ученые, конечно,

также отрицаютъ ихъ существованіе... Между тѣмъ, механикъ не только видѣлъ, но даже слышалъ, самымъ явственнымъ образомъ, ихъ жалобный плачъ... Это было три года тому назадъ, возлѣ острововъ Святой Барбары, неподалеку отъ Калифорніи...

Знаменитые Сентъ-Эльмскіе огни?.. Они горѣли на мачтахъ, въ Магеллановомъ проливѣ, приводя въ трепетъ команду... Ибо появленіе ихъ — знакъ несчастья...

Но самое страшное зрѣлище — это безспорно Летучій Голландецъ... Его пришлось видѣть однажды въ южной части Тихаго океана, у острововъ Туамоту, когда, подъ завываніе шквала, съ испорченною машиной, потерявъ управленіе, пароходъ несся на прибрежные рифы... Внезапно, въ ночной темнотѣ, мелькнулъ силуэтъ корабля... Со сбитыми мачтами, съ обвитымъ водорослями и позеленѣвшимъ отъ времени кузовомъ, съ десяткомъ скелетовъ, притянутыхъ канатами къ борту... Они улыбались глазными впадинами, размахивали руками, и кости издавали металлическій трескъ...

Слышно рыданіе.

Маленькая Маргрэтъ не выдерживаетъ. Дѣвочкѣ десять лѣтъ, но у нея чувствительное сердце. Съ крикомъ, она кидается къ матери, обвиваетъ ее руками и прячетъ на груди раскраснѣвшееся, орошенное слезами, личико.

Бесѣда переходитъ на политическія темы...

Геръ Крингъ интересуется Россіей.

Какъ соціалистъ и демократъ, онъ убѣжденъ, что если бы не блокада и не злосчастная гражданская война, въ странѣ давно бы царилъ демократическій порядокъ, и Россія имѣла бы настоящаго президента и собственный „ригсдагъ". Геръ Крингъ приводитъ рядъ глубокомысленныхъ соображеній, практическихъ примѣровъ, указаній. Во всякомъ случаѣ, онъ искренно соболѣзнуетъ русскому народу и вѣритъ въ его будущую славу:

— Э вотръ Ленинъ?.. Я затрудняюсь вамъ сказать!.. Великій-ли пророкъ, великій-ли мошенникъ?.. Анъ ту ка, сэ-т-энъ гранъ хоммъ!..

Механикъ расходится во взглядахъ съ геромъ Крингомъ, являясь сторонникомъ единоличной диктатуры:

— Что такое ригсдагъ?.. Пустая говорильня, препирающаяся изъ за каждой запятой!.. Клубъ праздныхъ болтуновъ, не удосужившихся до сихъ поръ разобрать вопросъ о соціальномъ обезпеченіи механиковъ и нормировкѣ преміальной платы!..

Вздоръ!.. Россіи, какъ и всякой порядочной странѣ, необходима диктатура... Не въ видѣ Ленина или боевого генерала, а въ образѣ того же господина Андерсена, диктатора съ туго набитою мошной и геніальными экономическими планами!..

И наиболѣе подходящимъ кандидатомъ на русскій тронъ являются, по мнѣнію механика — Рокфеллеръ, Фордъ и Ротшильдъ.

Миссъ Ада вспыхиваетъ отъ негодованія.

Она легитимистка и требуетъ возстановленія законной исторической монархіи...

Сингапурскія олеографіи.

Грохочетъ якорная цѣпь.

Въ иллюминаторы врывается крикливая стрекочущая рѣчь. На палубѣ кишатъ широкоскулые малайцы, индусы, тамилы. Является англійская полиція, провѣряетъ паспорта и ставитъ полицейскій штемпель.

Кстати, эта портовая полиція! Каждый разъ я еле удерживался отъ смѣха, наблюдая, какъ полицейскій чиновникъ, съ сознаніемъ важности возложенныхъ на него обязанностей, вертѣлъ въ рукахъ мой злополучный паспортъ. Если бы онъ

только подозрѣвалъ, казенный человѣкъ, что это паспортъ уже не существующаго правительства! Что ни одинъ дипломатъ, ни генеральный консулъ, ни даже посолъ его величества короля Англіи, вѣроятно, никогда и не слыхалъ про правительство Земскаго Края!

Тѣмъ не менѣе, чиновникъ, взглянувъ на титульный листъ, на французскіе тексты и, въ особенности, на нѣмецкую, латвійскую и эстонскую визы, одобрительно кивалъ головой, произносилъ: „оллъ райтъ!“ и ставилъ англійскій штемпель.

Внутренне я хохоталъ и въ то же время переживалъ непріятныя минуты. Я рисковалъ, правда, немногимъ. Только тѣмъ, что не буду допущенъ на берегъ. Но это разстраивало мои планы. При всемъ томъ, небольшая прогулка по сушѣ, послѣ длиннаго морского перехода, необходима просто въ цѣляхъ гигіеническихъ...

На пароходъ являются поставщики провизіи, мѣнялы, прачки. У трапа полощатся сампаны. Груженыя копрой баржи ошвартовались у бортовъ.

А впереди, примѣрно въ двухъ-трехъ кабельтовахъ, за лѣсомъ мачтъ и пароходныхъ трубъ, въ высокихъ пальмовыхъ садахъ, раскинулся, на низкомъ берегу, манящій неотразимою таинственностью городъ. За нимъ синѣетъ очеркъ неизвѣстныхъ горъ. Въ бездонномъ синемъ небѣ застыли палевыя облака.

Невдалекѣ стоитъ могучая англійская эскадра — десятокъ тяжелыхъ грузныхъ, сѣрыхъ броненосцевъ, развѣдчиковъ, сторожевыхъ судовъ. Рядомъ виднѣется изящный молодой красавецъ, австралійскій крейсеръ „Сидней“, счастливый побѣдитель „Эмдена“.

Сампанъ выноситъ на берегъ.

Сажусь на рикшу и съ высоты его коляски, скользящей по упругому, слегка увлажненному

ливнемъ, гудронированному шоссе, знакомлюсь съ величественными бѣлыми дворцами, индусскими пагодами, садами, скверами и виллами, въ ажурномъ кружевѣ чеканныхъ пышныхъ пальмъ.

Сингапуръ — главная морская база и цитадель британскаго могущества на индо-малайскомъ Востокѣ, закупоривающая такъ искусно, въ узкомъ горлѣ Малаккскаго пролива, дорогу изъ Тихаго въ Индійскій океанъ.

Это — восточный Гибралтаръ. Это — Великія Ворота, отдѣляющія Дальній Востокъ отъ Запада, желтый міръ отъ міра арійскаго.

Здѣсь настоящая экзотика!.. Только полъ градуса отдѣляютъ отъ экватора!..

Въ костюмѣ Тартарена, охотника на львовъ, за мною слѣдуетъ Вегенштейнъ. Швейцарецъ уѣзжаетъ завтра на Борнео.

Это наша прощальная прогулка.

На протяженіи нѣсколькихъ часовъ кружимся по городу, созерцая сказочныя сцены, наслаждаясь гаммой буйныхъ красокъ, огнемъ пылающаго дня и фіолетовою тѣнью. Потомъ, слѣзаемъ съ рикшъ и погружаемся въ толпу, въ загадочный малайскій міръ, цвѣтистый, пестрый, многогранный.

Бродимъ въ толчеѣ обугленныхъ колючими лучами обнаженныхъ тѣлъ, среди играющихъ дѣтей и отвратительныхъ старухъ. Среди мужчинъ, съ волнистой женскою прической, скрученной узломъ. Среди кофейно-бронзовыхъ красавицъ, глазастыхъ сингапурскихъ фей, лоснящихся, безстыжихъ, гибкихъ, похотливыхъ, въ прозрачныхъ туникахъ, съ полдюжиной браслетовъ на рукахъ.

На рисовыхъ цыновкахъ навалены арбузы, желтыя дыни — паппаи, оранжевые сингапурскіе бананы, ананасы, манго и самый вкусный, самый нѣжный изъ экзотическихъ плодовъ — темнозеленый мангустанъ, съ толстой кожурой и бѣлымъ

шестиграннымъ ядрышкомъ, изумительная смѣсь персика съ мороженымъ. Мангустанъ не выдерживаетъ перевозки и не попадаетъ въ Европу. Разводить его въ другомъ климатѣ пока не удается. Мангустанъ — лучшее произведеніе тропической флоры.

Въ тѣни соломеннаго тента сидятъ на корточкахъ коричневые кули и, быстро перебирая въ чашкахъ тоненькими палочками, уписываютъ рисъ. Уличный цирюльникъ скоблитъ ножомъ коричневый затылокъ, особымъ инструментомъ продуваетъ уши. Звенитъ желѣзной побрякушкой продавецъ воды. Скрипитъ двухколесная плетенка, запряженная черными сингапурскими бычками. Ползетъ упругій, острый, пряный запахъ...

— Ал-ло!.. Ал-ло!..

Черезъ протокъ съ безчисленнымъ количествомъ сампановъ, груженыхъ кокосовымъ орѣхомъ, ведетъ висячій мостъ. За нимъ — индійскій храмъ, съ огромнымъ изваяніемъ слона. Потомъ, тѣнистый скверъ, зеленая площадка, дворецъ и памятникъ основателю Сингапура и знаменитому губернатору Стамфорду Раффлсу.

Потомъ — обѣдъ въ англійскомъ клубѣ.

Сидимъ подъ охлаждающими „пунками“ — большими зонтами, колеблемыми за шнурокъ рукою спеціальныхъ боевъ.

На всемъ печать англійскаго комфорта. На столикахъ, покрытыхъ бѣлоснѣжной скатертью, стоятъ цвѣты, граненая хрустальная посуда. Цѣлый штатъ коричневой прислуги, въ бѣлыхъ курточкахъ, на которыхъ пуговицы замѣнены оригинальными ракушками, прислуживаетъ съ необычайно предупредительной и, въ то же время, достойною манерой. По англійскому обыкновенію, меню состоитъ изъ двадцати блюдъ. Впрочемъ, сюда же входитъ и графинъ съ водой, и ломтики бѣлаго хлѣба, и каждая закуска. А порціи совсѣмъ миніатюрныя.

Въ обширной залѣ ресторана обѣдаютъ пять-шесть группъ.

Все это, несомнѣнно, англичане. Слегка надменныя, породистыя, гладко выбритыя физіономіи мужчинъ, высокихъ, рослыхъ, крупныхъ, въ короткихъ бѣлыхъ фракахъ, съ бѣлымъ бантикомъ и туго накрахмаленныхъ воротничкахъ. Такія же фигуры изящныхъ свѣтловолосыхъ женщинъ, съ цвѣтами у корсажа, на бѣломъ фонѣ кружевного платья.

Короткая отрывистая рѣчь, сухія сдержанныя восклицанія, безстрастныя движенія, улыбки, взгляды...

Сингапурскія ночи.

Сингапуръ—городъ индо-малайскій.

Но населенъ онъ, по преимуществу, китайцами. Китайцы—элементъ пришлый. Силою обстоятельствъ, здѣсь созданъ былъ крупный торговый центръ, съ населеніемъ превышающимъ, въ настоящее время, полмильона. Сингапуръ, подобно Гонгконгу, также расположенъ на маленькомъ островкѣ, отдѣляемомъ узкимъ протокомъ отъ материка.

Тамъ, гдѣ большое коммерческое предпріятіе требуетъ много рабочихъ рукъ, много энергіи и терпѣнія, туда немедленно приходитъ китаецъ. Онъ откликается первымъ на этотъ зовъ. Десятки и сотни тысячъ китайцевъ переселились съ своей родины въ Сингапуръ. Эти китайцы, при своей изумительной трудоспособности и неприхотливости, при наличіи превосходной англійской дисциплины, являются незамѣнимымъ матеріаломъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сингапуръ—городъ англійскій, въ которомъ, само собой разумѣется, есть великолѣпные дворцы и магазины, площадки для тенниса и для гольфа, зеленыя лужайки, газоны,

скверы и одинъ изъ самыхъ роскошныхъ въ мірѣ ботаническихъ садовъ.

Въ Сингапурѣ поражаетъ толпа.

Всѣ улицы запружены ею. Эта толпа, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, съ желтолицыми китайцами и еще болѣе желтыми малайцами, даяками и баттаками, съ щуплыми блѣдными аннамитами и кохинхинцами, съ матовыми сіамезами и темно-бронзовыми тамилами, съ коричневыми индусами и чернокожими негритосами, съ мулатами и метисами всѣхъ сортовъ и мастей. Толпа спѣшитъ, бѣжитъ, волнуется и кричитъ. Это настоящее море людей. Ихъ приходится разсѣкать, словно морскія волны . .

Черезъ протоки перекинуты горбатые мостики. Въ этихъ протокахъ стоятъ лодки, одна возлѣ другой, настолько тѣсно и сомкнуто, что между ними не разглядѣть даже щелки воднаго пространства. Каждая лодка перегружена толпой мужчинъ, женщинъ, дѣтей, суетящихся, размахивающихъ руками, испускающихъ крики.

Городъ окаймленъ цѣлымъ рядомъ туземныхъ кварталовъ, въ буйной зелени и въ садахъ, съ тѣнистыми улицами, съ низенькими постройками, выкрашенными, по преимуществу, въ синюю краску.

Съ именемъ Сингапура не связаны великія историческія воспоминанія. Прошлое малакскаго полуострова очень мало извѣстно. Но, конечно, существовали здѣсь когда-то великія малайскія царства, съ своими пророками, учеными и полководцами, съ своею совершенно особой культурой.

Сингапуръ, подобно Шанхаю, считается городомъ нездоровымъ. Его жара влажная и тяжелая, въ ней чувствуются міазмы болота. Несмотря на ноябрь, зной весьма ощутителенъ. Густая тѣнь листвы не спасаетъ. Этотъ зной умѣряется только ночью. А сингапурскія ночи—очарованье и красота.

Тяжело дышетъ, раскинувшееся бархатнымъ

плащомъ, темносинее звѣздное небо. Въ горячемъ, насыщенномъ терпкими, пряными, томительными ароматами воздухѣ струится чуть замѣтная свѣжесть. Неподвижныя пальмы кидаютъ густыя черныя тѣни. Слышится таинственный шопотъ, отдаленный стукъ деревянныхъ сандалій, неумолчная музыка свѣтляковъ и цикадъ.

Иногда, сонную тишину прорѣжетъ сдавленный крикъ, на незнакомомъ гортанномъ нарѣчіи. Съ высокой пальмы испуганно сорвется ночная птица. Прожужжитъ жукъ — и снова все погрузится въ оцѣпенѣлое и загадочное молчаніе. Только цикады и свѣтляки, съ удвоенной силой, продолжаютъ свой неугомонный концертъ.

Мнѣ нравится чрезвычайно этотъ яркій, сочный, красочный городъ.

Мнѣ нравится даже его названіе—Сингапуръ. Все интересуетъ въ немъ и захватываетъ съ необычною остротой. Можетъ быть, оттого, что онъ стоитъ на самомъ экваторѣ?

Не знаю...

Во всякомъ случаѣ, я чувствую себя удовлетвореннымъ, и не могу отдѣлаться отъ смутнаго и въ то же время радостнаго сознанія, что нога моя, когда-то гранившая Невскій Проспектъ, Крещатикъ, Дерибасовскую и бульвары Парижа, въ настоящее время, какимъ-то фантастическимъ образомъ, скользитъ по гравію сингапурскихъ аллей...

Ботаническій садъ.

Два рикши мчатъ насъ мелкой рысью.

Дорога безподобна. Это какое-то зеркальное шоссе, широкой лентой прорѣзающее городъ и выводящее на нѣсколько километровъ впередъ. Ни пыли, ни соринки. Упругая и плотная поверхность, отполированная, какъ стекло. Впрочемъ,

это характерная особенность всѣхъ сингапурскихъ улицъ.

По сторонамъ проносятся роскошные коттеджи, съ фонтанами и клумбами цвѣтовъ, съ банановыми и ананасовыми рощами и цѣлымъ лѣсомъ пальмъ.

Я не имѣю основаній питать особую симпатію къ англійскимъ джентльменамъ. Но ихъ культура превосходна!..

Мы подъѣзжаемъ къ Ботаническому саду.

Блуждаемъ нѣсколько часовъ по пальмовымъ аллеямъ, среди гигантскихъ эквалиптовъ, баньяновыхъ и каучуковыхъ деревьевъ. Проходимъ сонный прудъ, съ кувшинками и водяными лиліями изумительныхъ размѣровъ. За желтой чащею бамбука привѣтливо бѣлѣетъ бунгало. Во всѣхъ углахъ трещатъ, звенятъ, переливаются цикады.

Зной дѣлается нестерпимымъ.

— Эй, люди!.. Уотеръ, уотеръ!.. Полміра за ведро воды!..

Изъ чащи вынырнулъ малаецъ, исчезъ и вскорѣ появился съ глинянымъ кувшиномъ. Мы жадно пили воду. Швейцарецъ, подостлавъ подъ себя номеръ „Таймса“, въ изнеможеніи упалъ на стриженый газонъ.

Внезапно прозвучалъ гудокъ.

Изящный лимузинъ свернулъ съ шоссе, подъѣхалъ къ бунгало. Особа въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ зонтикомъ въ рукѣ, вспорхнула на дорожку.

— Монъ шеръ, кончайте водопой!.. Взгляните, насъ ожидаетъ чашка чая!...

Швейцарецъ, въ свою очередь, смѣется:

— Великолѣпно!.. Хотя, признаться, я бы предпочелъ айскримъ!

Наши мечты разсѣялись, какъ дымъ.

Передъ нами стояла фурія. Настоящая фурія, съ разгнѣванньмъ и искаженнымъ злобою лицомъ. Она произносила, задыхаясь, какія-то англійскія слова: „прайветъ, прайветъ!“, угрожающе разма-

хивала зонтомъ и брызгала, какъ кобра, ядовитою слюной.

Что за трагическій пассажъ?

Слегка растерянные страннымъ отношеніемъ, мы стояли передъ ней: швейцарецъ въ своемъ костюмѣ Тартарена, я въ рыжемъ хаки, напоминая обликомъ колоніальнаго маіора.

— Сенкъ ю!.. Благодарю!..

Швейцарецъ снялъ свой шлемъ. Я приложился къ кепкѣ. И мы гордо направились къ выходу.

Я не имѣю основаній питать особую симпатію къ англійскимъ джентльменамъ.

Старая мегера!

Ты хочешь отъ меня отнять клочокъ симпатій и къ англійскимъ лэди...

ПЕНАНГЪ.

Глава восьмая, о спасательныхъ лодкахъ и о бравыхъ датчанахъ, о кофейныхъ красоткахъ и малайскихъ романахъ.

Христіанъ Рассмуссенъ и его фру

Въ Сингапурѣ, кромѣ кокосовой копры, забившей оба трюма и частью сложенной на палубѣ, подъ парусиновымъ брезентомъ, мы приняли на бортъ пять новыхъ пассажировъ.

Во первыхъ, ученый садоводъ, геръ Христіанъ Рассмуссенъ съ своею хорошенькою фру.

Это спокойный, молчаливый, уравновѣшанный субъектъ, съ желудкомъ лошади, съ мозгами носорога и·съ нервами, не уступающими корабельному канату.

Пять долгихъ лѣтъ тяжелой и высокополезной дѣятельности, во славу „Остъ-Азіатиске Компани", геръ Христіанъ Рассмуссенъ провелъ на каучуковой плантаціи, въ пятидесяти англійскихъ миляхъ отъ Сингапура, оторванный отъ всѣхъ культурныхъ благъ, среди убійственной маляріи, малайцевъ, обезьянъ и ядовитыхъ змѣй. Вдобавокъ, знойный климатъ очень вредно отражался на здоровьи его супруги и не позволилъ завести потомство.

Сейчасъ, по окончаніи контракта, съ мечтой, лелѣемой на протяженіи долгихъ лѣтъ, съ десятью тысячами сингапурскихъ долларовъ въ карманѣ, онъ возвращается на родину, въ Фіонію. Намѣренъ получить на льготныхъ основаніяхъ клочокъ

земли, поставить ферму, заняться молочнымъ хозяйствомъ и воспитаніемъ будущихъ дѣтей.

Вторая пара—лейтенантъ резерва Нильсенъ и студентъ-ботаникъ изъ окрестностей Пенанга—молодые люди, не выдержавшіе тяжелаго искуса и прослужившіе на каучуковой плантаціи всего два года.

И наконецъ, пятый пассажиръ — малайскій тигръ, предназначаемый въ подарокъ копенгагенскому зоологическому саду.

Это огромный звѣрь, нервный, злобный, съ плоской усатой головой и ярко золотистымъ тѣломъ, расцвѣченнымъ густыми чёрными лентами. Его доставили на моторномъ ботѣ, въ бамбуковой клѣткѣ, обшитой металлическими прутьями.

Десятокъ малайцевъ, съ предосторожностями и опаской, долго увязывали клѣтку кокосовымъ тросомъ, потомъ поддѣли крюкъ, загрохотала цѣпь, и царь малайской джунгли, на одно мгновенье, повисъ въ пространствѣ между небомъ и водой, послѣ чего былъ помѣщенъ на ютъ. Ему отвели уединенный уголъ, въ сосѣдствѣ съ пестрымъ какаду и обезьяной. Онъ цѣлый день лежитъ на рисовой соломѣ и при малѣйшемъ стукѣ или шорохѣ шаговъ рычитъ и скалитъ пасть...

Погрузка кончена и острый запахъ копры проникаетъ все.

Копра—это очищенный отъ скорлупы и разбитый на части кокосовый орѣхъ. Въ такомъ видѣ онъ обычно перевозится и поступаетъ на заграничный рынокъ, для выдѣлки кокосоваго масла и для кондитерскихъ издѣлій.

Вмѣстѣ съ копрой мы принимаемъ безчисленное множество кокосовыхъ жучковъ, напоминающихъ клопа. Отъ нихъ спасенья нѣтъ. Они вездѣ—въ бѣльѣ, въ ботинкахъ, въ паштетѣ и въ коробкѣ отъ зубного порошка. Они насъ

будутъ мучить и преслѣдовать до самаго Суэца. При этомъ, этотъ клопъ летаетъ. Но запахъ его не противенъ и напоминаетъ тотъ же кокосовый орѣхъ.

Кокосовымъ жучкамъ радуется только пароходная макака Джакобъ, пожирающій ихъ цѣлыми фунтами. Это его излюбленное блюдо, вкусъ къ которому онъ получилъ, повидимому, еще въ раннемъ дѣтствѣ.

Сапфиры въ золотѣ.

Мы выползаемъ изъ МалакксReferences пролива и, во исполненіе полученнаго по радіо „ордера", направляемся въ Пенангъ.

Нагрѣтая вода дышетъ лѣниво и, сдавленная кусками раскаленной суши, струитъ жидкое пламя.

Словно сапфиры въ расплавленномъ золотѣ!

На бакбортѣ мерещится порой таинственная Суматра, съ дымящимися сопками. Направо— тысячеверстною клешней гигантскаго омара раскинулся Малаккскій полуостровъ.

Тихо, пустынно... Солнечное жало вонзается съ несносною безпощадностью... На горизонтѣ ни одного паруса, ни одного дыма... Хотя бы случайно залетѣвшій альбатросъ... Хотя бы какой нибудь блуждающій кашалотъ или нарвалъ... Спокойная и безмятежная поверхность, и только стайки серебристыхъ рыбокъ испуганно выскакиваютъ изъ воды...

На верхней палубѣ виситъ японская клѣтка съ капитанскою канарейкой. Она чирикаетъ, заливается колокольчикомъ и соловьинымъ раскатомъ. И странно слышать пѣніе маленькой желтой птички среди синей пустыни...

На мостикѣ, въ фуфайкѣ - безрукавкѣ, въ бѣломъ кепи, прогуливается второй помощникъ

капитана. Онъ механически шагаетъ взадъ-впередъ, по временамъ беретъ секстанъ, прицѣливается въ солнце и снова продолжаетъ безконечную прогулку.

Кокъ Штуманнъ, въ бѣломъ колпакѣ, въ передникѣ и въ кожаныхъ туфляхъ на босу ногу, сидитъ на табуретѣ возлѣ кухни, съ трубкою въ зубахъ. Его лицо, съ сѣдой колючею щетиной на мясистыхъ щекахъ, напоминаетъ помидоръ. Отъ него разитъ спиртомъ за нѣсколько шаговъ. Но видъ вполнѣ невозмутимый и въ рукахъ газета „Политикенъ“.

Кокъ заинтересованъ лотерейною таблицей, давно собирается пріобрѣсти билетъ и твердо убѣжденъ, что главный выигрышъ, въ сто тысячъ кронъ, рано или поздно, достанется ему. Тогда онъ броситъ службу, женится на хозяйкѣ „Зеленаго Якоря“, будетъ пить голландскій эль и цѣлый день швыряться въ кости съ моряками.

На носу, на лютомъ солнцепекѣ, сидитъ на корточкахъ матросъ Христіансенъ и краситъ охрой бортъ.

Христіансены — половина всей команды. Другая половина — Андерсены, Педерсены, Гансены. Все это дюжій, мускулистый, на диво крѣпко сшитый и слаженый народъ, съ мохнатой грудью, съ разукрашенными грубою татуировкою руками, съ воловьей шеей римскихъ гладіаторовъ. Свою тяжелую работу исполняютъ молча, добросовѣстно, безъ понуканій и контроля...

Сегодня, послѣ завтрака, внезапно раздалась тревога.

Всѣ тридцать человѣкъ, согласно росписанія, немедленно распредѣлились по мѣстамъ, и черезъ пять минутъ оба спасательныхъ бота, съ провизіей, водой и сухарями, были готовы къ спуску.

Это была учебная тревога.

Храни насъ Богъ отъ настоящей!..

Хотя, въ сущности говоря, какая опасность можетъ намъ угрожать?

Океанъ, въ зимнее время, спокоенъ, какъ лужа. Если налетѣвшій случайно вѣтеръ разведетъ зыбь, это вызываетъ только несносную качку. Но даже самая ужасная буря не страшна нашему пароходу, съ его мощными машинами, съ его крѣпкимъ кузовомъ и опытною командой.

Столкновеніе съ встрѣчнымъ судомъ, при достаточной ширинѣ морской дороги, почти невѣроятно.

Остается — пожаръ. Это дѣйствительно представляетъ опасность, особенно, если принять во вниманіе, что все междудонное пространство „Азіи" занято нефтью, а трюмы — кокосовымъ орѣхомъ и хлопкомъ. Мы сидимъ, въ полномъ смыслѣ слова, на пороховой бочкѣ, и неосторожность можетъ привести къ катастрофѣ. Едва-ли, при этомъ печальномъ случаѣ, можно разсчитывать на спасательные боты и даже на „S. O. S.", подаваемое радіо-телеграфомъ.

Но это исключительный случай.

А вообще, путешествіе на современныхъ морскихъ гигантахъ несравненно болѣе безопасно, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ, на автомобиляхъ и аэропланахъ...

Южный Крестъ.

Подъ вечеръ набѣгаютъ облака.

Полъ неба кроется лиловою завѣсой, а западъ весь въ огнѣ, въ изумительныхъ краскахъ заката. Въ пурпурныхъ, въ оранжевыхъ, въ золотыхъ. Въ голубыхъ, въ палевыхъ, въ ярко-розовыхъ и въ фіолетовыхъ. Всѣ оттѣнки радужныхъ брызгъ раскинуты на гигантской палитрѣ. Горячій дискъ льетъ пламенные лучи, быстро садится на воду и тонетъ.

И сразу начинается ночь.

Лунный челнъ, круторогій и безвесельный, плыветъ по черному океану. Небосклонъ усѣи-

вается мигающими очами. Сверкаетъ трехглазый Оріонъ, Плеяды, Южный Крестъ...

Послѣднiй далеко не такъ великолѣпенъ, какъ принято его описывать. Онъ безмѣрно уступаетъ Большой Медвѣдицѣ. Созвѣздiе состоитъ изъ пятидесяти четырехъ звѣздъ, изъ которыхъ четыре наиболѣе крупныя образуютъ квадратъ, видимый невооруженнымъ глазомъ. И квадратъ этотъ неправильной формы.

И все же прекрасны южныя звѣзды, горящiя въ черномъ бархатномъ небѣ брильянтовыми огнями!

По черному океану разсыпались во всѣ стороны зоркiе маяки. Въ одномъ углу они образуютъ очертанiя фантастическихъ замковъ. Въ другомъ — напоминаютъ тысячи всадниковъ въ золоченыхъ кирасахъ, колесницы съ мчащимися конями или боевыя триремы, скользящiя по лону темной воды.

То словно поясъ волшебной принцессы... То блуждающiе огоньки въ заповѣдномъ лѣсу... То стаи сказочныхъ алконостовъ, въ феерическомъ опереніи...

Во всякомъ случаѣ, эти мильоны золотыхъ и брильянтовыхъ фонарей, сплетающiеся въ тысячеглазое кружево самаго невиданнаго узора, заключающiе каждый таинственный мiръ, тихо мерцающiй въ куполѣ чернаго неба надъ такой же черной водой, представляютъ зрѣлище глубокое и величественное.

Еще Кантъ когда-то сказалъ, что ничто не возвышаетъ такъ душу, какъ видъ звѣзднаго неба. Оно дѣйствуетъ на меня особеннымъ образомъ и предрасполагаетъ къ поэзiи:

„День погасъ, день печальный погасъ,
Льется ночи дыханье тревожное..."

Однако, когда я спускаюсь внизъ, мои мысли принимаютъ земное, грѣшное направленiе. Мой спутникъ по каютѣ, рыжеволосый ботаникъ,

лежитъ на верхней полкѣ и аттестуетъ мѣстныхъ женщинъ:

— Тамиленъ — гудъ!

— Инду — гудъ!

— Чайна — но гудъ!

— Сіаменъ — вери гудъ!

По его словамъ, индуски и тамилки недурны, но быстро увядаютъ. Китаянки недостаточно опрятны. Сіамскія дѣвушки наиболѣе красивы, ласковы, нѣжны.

Пріобрѣсти цвѣтную жену и даже нѣсколькихъ не представляется обременительнымъ для скромнаго бюджета молодого колониста. Товаръ самой высокой марки, „экстра", котируется отъ пятидесяти до ста долларовъ, единовременно уплачиваемыхъ родителямъ.

По словамъ ботаника, жизнь на плантаціи невѣроятно скучна. И маленькіе любовные романы являются единственнымъ развлеченіемъ...

Ботаникъ далъ мнѣ кое-какія историческія справки.

Пенангъ, расположенный на западномъ берегу Малаккскаго полуострова, у выхода въ Индійскій океанъ, считается однимъ изъ самыхъ древнихъ въ мірѣ городовъ. Китайская торговля процвѣтала въ немъ задолго до Рождества Христова. Имѣются развалины священныхъ храмомъ и жилищъ. Раскопки археологовъ обогащаютъ лондонскій музей древними монетами, сосудами и утварью глубокихъ неисчислимыхъ тысячелѣтій.

Теперь это англійская колонія, а резиденція малайскаго султана, поддерживающаго свой престижъ и удивительный гаремъ, изъ шестисотъ женъ и наложницъ, при помощи англійскихъ фунтовъ, перенесена вглубь страны, въ Квала-Лумпуръ.

Ботаникъ прочелъ мнѣ также маленькую лекцію по спеціальности.

Въ его плантаціи, принадлежащей „Остъ-Азіатской Компаніи", имѣется двѣсти тысячъ

каучуковыхъ деревьевъ. Деревья эксплоатируются съ пятилѣтняго возраста. Каждое приноситъ, въ среднемъ, до двадцати фунтовъ молока въ годъ. Минувшая война и развитіе автомобильной промышленности необычайно взвинтили цѣну на добываемый продуктъ, и одно время барыши Компаніи были огромны.

Жизнь на плантаціи крайне тяжела.

Малярія, москиты, влажный зной. Изъ джунгли на плантацію заходятъ тигры, носороги, орангъ-утанги, буйволы, дикіе слоны. Особенно опасны змѣи — очковыя и кобры. Поэтому, плантаторы обыкновенно разъѣзжаютъ по плантаціямъ на мулахъ и надѣваютъ высокіе сапоги.

Впрочемъ, все дѣло исключительно въ привычкѣ. Необходимо лишь точно разсчитать моментъ, когда, поднявшись изъ куста, змѣя готова отдѣлиться для смертоноснаго прыжка. Короткій и сухой ударъ бамбуковою тростью по затылку ломаетъ ей спинной хребетъ.

Ботаникъ бросилъ службу на плантаціи:

— Годдэмъ!.. Хорошенькаго по немножку!..

Сейчасъ, онъ возвращается въ Антверпенъ, къ брату, торговать канатами, пенькой и корабельными припасами.

Одновременно съ нимъ уѣзжаетъ на родину и лейтенантъ резерва Нильсенъ, веселый, шустрый малый, спеціалистъ по инженерному искусству и приготовленію изъ смѣси коньяка, сахара и пива какого-то особаго охлаждающаго напитка, послѣ котораго ботаникъ икалъ всю ночь и не позволилъ мнѣ уснуть...

Пенангъ.

Въ Пенангъ мы прибываемъ на слѣдующій день.

Тамилъ съ повязкой на курчавой головѣ и въ длинной женской юбкѣ, выносится изъ стаи размалеванныхъ сампановъ и подлетаетъ къ

трапу. Его сампанъ напоминаетъ щуку — острый носъ съ огромнымъ синимъ глазомъ, посрединѣ намѣчены плавники, корма раздѣлана подъ хвостъ. Гребетъ онъ стоя, тонкими, длинными, сгибающимися отъ усилій веслами, и черезъ нѣсколько минутъ выбрасываетъ меня на пристань.

На лавкѣ дремлетъ малаецъ-полицейскій, въ защитной фескѣ, въ англійскомъ хаки, босикомъ. Казенной обуви, повидимому, здѣсь не полагается. Климатическія условія и состояніе дорогъ настолько хороши, что даже собственныя пятки не требуютъ ремонта...

Что такое Пенангъ?

Представьте, сонный рейдъ, на которомъ восемь лѣтъ тому назадъ, 15 октября 1914 года, погибъ русскій крейсеръ „Жемчугъ". Какъ извѣстно, приставивъ четвертую, искусственную трубу и обманувъ этимъ бдительность сторожевого французскаго миноносца „Мушкета", отважный „Эмденъ" проникъ на самый рейдъ и двумя, выпущенными въ упоръ, минами пустилъ ко дну и миноносецъ, и русское судно.

Рядъ чистенькихъ опрятныхъ улицъ и лабиринтъ туземныхъ переулковъ, съ утра до вечера наполненныхъ движеніемъ, какими-то процессіями и звуками цымбалъ, свистулекъ, мѣдныхъ погремушекъ, барабановъ, банджо.

Рядъ европейскихъ магазиновъ и галлерея незатѣйливыхъ лавчонокъ, цыруленъ, рыбныхъ, овощныхъ и складовъ всевозможнаго экваторіальнаго товара.

Величественный индусскій храмъ, мечети, минареты, сады и школы, вокзалъ съ высокой башней и четырьмя циферблатами на ней. Когда часы показываютъ безъ четверти три, остроконечная верхушка башни, обращенная ребромъ, имѣетъ удивительное сходство съ спящей физіономіей Бисмарка, въ нѣмецкой каскѣ.

Пенангъ — небольшой городъ, сплошное царство каучука и копры. Послѣ Сингапура онъ

кажется провинціей. Это почти то же, что послѣ Варшавы попасть въ Пултускъ или изъ Кіева въ Ахтырку.

Тѣмъ не менѣе, Пенангъ вполнѣ благоустроенный, нарядный городокъ, въ которомъ можно жить съ полнымъ удобствомъ, среди великолѣпной природы, подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ, подъ рокотъ вѣчно синяго океана.

Объ этомъ, впрочемъ, хорошо лишь мечтать.

На самомъ дѣлѣ, я бы предпочелъ все же Ахтырку...

Мой рикша оказался мудрымъ малымъ.

Онъ не томилъ меня однообразнымъ созерцаніемъ столь хорошо уже знакомыхъ и изученныхъ картинъ — калейдоскопомъ свѣтотѣней, игрой сверкающихъ одеждъ, плакатовъ, обнаженныхъ тѣлъ, мишурной позолотой, убожествомъ и роскошью витринъ, гдѣ листья бетеля перемежаются съ чеканнымъ кружевомъ затѣйливыхъ издѣлій изъ слоновой кости, а драгоцѣнные каменья—голубые перакскіе сапфиры, топазы, аметисты, лунный камень, покоятся въ таинственномъ сосѣдствѣ съ изсохшей шкурой боа-констриктора и чернымъ мѣхомъ салангорской пантеры.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько замысловатыхъ пируэтовъ, промчался мимо грязнаго базара, мимо высокой кирки и вынесся на Нордгамъ-Родъ.

Я отмѣчаю эту улицу, вѣрнѣе, широкую тѣнистую аллею, ласкающую глазъ роскошными особняками въ индійскомъ и китайскомъ стилѣ, утопающую въ чащѣ банановыхъ и пальмовыхъ садовъ. Аллея окаймляетъ городокъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ проходитъ настоящей джунглей, сырой и влажной, съ малайскими постройками на сваяхъ.

Колясочка скользитъ по ровному, тѣнистому шоссе.

— Пликъ-плякъ, пликъ-плякъ! выстукиваютъ пятки моего двуногаго коня, мелкой лѣнивой

рысцой, покачиваясь изъ стороны въ сторону, потрухивающему по отшлифованной дорогѣ. Я считаю этотъ способъ передвиженія очень удобнымъ и не принадлежу къ тѣмъ, кто находитъ его униженіемъ человѣческаго достоинства.

Того же мнѣнія держится и мой рикша.

Въ особенности, если въ дополненіе къ серебрянымъ центамъ, поить его на остановкахъ лимонадомъ и кормить бананами.

Нерѣдко, впрочемъ, приходилось наблюдать другое.

Приходилось видѣть, какъ не только англійскіе джентльмены, но даже строгія, подтянутыя лэди и прелестныя синеокія миссъ кормили рикшъ пинками ножекъ и ударами бамбуковой трости по лоснящейся отъ пота спинѣ.

Но, какъ извѣстно, англичане не признаютъ цвѣтныхъ людей за человѣка...

На слѣдующій день, пройдя широкія ворота между Суматрой и островами Никобарскаго архипелага, выходимъ въ Индійскій океанъ.

Желтый малайскій міръ остался позади.

Впереди — мистическая Индія...

Ти-Ба и Лаи.

„У озера Водяныхъ Лилій летали птицы съ голубыми и красными перьями и, прежде чѣмъ добраться до своихъ гнѣздъ, въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, въ послѣдній разъ бороздили крыльями неподвижныя воды, на которыхъ оставляли слѣдъ убѣгавшія рыбки.

Среди глубокаго молчанія послышались вдругъ медленные, меланхолическіе, дрожавшіе въ воздухѣ, удары гонга:

— Бамммъ... Бамммъ... Бамммъ...

И въ тихихъ надвинувшихся сумеркахъ все погрузилось въ сонъ...

Ти-Ба и Лаи сидятъ въ травѣ.

Ти-Ба — дочь старой торговки Сао. Ти-Ба — прекрасная дѣвушка. Она стройна и крѣпка, какъ пальма. У нея длинныя тонкія ножки, словно изъ точенаго мрамора. Ея кожа болѣе нѣжна, чѣмъ бархатные лепестки китайской розы. Ни у одной дѣвушки изъ всего округа нѣтъ такихъ красивыхъ, блестящихъ глазъ.

При взглядѣ на Лаи — Охотника-на-Павлиновъ, чувствуется ловкость и сила. И женщины невольно посылаютъ ему улыбки, къ которымъ примѣшиваются выраженія страсти, желанія и благоговѣйной тревоги.

Сидя на корточкахъ, Лаи смотритъ на Ти-Ба, лежащую въ травѣ. Надъ ними тихо покачиваются пальмы и стрѣльчатыя листья шелестятъ въ тѣни. Ти-Ба смотритъ на уголокъ звѣзднаго неба, которое напоминаетъ ей хвостъ золотого павлина.

— Лаи! — спросила дѣвушка, закрывая глаза, — о чемъ это шепчутъ между собою пальмы?

— Кто можетъ знать, моя дѣвочка — отвѣтилъ охотникъ. — Возможно, что онѣ шепчутъ о любви, такъ же, какъ люди. А можетъ быть, бесѣдуютъ о насъ?

Онъ произнесъ это тихо, задумчиво и замолчалъ.

Ти-Ба открыла глаза и пристально вглядѣлась въ ночь. Нѣжной рукой она оперлась о чешуйчатый стволъ высокой пальмы. Ей вспомнился почему-то Бао, ухаживанія котораго она отвергла, Бао-Черепаха — маленькій, широкоплечій и мускулистый, съ короткой шеей и волосатыми кривыми ногами:

— Бао не другъ тебѣ!.. Онъ злопамятенъ и лукавъ!.. Берегись его, Лаи!

Лаи продолжалъ смотрѣть на дѣвушку.

Поглаживая по рукѣ Ти-Ба, которая ему ласково улыбалась, черезъ минуту онъ произнесъ:

— Буйволъ на привязи всегда завидуетъ

другому буйволу, который щиплетъ травку!.. Не такъ-ли?

Дѣвушка засмѣялась.

— Мы будемъ счастливы съ тобой, Лаи!

Охотникъ склонился надъ ней и почувствовалъ легкое прикосновенiе волосъ и стеблей душистой травы. Приблизивъ губы къ самому уху, онъ съ нѣжностью прошепталъ:

— Счастье будетъ всегда съ нами, мой цвѣточекъ!

Подъ его еще болѣе нѣжною лаской, Ти-Ба задрожала. Ея глаза наполнились восхищенiемъ, зрачки засверкали и вдругъ измѣнившимъ ей голосомъ она залепетала:

— Вѣдь любить—это счастье, Лаи!

Тихо качались высокiя пальмы и листья продолжали шептаться между собой въ темнотѣ. Быть можетъ, онѣ вели разговоръ о давно минувшихъ дняхъ? А можетъ быть, какъ и люди, лежавшiе подъ ихъ тѣнью, объяснялись другъ передъ другомъ въ любви?

Все можетъ быть. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ знать, о чемъ шепчутся пальмы въ теплую малайскую ночь?..

Въ оцѣпенѣнiи жаркаго лѣта медленно текли недѣли.

Однажды Ти-Ба проснулась отъ страшнаго шума. На улицѣ она увидѣла необычайное оживленiе. Изъ всѣхъ хижинъ выбѣгали люди и мчались на край деревни. По пути, Ти-Ба наткнулась на маленькаго Танха, бѣжавшаго въ обратномъ направленiи. Ти-Ба загородила ему дорогу:

— Въ чемъ дѣло, Танхъ?.. Что случилось?

— Тигръ! — отвѣтилъ маленькiй Танхъ запыхавшимся голосомъ. — Тигръ забрался ночью къ старухѣ Ма и загрызъ буйвола!

И онъ побѣжалъ дальше, крича изо всѣхъ силъ:

— Тигръ!.. Тигръ!..

Въ густой толпѣ, передъ трупомъ буйвола, стояла на колѣнахъ старуха Ма. Животное лежало на боку. Его полосатое, точно у зебры, тѣло было забрызгано кровью, а на шеѣ, передъ горбомъ, зіяла страшная рана. Ломая руки, старуха выла на всѣ голоса и призывала всѣхъ духовъ, земныхъ и небесныхъ, въ свидѣтели своего несчастья. Вокругъ нея толпились другія женщины и тоже плакали. Мужчины яростно ругались. Охотники, собравшись въ кучку, вслухъ обсуждали дѣло.

Съ этого дня, миръ въ деревнѣ былъ нарушенъ.

Едва только опускался вечеръ, всѣ двери уже запирались. Собаки, поджавъ хвосты и дрожа, убѣгали по ночамъ въ конуры и жалобно выли. Каждое утро стали недосчитываться то свиньи, то другого животнаго. Въ каждой хижинѣ стали слышаться вопли отчаянія.

Однажды вечеромъ, маленькая Кимъ, дочь старосты Тсю, задержавшись въ арроурутныхъ поляхъ, уже больше не возвратилась въ деревню. Буйволы, которыхъ она водила на водопой, пришли одни. Волоча головы чуть не по землѣ, опустивъ рога, они пробѣжали тяжелой поступью по деревнѣ и, ворвавшись въ стойла, остановились, дрожа всѣмъ тѣломъ. На берегу рѣчки, среди изломанныхъ камышей и скользкой тины, нашли только лоскутъ окровавленной одежды, а подъ плакучей ивой оказалась лужа запекшейся крови...

На другой день, старики собрались на совѣтъ и дѣдушка Нгуенъ обратился съ рѣчью:

— Братья! Всѣмъ извѣстенъ законъ нашихъ лѣсовъ, который гласитъ: „Никто не смѣетъ касаться Владыки Горъ до тѣхъ поръ, пока онъ не загрызетъ человѣка“. Но если онъ причинитъ смерть хотя бы одному человѣческому существу, то въ свою очередь долженъ погибнуть. Правильно-ли я сказалъ?

Старики, стоявшіе кольцомъ вокругъ него, поклонились и отвѣтили:

— Таковъ законъ!

— Если бы онъ уничтожилъ у насъ послѣдняго кабана, — продолжалъ Нгуенъ, — загрызъ послѣдняго буйвола, то и тогда бы мы молчали, ибо мы подвластны ему и законъ есть законъ. Но со вчерашняго вечера, когда онъ загрызъ маленькую Кимъ, дитя нашей расы, миръ съ нимъ нарушенъ. Такъ-ли я говорю?

— Такъ, такъ! — закричали всѣ. — Миръ нарушенъ!

— Тогда, братья, пусть наши охотники залягутъ по засадамъ. Мы предпишемъ новый миръ и издадимъ новый законъ!

Онъ замолчалъ и обвелъ взглядомъ собраніе. Старики, тѣмъ же медленнымъ наклономъ головы, подтвердили свой приговоръ надъ Владыкою Горъ...

Въ тотъ же день, охотники разсыпались по лѣсу.

Цѣлую недѣлю они обшаривали гору, выслѣживая дикаго звѣря. Переходили отъ заросли къ заросли, устраивая засады, прислушиваясь къ каждому звуку. Тигръ продолжалъ бродить по окрестностямъ, занимаясь убійствами и грабежами.

Наконецъ, черезъ недѣлю, Лаи — Охотникъ-на-Павлиновъ, объявилъ, что набрелъ на логовище и на тропу. Весь слѣдующій день пошелъ на устройство западни. Вырыли глубокую яму. Яму перекрыли вѣтвями, листьями и травой. Сверху привязяли, для приманки, козленка.

Двое сутокъ спустя, въ глухую полночь, прибѣжалъ съ вѣстью Бао-Черепаха. Не смотря на поздній часъ, старый Нгуенъ еще не спалъ и сидѣлъ въ уголку у огня.

Бао, тяжело дыша отъ усталости, закричалъ во все горло:

— Тигръ попался!

И выбѣжалъ тотчасъ изъ хижины, чтобы обойти всю деревню.

Спустя нѣсколько минутъ, селеніе было уже на ногахъ. Звуки тамъ-тама и гонга подымали настроеніе. Вся деревня, съ факелами, выступила въ походъ. Ночь была ясная и на фонѣ синяго неба была видна тяжелая масса горы.

Когда толпа дошла до того мѣста, гдѣ росли священные бананы, уже занималась заря. Въ лѣсу сталъ брезжить голубоватый разсвѣтъ. Затѣмъ, громадная волна прыснула на самую середину неба, разлилась по горѣ и затопила лѣсъ расплавленнымъ золотомъ. Послышались пѣсни птицъ. Испуганные звѣрьки быстро побѣжали во всѣ стороны, спасаясь въ норки. Подъ лучами солнца, лѣсъ началъ издавать ароматъ — густой ароматъ, состоявшій изъ тысячи запаховъ. Толпа продолжала продвигаться впередъ.

— Гдѣ Лаи?.. Почему онъ не выходитъ навстрѣчу? — говорили охотники.

— Вѣроятно, онъ не хочетъ оставить свой постъ!

Ти-Ба напрягла слухъ. Эта фраза, отвѣчавшая ея тайнымъ мыслямъ, смутила ее.

Но въ эту минуту прозвучалъ рожокъ и раздался голосъ:

— Здѣсь!

Въ центрѣ лужайки зіяла большая черная дыра. Это было отверстіе въ западню. Среди внезапно наступившаго молчанія ясно слышалось рычанье тигра. Было слышно, какъ онъ царапалъ когтями стѣны и какъ, при каждомъ неудачномъ прыжкѣ, срываясь, ударялся тѣломъ о землю.

— Лаи!.. Лаи!.. Лаи!.. — кричали охотники, приложивъ ладони къ губамъ.

Отвѣта не было. Но зато тигръ рычалъ и бѣсновался въ своей ямѣ, и его хриплый ревъ далеко разносился по лѣсу.

Дно ямы, утопавшее въ косой тѣни, было завалено вѣтками, листвой и землей, между кото-

рыми едва можно было различить огромное тѣло звѣря, собиравшагося съ силами, чтобы выскочить изъ западни. Тигръ сдѣлалъ прыжокъ, его когти вонзились въ глинистую стѣну, и онъ снова тяжело повалился въ яму. Съ громкими криками женщины шарахнулись въ сторону и не рѣшались больше подходить.

Лучъ свѣта медленно передвинулся, упалъ въ яму и освѣтилъ ее. И тогда, во весь голосъ, точно ударивъ по затылку топоромъ или дубиной, одинъ изъ охотниковъ закричалъ:

— Тамъ!.. Тамъ!..

На днѣ ямы лежалъ трупъ Лаи...

Тихо катились дни одинъ за другимъ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ.

Ти-Ба вышла изъ хижины и направилась къ озеру Водяныхъ Лилій. Неподвижное ясное небо уже предвѣщало восходъ. Вдалекѣ тянулись легкія, прозрачныя рисовыя поля. Къ нимъ шли поселяне. Они быстро шагали, чтобы не упустить утра, и при встрѣчѣ съ Ти-Ба кланялись ей и посылали привѣтствія:

— Здравствуй, сестра!

— Здравствуй, братъ!

— Пусть на твоемъ полѣ будетъ счастливый день!

— Онъ будетъ счастливымъ, какъ никакой другой день въ моей жизни!

Она бросила эту фразу съ загадочной, счастливой улыбкой, которую кинула и на всходившее солнце, и на гору, и на долину, съ плававшимъ бѣлокурымъ туманомъ.

Ти-Ба подошла къ озеру и разыскала въ заросляхъ арума старый, сплетенный изъ бамбуковыхъ волоконъ, челнокъ. Ти-Ба старательно выплескала изъ него воду, оттолкнула отъ берега и поплыла на глубину.

Дремавшая поверхность воды отражала небо,

бѣлыя облака, перевернутыя верхушками внизъ деревья. Изъ тростника вылетѣли три фламинго, бѣлые съ розовымъ оттѣнкомъ...

Надъ озеромъ клубился прозрачный туманъ. Клочья тѣни ползали вокругъ прибрежныхъ деревьевъ, поднялись и скрылись. Брызнулъ солнечный лучъ и отразился на водѣ. Ти-Ба встрѣтила его задумчивымъ, серьознымъ взглядомъ.

Она не сомнѣвалась теперь, что Бао виновникъ гибели ея жениха. Это онъ столкнулъ его предательскимъ образомъ въ яму съ пойманнымъ тигромъ. Изъ намековъ, изъ жадныхъ, пламенныхъ взоровъ, которые онъ снова начинаетъ на нее бросать, ей все становится яснымъ. Но Ти-Ба ему не достанется. Она вернется къ своему Лаи.

Ти-Ба не чувствовала теперь прежней щемящей тоски. Она совершенно освоилась съ своимъ молчаливымъ отчаяніемъ. Какое-то странное чувство успокоенія нашло на нее. Великое, тихое умиротвореніе, похожее на сладость, наполнило ея душу.

Ти-Ба въ послѣдній разъ оглянулась по сторонамъ. Затѣмъ—легкій толчокъ и челнокъ опрокинулся.

Запутавшись въ водоросляхъ, Ти-Ба пыталась выплыть на поверхность и стала выбиваться изъ силъ. Руки ея ослабѣвали. Вскорѣ скрылась подъ водой голова и только виднѣлись однѣ кисти, цѣплявшіяся за воздухъ своими слабыми розовыми пальчиками.

А надъ озеромъ неудержимо всходило солнце.

Вѣтерокъ доносилъ сладкій запахъ жасминовъ и колебалъ листья отцвѣтающихъ лилій...“

КЭНДИ.

Глава девятая, переносящая автора, вполнѣ реальнымъ и комфортабельнымъ способомъ, въ „Потерянный Рай“.

Коломбо.

Горячій лучъ, пронизавъ паутину кисейной занавѣски, натянутой на раму, заливаетъ комнату веселымъ, буйнымъ свѣтомъ.

Въ открытое окно доносится гортанный крикъ и деревянный звукъ сандалій, раскатъ и переливы смѣха, звонки трамвая и радостный, трепещущій, неуловимый гомонъ.

Стукъ въ дверь выводитъ меня окончательно изъ состоянія дремоты. Я быстро вскакиваю, одѣваюсь и вижу передъ собою—Антоніо.

Антоніо—отельный гидъ, лукавый португалецъ, съ чудесной шапкою волосъ и ослѣпительно сверкающими, какъ слоновая кость, зубами. А десять лѣтъ, проведенныхъ на Цейлонѣ, покрыли его кожу неизгладимымъ темнымъ матомъ.

— Бонъ Діа!.. Гудъ морнингъ, сэръ!.. Кароши день, да будетъ благословенна Дѣва Марія!..

На ломаномъ русскомъ языкѣ, жестикулируя и бѣгая зрачками, онъ привѣтствуетъ меня съ добрымъ утромъ, хлопочетъ, суетится.

Чашка кофе и нѣсколько англійскихъ бисквитовъ составляютъ утренній завтракъ.

Спускаюсь внизъ.

У подъѣзда стоитъ чистенькій „Поккардъ“, а

въ немъ мои друзья—веселый лейтенантъ и молодой ботаникъ. Девятый часъ, еще не жарко и, освѣженный за ночь, воздухъ наполненъ бодрыми, живительными соками.

Дорога, какъ стекло.

Мы мчимся по широкому тѣнистому проспекту. По сторонамъ мелькаетъ рядъ изящныхъ легкихъ зданій. Отели, виллы, магазины, рѣшотки и газоны, какія-то деревья и цвѣты, мостки, кіоски, тенты, купы стройныхъ пальмъ, спокойный и задумчивый заливъ, съ ныряющими утками и лѣсомъ мачтъ и парусовъ на дальнемъ фонѣ.

А слѣва виденъ океанъ и снѣжный комъ прибоя.

Мелькаютъ рикши, трамы. Летятъ авто, плетутся двухколесныя корзинки, запряженныя горбатыми цейлонскими бычками — „зебу". Мелькаютъ горы фруктовъ, чалмы, тюрбаны, бѣлыя повязки. Афиши и плакаты, соломенныя шляпы, шлемы, зонты. Трамвайные столбы и черепица крышъ. Буддійскій храмъ, цыновки, голуби, сады и вереница кокетливыхъ зовущихъ бунгало.

И всюду — человѣческій потокъ, бурлящій, пестрый, суетливый, сверкающій движеньемъ черныхъ полуобнаженныхъ тѣлъ и ослѣпительными пятнами одеждъ.

Толпа дѣтей, не отставая, бѣжитъ, въ припрыжку, за автомобилемъ. Они будутъ бѣжать такъ полъ версты, пока не выклянчатъ нѣсколько мѣдныхъ монетокъ или маленькихъ серебряныхъ пенсовъ, съ изображеніемъ лотоса:

— Ля-ля-ля-ля!...

Имъ трудно отказать. Въ большихъ черныхъ блестящихъ глазахъ свѣтится восхищеніе и дѣтское лукавство. Ихъ темныя худенькія фигурки невольно вызываютъ состраданіе...

Коломбо основанъ португальцами въ 1505 г.

Потомъ имъ владѣли голландцы. Съ 1795 года, весь Цейлонъ является англійскою колоніей.

Это міровой перекрестокъ, на которомъ сходятся всѣ пути изъ Дальняго Востока въ Европу. Ни одинъ пароходъ не минуетъ эту океаническую станцію, снабжающую его водой, углемъ, съѣстными припасами...

Какъ ни тихъ океанъ, но волны прибоя образуютъ снѣжный комъ пѣны. Кокосовыя пальмы склонились на пляжѣ и будто высматриваютъ что-то въ водѣ. Можетъ быть, жемчугъ, знаменитый цейлонскій жемчугъ, который является теперь рѣдкостью? Въ угоду женщинамъ, почти всѣ жемчужныя устрицы истреблены.

Коломбо—культурный благоустроенный городокъ.

Но стоитъ лишь выѣхать за его предѣлы, дорога сразу приводитъ въ тропическій лѣсъ. Въ ста двадцати километрахъ, въ центрѣ острова, въ роскошной горной долинѣ, высоко надъ уровнемъ моря, лежитъ—Кэнди, столица бывшихъ цейлонскихъ царей. Съ ботаническимъ садомъ, съ идиллическимъ озеромъ, съ буйной растительностью, окаймляющей его берега. Съ знаменитымъ храмомъ „Зуба Будды", и съ еще болѣе знаменитымъ, синѣющимъ вдали, Пикомъ Адама, на который, по древней легендѣ, нашъ прародитель сошелъ изъ рая.

Слѣды его ногъ, какъ утверждаютъ, хранятся до сихъ поръ—два оттиска огромной человѣческой ступни на гранитѣ...

Коломбо—превосходный городокъ, въ волшебномъ сочетаніи съ тропической природой, соединившій изысканный комфортъ, уютъ и вкусъ солидной англійской культуры.

Онъ невеликъ, но въ немъ есть все, что создаетъ иллюзію веселой и нарядной станціи, въ которой можно отдохнуть послѣ десятидневной прогулки по водѣ. Здѣсь можно взять съ собою

на дорогу нѣсколько фунтовъ душистаго цейлонскаго чая. Любители драгоцѣнностей могутъ, за нѣсколько десятковъ рупій, пріобрѣсти на память оригинальный камень—цейлонскій голубой сапфиръ.

Но самое лучшее, что не только можетъ, но долженъ сдѣлать каждый путешественникъ—это полюбоваться цейлонскою природой и совершить поѣздку въ глубь страны...

Цейлонскій рай.

За рѣзкимъ поворотомъ, открывшимъ, на мгновенье и въ послѣдній разъ, прощальный видъ на синюю океаническую ширь, слегка склонившіяся пальмы и неизмѣнный комъ прибоя, дорога устремляется въ таинственную чащу бамбука и платановъ, въ сырой и дѣвственный дремучій южный лѣсъ, переплетенный паутиною ліанъ, ползучими цвѣтами и стеблями банановъ, ананасовъ и агавъ.

Дорога подымается наверхъ и мягкими причудливыми пируэтами, какъ исполинская змѣя, скользитъ и вьется въ морѣ буйныхъ красокъ.

Мы мчимся, окруженные загадочною джунглей, среди болотистыхъ полей и яркихъ сочныхъ нивъ, среди утесовъ и скалистыхъ кручъ, сверкающихъ озеръ, ручьевъ, каскадовъ, водопадовъ, среди невиданнаго райскаго ландшафта, проникнутаго свѣтомъ, огнями, искрами и пышнымъ величавымъ настроеніемъ.

Дорога вьется вверхъ.

Налѣво — отвѣсныя базальтовыя стѣны. Направо — бурнопламенная бездна, роскошная долина, пронизанная золотомъ, алмазами, сапфиромъ, изумрудомъ, залитая волшебною игрою солнечныхъ лучей, сверкающая упоительными пятнами божественныхъ симфоній.

Синѣетъ цѣпь опаловыхъ вершинъ, задумчивыхъ, недвижныхъ, молчаливыхъ. Воздушный очеркъ ихъ сливается съ грядою облаковъ. И наконецъ, вдали, на самомъ краю неба, повитый дымкою клубистаго тумана, виднѣется Адамовъ Пикъ.

Сознаніе несется вглубь вѣковъ, въ сѣдую завороженную древность, въ далекій міръ преданій и легендъ.

Не здѣсь-ли, въ самомъ дѣлѣ, былъ Эдемъ?.. Не здѣсь-ли, въ этой сказочной и дивной обстановкѣ, среди ликующей природы, на фонѣ несказанныхъ декорацій, баюкалась впервые людская колыбель?

Охваченный неизъяснимымъ ощущеніемъ, я грежу и молчу. Студентъ настроенъ умозрительно и погруженъ въ философическія думы. А лейтенантъ скользитъ по сторонамъ внимательнымъ и острымъ взглядомъ, отыскивая, безъ сомнѣнья, Еву.

Но изъ живыхъ существъ пока мы наблюдаемъ только обезьянъ, забавно кувыркающихся на вѣтвяхъ. Летаютъ фіолетовыя птицы да на краю шоссе шарахнется порой гигантскій ящеръ...

Сингалезы.

Но вотъ и сингалезское селеніе.

По лѣвой сторонѣ дороги, теряясь въ чащѣ пальмъ, кокосовыхъ и манговыхъ деревьевъ, ютится рядъ невзрачныхъ глинобитныхъ хижинъ, съ соломенною кровлей, сваями, столбами.

Все просто, дико, примитивно. Такъ жили люди каменнаго вѣка, однажды выползшіе изъ пещеръ.

И видъ играющихъ дѣтей, съ блестящими, кофейными тѣлами, сосредоточенныхъ мужчинъ и юныхъ дѣвушекъ, сухихъ и стройныхъ, какъ

бамбукъ, съ богатой черносинею прической и острыми упругими сосцами, невольно переноситъ мысль въ далекую первобытную эпоху, къ источнику земного бытія...

Мы дѣлаемъ привалъ.

Насъ тотчасъ окружаетъ толпа довѣрчивыхъ и ласковыхъ людей. Разносится тихій смѣхъ и шопотъ изумленныхъ восклицаній. Мы видимъ кроткія улыбки, исполненные трогательнаго восхищенія.

Высокій мускулистый сингалезъ, съ повязкою вкругъ бедеръ и ленточкой на лбу, и съ настоящей львиной гривой, выноситъ десятокъ крупныхъ ананасовъ, вооружается ножомъ и ловкими ударами снимаетъ кожу и разрѣзаетъ золотистые плоды.

Здѣсь люди доживаютъ до глубокой старости.

Въ глаза бросается бодрый видъ всѣхъ этихъ старухъ и стариковъ, повылѣзшихъ изъ хижинъ и окружившихъ нашъ автомобиль. Ихъ волосы уже не бѣлаго, а желтаго оттѣнка. Коричневыя лица въ сѣткѣ мелкихъ морщинокъ. Но, опираясь на костыль, они передвигаются безъ посторонней помощи и выражаютъ свое восхищеніе живыми, радостными жестами. Я полагаю, что каждому изъ нихъ уже давно перевалило за сто...

Эти люди приходятся намъ родственниками.

Ихъ религія немногимъ отличается отъ нашей. Когда-то, исповѣдники браманизма и его священной троицы — Тримурти (Брама — созидающій міръ, Вишну — сохраняющій міръ, Сива — разрушающій міръ), ученія изложеннаго въ книгахъ Веддъ, въ настоящее время, они исповѣдуютъ самый чистый, первичный буддизмъ, такъ называемый, буддизмъ „Великой Колесницы“, сохранившійся въ полной неприкосновенности только въ Тибетѣ и на Цейлонѣ.

Ихъ искусства находятся съ нашими въ тѣсной связи. Греческое античное искусство выросло изъ индусскаго. Нашъ языкъ того же самаго

санскритскаго корня, по богатству формъ, грамматическому строю и благозвучію, являющагося самымъ совершеннымъ языкомъ.

Цвѣтъ кожи, конечно, иной. Но строеніе тѣла и черты лица, въ особенности у женщинъ, чистыхъ и благородныхъ линій. Это не то, совершенно чуждое намъ, специфическое „желтое“, которое живетъ по другую сторону Великихъ Воротъ.

Эти люди — безспорно наши прародители.

Нѣкоторые ученые считаютъ, впрочемъ, Цейлонъ — колыбелью всего человѣчества.

Все подкупаетъ въ немъ, начиная съ райской природы, кончая темнокожими аборигенами, сохранившими до сихъ поръ, въ своей основной массѣ, простодушное, чистое, какое-то дѣтское міровоззрѣніе...

Шутъ Бирбалъ.

Однажды магараджа задумался надъ вопросомъ, почему у него на ладоняхъ не растутъ волосы. Не находя объясненія, онъ спросилъ придворнаго шута:

— Бирбалъ, почему мои ладони не покрыты волосами?

— Защитникъ подданныхъ! — отвѣтилъ Бирбалъ. — Какъ могутъ волосы расти на твоихъ ладоняхъ, если руки твои, не зная отдыха, раздаютъ золото!

— Быть можетъ и такъ! — задумчиво сказалъ магараджа. — Но почему волосы исчезли съ твоихъ ладоней?

— Великій господинъ! — отвѣчалъ шутъ. — Ты даешь, а рабы твои берутъ!.. Изъ твоихъ рукъ золото пересыпается въ наши руки, и волосы исчезаютъ отъ тренія!

Магараджа остался доволенъ остроумнымъ

отвѣтомъ. Но желая перехитрить шута, задалъ еще вопросъ:

— Хорошо!.. Но есть люди, которые не получаютъ золота?.. Что ты скажешь объ ихъ ладоняхъ?

Бирбалъ вскочилъ и воскликнулъ:

— Врядъ-ли найдется хоть одинъ человѣкъ, не осчастливленный твоими милостями!.. Но если и есть такой несчастный, то, конечно, онъ въ отчаяніи ломаетъ руки!

И золото изъ рукъ магараджи перешло въ руки Бирбала.

Лалъ Бходжаккаръ.

Въ одной цейлонской деревнѣ жилъ человѣкъ, по имени Лалъ Бходжаккаръ, котораго все населеніе считало мудрѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Со всѣми своими недоумѣніями жители обращались къ нему.

Какъ-то вечеромъ въ деревню забрела свинья и вызвала переполохъ. Всѣ сбѣжались поглазѣть на удивительное животное, которое видѣли первый разъ въ жизни. Одни говорили, что это кротъ гигантскихъ размѣровъ. Другіе утверждали, что это, наоборотъ, маленькій слонъ. Проблема была достойна вниманія Лалъ Бходжаккара и нѣсколько человѣкъ побѣжало за нимъ.

Свинья стояла и съ изумленіемъ разглядывала толпу.

— Лалъ Бходжаккаръ! — раздались крики. — Скажи намъ, что это за животное? Никто, кромѣ тебя, не сумѣетъ отвѣтить!

Лалъ Бходжаккаръ спокойно опустился на камень. Затѣмъ, лицо его омрачилось и онъ заплакалъ. Выплакавшись, онъ осушилъ слезы и захохоталъ.

Такое поведеніе Лалъ Бходжаккара изумило присутствующихъ еще больше, чѣмъ появленіе свиньи. Что случилось съ ихъ мудрецомъ?

Наконецъ, одинъ выступилъ изъ толпы и осмѣлился попросить объясненія:

— Прости меня, мудрый человѣкъ! — сказалъ онъ. — Но твой плачъ и твой смѣхъ преисполнили насъ изумленія... Что съ тобой?.. Быть можетъ на тебя снизошло вдохновеніе?

Лалъ Бходжаккаръ всталъ и торжественно, по своему обыкновенію, изрекъ:

— Слушайте, дѣти мои! Плакалъ я потому, что мнѣ стало васъ жалко... Что будетъ съ вами, когда меня не станетъ?.. Какъ велико ваше невѣдѣніе и какъ вы безпомощны, если не знаете даже, что это за животное...

Онъ пріостановился, а толпа закричала:

— Но почему ты смѣялся?... Должно быть, тебѣ пришла въ голову какая нибудь удивительная мысль?

— Нѣтъ! — спокойно отвѣтилъ Лалъ Бходжаккаръ. — Меня разсмѣшило то, что, сказать вамъ по правдѣ, я и самъ не знаю этой скотины!

Чуни Рамъ.

Габбу Чандъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, отправился къ Чуни Раму, и попросилъ его написать письмо помѣщику-земиндару, проживавшему въ сосѣднемъ городѣ.

— Я не могу написать это письмо! — заявилъ Чуни Рамъ, — потому что хромаю.

— Я парень несвѣдущій! — сказалъ Габбу Чандъ. — Но скажи мнѣ на милость, какое отношеніе имѣетъ больная нога къ писанію писемъ?

— Это очень важно! — отвѣчалъ Чуни Рамъ,

— я не могу пойти въ городъ и прочесть письмо твоему земиндару.

— Что ты хочешь этимъ сказать?.. Мой земиндаръ умѣетъ читать и его окружаютъ люди грамотные.

— Дуракъ! — сказалъ Чуни Рамъ. — Неужели ты не понимаешь, что написанное мною письмо никто, кромѣ меня, прочесть не сумѣетъ?

Анурадгапура.

Двадцатисильный „Поккардъ" незамѣтно скользитъ все выше и выше.

Со всѣхъ сторонъ все тотъ же красочный калейдоскопъ. То изумрудно-пурпурный, густой, сырой, непроходимый лѣсъ... То буйный лугъ, въ оправѣ изъ невѣдомыхъ деревьевъ и кустовъ... То неожиданно сверкающая бездна... То снова цѣпь далекихъ молчаливыхъ горъ...

Все дышетъ несказанной тишиной, покоемъ, счастьемъ, ласкою, очарованьемъ. Какой-то упоительной мечтой, рождающей восторженныя чувства и заглушающей мучительную боль былыхъ переживаній.

Чудесная, волшебная страна!..

„Тамъ карлики съ птицами спорятъ за гнѣзда,
Тамъ нѣженъ у дѣвушекъ профиль лица —
Какъ будто не всѣ пересчитаны звѣзды,
Какъ будто нашъ міръ не открытъ до конца!"

Это самый феерическій садъ изъ всѣхъ садовъ нашей планеты.

Сказочныя деревья, сказочная растительность, воздухъ, солнце, птицы и звѣри, и кроткое населеніе — все соединилось на этомъ островѣ, чтобы сдѣлать изъ него земной рай.

На островѣ существуетъ городъ, древній,

какъ міръ. Его развалины дожили до нашихъ дней. Сказочный городъ Анурадгапура воздвигнутъ за много вѣковъ до нашей эры.

Когда-то въ немъ возвышались дагобы — башни священныхъ храмовъ. Тысячи вѣрующихъ трудились надъ ихъ постройкой, во славу своего пророка — далекаго предтечи Іисуса Христа. Основанія ихъ украшались вереницей слоновъ, высѣченныхъ изъ цѣннаго камня. Когда-то каждый день звучала въ нихъ священная музыка и боги благосклонно принимали молитвы:

„Нѣтъ числа храмамъ и дворцамъ Анурадгапуры. Ихъ куполы и крыши сдѣланы изъ чистаго золота. Улицы полны воиновъ, вооруженныхъ лукомъ и стрѣлами. Сады полны дѣвушекъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ цвѣтками лотоса на головѣ. Слоны, лошади, колесницы двигаются непрерывнымъ потокомъ по улицамъ Анурадгапуры!“

Гдѣ же теперь этотъ городъ?

Взоры тщетно блуждаютъ вокругъ, подобно тому, какъ блуждаютъ съ корабельнаго марса по однообразной пустынѣ океана, въ поискахъ паруса или дыма. Только одни лишь стволы огромныхъ деревьевъ, непроходимая зеленая чаща, наполняетъ безграничный просторъ...

Это — цейлонская джунгля, съ таинственными озерами, куда приходятъ на водопой стада дикихъ слоновъ, гдѣ въ тѣнистыхъ берегахъ, неподвижно, отъ зари до зари, лежатъ крокодилы, и цѣлый день неумолчно звучитъ птичій призывъ.

Отъ волшебнаго города не осталось слѣда.

Великое вторженіе малабарцевъ повергло въ прахъ эту столицу.

Теперь здѣсь тишина, мракъ, зеленая ночь... Сотнями тысячъ покоятся разбитыя божества — алтари, чудовища и слоны изъ гранита... Цѣлый міръ древнихъ обломковъ лежитъ на красной землѣ, между корней, извивающихся, какъ гигант-

скія змѣи... Дѣвственный лѣсъ покрылъ городъ зеленымъ саваномъ...

И надъ историческими развалинами утро занимается такъ же спокойно, какъ занималось двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ надъ священной Анурадгапурой...

„Параденія"

Взметнувшись на обширное плато и сдѣлавъ снова рядъ запутанныхъ зигзаговъ, минуя нѣкій обелискъ, кофейную плантацію, туннель, убогій храмъ и, обогнавъ процессію съ священными слонами, мы подъѣзжаемъ къ ботаническому саду „Параденія", роскошному, неповторимому, единственному въ мірѣ и настоящему восьмому чуду свѣта.

Здѣсь, въ этомъ райскомъ уголкѣ, сосредоточены диковинные экземпляры и изумительная флора всей вселенной.

Садъ окаймленъ широкою рѣкой, катящей медленно свои задумчивыя воды въ заросшихъ непролазною бамбуковою чащей берегахъ.

Кристальныя озера сверкаютъ въ зелени лимонныхъ и каучуковыхъ деревьевъ, агавъ, глициній и гигантскихъ баобабовъ, въ листвѣ магнолій, эвкалиптовъ и мимозъ, банановъ, кактусовъ, рододендроновъ, мальвъ, оливъ и олеандръ.

И всюду — пальмы, пальмы, пальмы безъ конца, воздушно-четкія, нарядныя, чеканныя.

Летаютъ и поютъ невѣдомыя птицы. Въ газонахъ и въ кустахъ переливаются цикады. Гигантскія бабочки, синія, черныя, золотыя, оранжевыя, порхаютъ и гоняются другъ за дружкой, въ какомъ-то брачномъ неистовствѣ. А отъ цвѣтовъ, разбрызганныхъ пылающими бликами, томящихся въ избыткѣ сладострастія, волнующихъ, зовущихъ и пьянящихъ, ползетъ упругій, пряный запахъ.

Мы бродимъ нѣсколько часовъ, ошеломленные всей этой гаммой красокъ, звуковъ, благоволій.

О, этотъ садъ и этотъ знойный полдень, въ таинственной и феерической глуши, среди томительной экзотики и въ самомъ центрѣ сказочнаго царства, въ моей душѣ запечатлѣнъ неизгладимо!..

Я срываю на память орхидею и почему-то вспоминается мнѣ Клара изъ „Сада Пытокъ" почтеннаго Мирбо.

Да, Клара, Клара...

Ее ли недостаетъ для утонченности плѣнительной гармоніи и ощущенія полнаго экстаза?..

Кэнди.

Мы — въ Кэнди, древней столицѣ острова и резиденціи былыхъ царей.

Огромный паркъ, зеркальная поверхность озера. Слоны и люди, люди и слоны. Спокойный ласковый курортъ, струящій сладкую дремоту, грезы, думы.

Обѣдаемъ въ уютномъ ресторанѣ, на террасѣ, задрапированной ползучими цвѣтами. Проводимъ день. А вечеромъ, когда сторукій Магадэва развернулъ таинственный шатеръ и въ небѣ засверкали первыя лампады, пускаемся въ обратный путь.

— Оллъ райтъ! — смѣется лейтенантъ.

Ботаникъ раздуваетъ трубку.

Мы снова мчимся по волшебному шоссе, скользящему среди непроходимой чащи. Изъ джунгли тянетъ влажный запахъ. Гигантскія деревья стоятъ по сторонамъ. Ліаны свѣшиваются съ нихъ, какъ волосы невѣдомыхъ существъ.

Сколько тайнъ скрываетъ этотъ лѣсъ подъ своимъ необъятнымъ спокойствіемъ?.. Сколько хищниковъ, затаенныхъ въ засадѣ?.. Сколько

настороженныхъ ушей?.. Сколько расширенныхъ зрачковъ, стерегущихъ каждое движеніе тѣни?..

Въ вечернемъ сумракѣ, нарушая гармонію тишины, все сильнѣй разносится музыка насѣкомыхъ. Миріады цикадъ даютъ свой концертъ — концѐртъ тропической ночи, каждой ночи, отъ сотворенія міра.

Мы мчимся по волшебному шоссе... Снова созерцаемъ неповторимыя причуды мірозданья... И подъ наплывомъ буйныхъ впечатлѣній, молчимъ, молчимъ, молчимъ...

Все пахнетъ древностью и тлѣномъ старины —
И этотъ ветхій храмъ, представившійся взорамъ,
Скользнувшій, въ сторонѣ, причудливымъ узоромъ,
И гонга вѣщій звукъ, и мирные слоны.
И мнится мнѣ — давно, во тьмѣ тысячелѣтій,
Здѣсь тотъ же былъ народъ, играли такъ же дѣти,
Любовная тоска была, какъ сладкій ядъ,
И смерти тайный ликъ не безпокоилъ взглядъ..

ИНДІЙСКІЙ ОКЕАНЪ.

Глава десятая или размышленія русскаго человѣка, на синихъ волнахъ океана, въ знойный декабрьскій день.

Вода и небо.

Сквозь дымку нѣжнаго тумана еще смѣются опаловыя горы.

Сквозятъ шеренги пальмъ..

Бѣлѣетъ снѣжный комъ прибоя...

Я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣній, навѣянныхъ трехдневнымъ пребываніемъ на Цейлонѣ.

Не знаю, существуетъ-ли на свѣтѣ болѣе благословенный уголокъ?..

Семь сутокъ, отдѣляющихъ Коломбо отъ Адена, предстоитъ идти безбрежнымъ океаномъ, гигантской водной чашей, застывшей въ зимней спячкѣ. Три съ половиной тысячи верстъ однообразной утомительной дороги...

Зима — лучшая пора для путешествій.

Муссоны отошли на югъ, за тропикъ Козерога.

Когда-то я совершалъ этотъ путь въ іюнѣ. Семь сутокъ муссоны били, не переставая, въ корму и въ правый бортъ. Гигантскія волны гуляли по простору, швыряя, какъ щепку, нашъ утлый доброволецъ „Томскъ". Кренъ достигалъ порою до тридцати градусовъ. Всѣ пассажиры, почти безъ исключенія, валялись въ лонгшезахъ, въ тяжелыхъ приступахъ морской болѣзни.

Особенно страдалъ одинъ пѣхотный капитанъ. Въ Эгейскомъ морѣ онъ повалился на койку, съ тѣмъ, чтобы встать съ нее въ Владивостокѣ. Между тѣмъ, это былъ здоровый, краснощекій, упитанный субъектъ, выжимавшій одной рукой четыре пуда.

Морская болѣзнь — не представляетъ опасности для жизни, но крайне изнурительная, непріятная болѣзнь. Она проходитъ мгновенно, какъ только человѣкъ почувствуетъ подъ своими ногами сушу. Къ моему счастью, я не былъ ей подверженъ.

Но все же испытывалъ нѣкоторую апатію, сонливость, вялость. Мясная пища вызывала отвращеніе. Работа, чтеніе, карточная игра — не занимали.

Предупредительныхъ мѣръ противъ морской болѣзни не существуетъ. Усиленное питаніе — вздоръ, ибо ничего рѣшительно не лѣзетъ въ глотку. Употребленіе лимоновъ, апельсиновъ и другихъ кислотъ также не достигаетъ цѣли. Самое лучшее, лежать на свѣжемъ воздухѣ, въ лонгшезѣ, закинувъ ноги выше головы.

Докторъ Бари мнѣ какъ-то объяснялъ происхожденіе морской болѣзни.

По его словамъ это, не больше и не меньше, какъ временная анемія мозга, отливъ крови отъ головы въ область желудка. Для противодѣйствія необходимы возбуждающія средства. И докторъ мнѣ рекомендовалъ:

— Коньякъ и флиртъ!.. Флиртъ и коньякъ!

По моему, это — слова. Человѣкъ, котораго тошнитъ, долженъ забыть про любовь.

Нѣкоторые утверждаютъ, что все это находится въ зависимости отъ строенія человѣческаго уха и въ тѣсной связи съ „центромъ равновѣсія". Чѣмъ тоньше слухъ, чѣмъ ухо музыкальнѣй, тѣмъ человѣкъ можетъ себя считать болѣе застрахованнымъ отъ морской болѣзни.

Я провѣрялъ эту теорію на своихъ спутникахъ и не могу съ нею согласиться, какъ съ непреложнымъ правиломъ.

Но въ общемъ, это, пожалуй, справедливо...

Мертвая зыбь.

Вода и небо... Небо и вода...

Въ каютъ-кампаніи звенятъ бутылки и стаканы.

Геръ Крингъ — сегодня именинникъ.

По странному и удивительному совпаденію, мы всѣ поочередно юбиляры. Это маленькое развлеченіе рѣшительно необходимо въ однообразной пароходной обстановкѣ, особенно, въ періодъ длительнаго перехода.

Портвейнъ, ликеръ и три бутылки редерера замѣтно повышаютъ настроеніе. Звучитъ женскій смѣхъ, разносятся шутки и тосты, звенятъ и тянутся бокалы:

— Сколль!

Геръ Крингъ, сіяющій, какъ настоящій именинникъ, съ улыбкой, отвѣчаетъ каждому:

— За будущую великую Россію!

— Манке такъ, геръ Крингъ! Сердечное спасибо, мине дамеръ окъ герреръ!

И я опорожняю свой бокалъ...

Я иногда завидую всѣмъ этимъ милымъ, простодушнымъ людямъ, имѣющимъ отчизну и пріютъ, далекимъ планетарнаго русскаго размаха, вполнѣ довольствующимся скромными лучами простого человѣческаго счастья.

На скудныхъ датскихъ островахъ живетъ ихъ три мильона человѣкъ, въ короткій срокъ, создавшихъ изъ страны сплошную показательную ферму.

Безъ лживыхъ словъ...

Безъ грабежа, безъ пытокъ, безъ насилій...

Безъ дьявольскихъ кровопусканій...

Когда становится особенно тоскливо, ухожу на ютъ.

Привязанная тонкою бичевкой къ запасному трапу, сидитъ макака — Джакобъ. Весь день онъ занятъ ловлею кокосовыхъ клоповъ. Шмыгаетъ по палубному настилу. Скрывается въ вентиляторной трубѣ, неугомонный, верткій, безпокойный.

Онъ тотчасъ соскакиваетъ внизъ и забирается ко мнѣ на колѣни. Привычнымъ движеніемъ вытаскиваетъ изъ кармана сахаръ, бананы, мандарины. Перебираетъ на рукѣ волоски и чешетъ грязной пятерней свою рѣденькую шубку. Иногда, съ недоумѣніемъ, заглядываетъ въ глаза и такъ печально хлопаетъ губами, какъ будто жалуется на свою судьбу.

Ахъ, бѣдный мой четвероногій братъ!..

Ты такъ же одинокъ.

На Суматрѣ, въ родимой баттабарской джунглѣ, ты несомнѣнно чувствовалъ себя иначе...

И я когда-то жилъ въ родной и безконечно мнѣ близкой странѣ, населенной великимъ, но несчастнымъ народомъ.

Онъ не сумѣлъ перевернуть очередную страницу своей исторіи красиво и величаво. За миску чечевичной похлебки продалъ свое великодержавіе и самое имя. Въ поискахъ вѣчной правды, сталъ на путь окаянства и лжи.

Печальныя, мучительныя размышленія!..

Островъ Миникой.

Ничтожная песчинка Мальдивскаго архипелага... Микроскопическій кораловый утесъ, увитый золотыми пальмами...

На кручѣ высится маякъ, поставленный всего пять лѣтъ тому назадъ, послѣ того, какъ на скалистый островокъ случайно напоролся и погибъ англійскій пароходъ.

Тамъ существуютъ тоже люди, рождаются, живутъ, плодятся, о чемъ-то размышляютъ и уходятъ въ вѣчность, подъ неумолчный рокотъ океана...

Еще пять сутокъ безконечнаго пути... Пять долгихъ сутокъ нескончаемой дороги!..

Великъ океаническій масштабъ и европейскіе масштабы кажутся смѣшными. Не странно-ли представить, напримѣръ, что разстояніе между Коломбо и Аденомъ, равняется разстоянію между Парижемъ и Екатеринбургомъ?..

Что крошечный Цейлонъ, по площади, не уступаетъ Греціи?..

Что дикій и таинственный островъ Борнео въ два съ лишнимъ раза превосходитъ Англію?..

Что Сахалинъ, по протяженію, равняется почти Италіи?..

Не странно-ли подумать, между прочимъ, что урожай кокосовыхъ орѣховъ на томъ же Цейлонѣ не въ состояніи быть поднятымъ тоннажемъ всего существующаго коммерческаго флота?..

Богатъ, великъ и многограненъ міръ.

А между тѣмъ, въ тоскѣ и злобѣ, бьется человѣчество на протяженіи тысячелѣтій...

На пятый день проходимъ меридіанъ Урала и приближаемся къ африканскимъ берегамъ. Слѣдуемъ обычной большой дорогой, между двѣнадцатой и тринадцатой параллелями. Тысячи судовъ, коммерческихъ и пассажирскихъ, безостановочно, и днемъ и ночью, проходятъ этой дорогой. А по обѣ стороны отъ главнаго тракта лежатъ огромныя области, въ которыхъ, на протяженіи десятковъ лѣтъ, не бываетъ видно ни одного паруса, ни одного дыма.

Со всѣхъ сторонъ безкрайная, едва колеблемая зыбь, торжественно-спокойная и величавая пустыня... Все забылось въ дремотѣ, и синее небо, и синяя вода океана... И только сонные удары склянки, съ получасовымъ, однообразно-

монотоннымъ промежуткомъ, на мгновенье, нарушаютъ тишину..

На западѣ клубятся облака.

Онѣ имѣютъ снѣжныя вершины, сіяющія, какъ Гиндукушъ и Гауризанкаръ, сверкающія, какъ пагоды и башни мирзапурскихъ замковъ, какъ бѣломраморныя груди сказочныхъ принцессъ...

Ихъ склоны, нѣжнаго опаловаго цвѣта, напоминаютъ шелковыя ткани одалисокъ и бархатный песокъ священной Брамапутры, въ часъ заката...

А основанія, въ оранжевыхъ, въ лиловыхъ, въ фіолетовыхъ тонахъ, кажутся распростертымъ фиміамомъ и дымомъ золотыхъ курильницъ въ храмѣ Агры..

О прекрасной доннѣ Долоресъ и русскомъ капитанѣ фрегата.

Всѣ лучшія мѣста подъ солнцемъ разобраны англичанами.

Во всѣхъ частяхъ свѣта имѣются англійскія колоніи. По всѣмъ океанамъ разбросаны безчисленные острова, на которыхъ развѣвается англійскій флагъ.

Изъ великихъ государствъ, только одна Россія замкнута на материкѣ, безъ свободныхъ выходовъ къ морю, безъ морскихъ базъ, станцій и опорныхъ пунктовъ въ заморскихъ странахъ.

Это не значитъ, что она не имѣла колоній.

Петръ Великій, стремясь перенести центръ тяжести своего обширнаго царства въ Европу, не упускалъ въ то же время изъ вида, начатыя еще при Іоаннѣ Грозномъ, завоевательныя замыслы на противоположномъ концѣ материка.

Еще въ 1648 году, казакъ Семенъ Дежневъ, прошелъ, какъ извѣстно, неизвѣданную восточно-сибирскую область до самаго пролива, и, пере-

плывъ его на обыкновенной байдаркѣ, достигъ Аляски. Петръ Великій поручилъ адмиралу Апраксину изслѣдовать находящееся между Камчаткой и Аляскою море.

Въ царствованіе Екатерины I, въ 1725 — 1728 году, состоявшій на русской службѣ, датскій капитанъ Витусъ Берингъ, выполнилъ это изслѣдованіе и проливъ носитъ теперь его имя.

Тѣмъ временемъ, русскіе уже успѣли подчинить себѣ всю Сибирь и вдоль береговъ Камчатки заложили гавани и укрѣпленія.

Въ 1741 году, Берингъ предпринялъ вторичное путешествіе. Онъ вышелъ изъ Охотска и на двухъ корабляхъ достигъ береговъ сѣверо-западной Америки, высадившись въ заливѣ Принцъ-Вильямъ Зундъ. Бури и болѣзни помѣшали ему предпринять экспедицію внутрь страны. На обратномъ пути, корабли его были выброшены на Алеутскіе острова, на которыхъ смѣлый морякъ умеръ съ большею частью своего экипажа.

Такимъ образомъ, Берингъ положилъ начало изслѣдованію Аляски...

Въ 1781 году, сибирскіе купцы, во главѣ съ энергичнымъ Григоріемъ Шелиховымъ, организовавшись по образцу англійскаго гудзоновскаго общества, задались цѣлью колонизировать Аляску. Екатерина II предоставила имъ большія привиллегіи.

Указомъ Павла I, въ 1799 году, была основана „русско-американская“ компанія, съ неограниченными правами надъ всѣми объединенными русскими колоніями на американскомъ материкѣ, отъ Берингова пролива къ югу вплоть до 55^0 широты. Вскорѣ уже насчитывалось восемь русскихъ поселковъ. Сношенія съ Аляской увеличивались съ каждымъ годомъ.

Какъ Іоаннъ Грозный уполномачивалъ Демидова, Строганова и Ермака, купцовъ и ходоковъ,

завоевывать на собственный страхъ и рискъ неизмѣримую Сибирь, такъ, равнымъ образомъ, и Павелъ I предоставилъ то же для „русско-американской" компаніи. Эти ходоки и охотники на пушныхъ звѣрей являлись авангардомъ русской арміи, которая стояла позади для защиты ихъ пріобрѣтеній.

Александръ I покровительствовалъ обществу, имѣвшему своего представителя въ лицѣ губернатора въ Новоархангельскѣ. Этотъ постъ всегда занималъ адмиралъ, считавшійся представителемъ царя. Высшее управленіе находилось въ рукахъ директоріи, въ Санктъ-Петербургѣ.

Въ 1803 году, въ прибрежныхъ водахъ Сѣверной Америки, впервые зарѣялъ русскій военный флагъ эскадры адмирала Крузенштерна. Въ то время, Соединенные Штаты были еще отдѣлены отъ береговъ Тихаго океана необозримыми преріями, заселенными дикими индѣйскими племенами, и русскіе безпрепятственно распространялись на американскомъ материкѣ.

Оффиціально Россія аннексировала поселенія на тихоокеанскомъ побережьѣ лишь въ 1821 году. Царскимъ указомъ, все побережье, къ сѣверу отъ Шарлоттенъ-Зунда, было объявлено русскимъ владѣніемъ.

Въ 1812 году, русскіе заселили уже все восточное побережье, вплоть до Бодега-бай, сѣвернѣе Санъ-Франциско. Испанцы тщетно протестовали противъ постройки русскихъ фортовъ и торговыхъ пунктовъ на ихъ территоріи. Русская эскадра держала свой флагъ въ Бодега-бай до 1841 года...

Эта часть Калифорніи хранитъ до сихъ поръ воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда русскіе люди первыми внѣдрялись въ дѣвственныя дебри этаго, культивированнаго нынѣ другими, тихоокеанскаго побережья.

До сихъ поръ сохранился разсказъ о прекрасной доннѣ Долоресъ — трогательный романъ черноглазой испанки и свѣтловолосаго русскаго моряка, командира фрегата. Обручившись съ красавицей, морякъ уплылъ обратно въ свои сѣверныя широты и больше не возвращался. До сихъ поръ, могила юной испанки, въ старомъ монастырѣ, въ которомъ она посвятила свою дѣвственность Святой Мадоннѣ, служитъ мѣстомъ паломничества влюбленныхъ.

Есть и другіе, менѣе романическіе слѣды пребыванія русскихъ въ этихъ мѣстахъ. Такъ, одна рѣка и сейчасъ называется русскимъ именемъ. Какъ и бѣдная донна Долоресъ, она конечно никогда больше не увидитъ русскаго капитана фрегата. Ибо хотя капитанъ плавалъ по далекимъ морямъ не хуже другихъ моряковъ, но всегда былъ склоненъ къ проявленію невѣрности къ тѣмъ сокровищамъ, которыя попадали въ его расточительныя руки.

Многимъ извѣстна исторія русской Аляски, проданной въ 1867 году Соединеннымъ Штатамъ за 7.200.000 долларовъ.

Исторія русской Калифорніи извѣстна въ гораздо меньшей степени.

И лишь немногіе подозрѣваютъ о томъ, что было время, когда русскій андреевскій флагъ, на правахъ владѣнія, развѣвался даже надъ Гонолулу, куда занесло вѣтромъ эскадру энергичнаго адмиральсъ-капитана Баранова...

Острова цвѣтовъ и любви.

Посреди Тихаго океана, на разстояніи трехъ съ половиною тысячъ верстъ отъ ближайшаго американскаго материка, лежитъ девять маленькихъ точекъ.

Это — Гаваи или Сандвичевы острова.

Жемчужина Тихаго океана...

Земной рай, который снится мечтателямъ и поэтамъ...

Гавайскій архипелагъ открытъ въ 1778 году знаменитымъ капитаномъ Джемсомъ Кукомъ, давшимъ ему названіе острововъ Сандвичъ, въ честь англійскаго министра. Туземцы-канаки встрѣтили Кука съ большимъ почетомъ, принявъ его за посланца бога Лоно. Это не помѣшало имъ вскорѣ его убить и чуть-ли даже не съѣсть.

Но это еще не доказываетъ дикаго и лютаго нрава островитянъ. Это вышло случайно...

Исторія архипелага тѣсно связана съ именемъ короля Камехамео I, основателя славной династіи, молодого вождя, рядомъ героическихъ подвиговъ, съ 1774 по 1812 годъ, объединившаго архипелагъ подъ своимъ „скипетромъ". На островѣ Оау имъ была основана столица гавайскаго королевства — Гонолулу...

Все соединилось въ этомъ архипелагѣ, чтобы создать иллюзію очаровательной сказки. Это — страна вѣчной весны, вѣчнаго медоваго мѣсяца. Всегда синее небо и теплый благоухающій вѣтерокъ, предварительно пролетѣвшій тысячи верстъ надъ океаномъ. Ароматъ вѣчно цвѣтущихъ цвѣтовъ и синія волны, окаймленныя жемчужною пѣной.

Кромѣ того — это царство любовнаго коммунизма, свободной любви.

На гавайскомъ архипелагѣ женщина всегда стояла выше мужчины. Объясняется это тѣмъ, что по странной загадкѣ природы, женщинъ было значительно меньше, нежели мужчинъ. За женщинами приходилось ухаживать. Женщина могла дѣлать выборъ и властвовать. Женщина гордилась спискомъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ. И даже жена героическаго Камехамео обманывала его всю жизнь.

Это — царство классической поліандріи.

И даже въ настоящее время женщины, по

традиціи, сохраняютъ извѣстное превосходство надъ мужчинами.

Канаки представляютъ красивую своеобразную расу, съ загорѣлымъ, темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи, свѣтящейся какимъ-то особымъ внутреннимъ блескомъ. Они не имѣютъ ничего общаго ни съ малайцами, ни съ полинезійскими негритосами. Подобно туземцамъ Самоа и таитянамъ, канаки представляютъ остатки какой-то древней исчезнувшей расы, по строенію черепа сходной съ арійской.

Гавайскій языкъ имѣетъ ограниченное число словъ. Онъ не любитъ согласныхъ. Бѣдность языка не мѣшаетъ ему быть крайне звучнымъ и музыкальнымъ. Это дѣлаетъ, въ свою очередь, каждаго канака поэтомъ и музыкантомъ.

Музыка канаковъ общеизвѣстна. Гавайскія пѣсенки распѣваются по всему міру. Но надо слышать ихъ на railinѣ, въ архипелагѣ. Здѣсь онѣ еще сохранили свою старинную любовную грусть и не обезображены современными требованіями.

Музыка гавайцевъ не похожа на музыку другихъ примитивныхъ народовъ. Она мало напоминаетъ дрожащій и монотонный плачъ восточныхъ племенъ. Въ ней чувствуется тонкій сентиментализмъ. И хватающая за душу пѣсня доказываетъ высокое музыкальное развитіе островитянъ.

Со смертью Камехамео I, его энергичная жена, извѣстная своей красотой и супружескою невѣрностью, стала гавайскою королевой.

Къ этому времени, на островахъ архипелага появилось уже много англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, спѣшившихъ обратить островитянъ въ христіанскую вѣру.

Старая королева, утратившая съ годами пылкую страсть, подпала подъ вліяніе окружавшихъ

ее миссіонеровъ. Прелюбодѣяніе стало караться смертною казнью.

Результатъ насильственнаго внѣдренія христіанской морали былъ крайне плачевенъ. Одновременно съ христіанствомъ стали проникать на Гавайскіе острова и другіе дары иностранцевъ: алкоголь, венерическія болѣзни, алчность къ долларамъ.

Канакъ, который понималъ жизнь только, какъ вѣчный праздникъ, съ вѣнкомъ душистыхъ цвѣтовъ на головѣ, съ гитарой въ рукахъ и женщиной, танцовавшей передъ нимъ любовный танецъ „хуласъ", въ единственной одеждѣ — коротенькой юбочкѣ изъ цвѣточныхъ волоконъ, сталъ вымирать съ ужасающей быстротой.

Въ настоящее время только небольшая часть населенія является потомками прежнихъ канаковъ. Чтобы плантаціи не оставались необработанными, приходилось ввозить, въ качествѣ рабочей силы, японцевъ и китайцевъ.

Въ 1874 году умеръ, не оставивъ наслѣдниковъ, Камехамео V.

На королевскій престолъ былъ избранъ Калакуа, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ и вліятельныхъ островитянъ. Первымъ изъ канаковъ онъ совершилъ путешествіе въ Америку и Европу, съ цѣлью познакомиться съ достиженіями цивилизаціи и насадить ее въ своемъ королевствѣ.

Съ его смертью на гавайскій престолъ взошла его сестра Лиліуколани — послѣдняя гавайская королева.

Съ рѣшительностью, свойственной гавайскимъ женщинамъ, королева Лиліуколани порвала съ миссіонерами и занялась возстановленіемъ добрыхъ старыхъ традицій Камехамео I. Лиліуколани писала стихи и сочиняла романсы. Ея дворъ былъ составленъ изъ поэтессъ и танцовщицъ. Культъ пѣсенъ, цвѣтовъ и свободной любви снова воскресъ на счастливыхъ островахъ.

Къ сожалѣнію, счастье было непрочно.

Миссіонеры подняли шумъ. Возстановленіе прежнихъ языческихъ нравовъ не входило въ разсчеты служителей церкви. Въ 1893 году американцы свергли Лиліуколани съ престола. Въ 1898 году надъ архипелагомъ взвился полосатозвѣздный американскій флагъ.

Гонолулу — очаровательный городъ.

Богатые особняки утопаютъ въ садахъ. Улицы представляютъ сплошныя пальмовыя аллеи. Всѣ окрестности заняты ананасовыми и сахарными плантаціями, изрѣзаны великолѣпными дорогами, по которымъ мчатся безчисленные автомобили.

Особенно роскошенъ, лежащій рядомъ, элегантный морской пляжъ — Вайкики.

Гаваи — американская Ривьера, страна вѣчнаго медоваго мѣсяца, куда стекаются для флирта и отдыха американскія лэди, джентльмены и миссъ. Въ купальныхъ костюмахъ, туристы не только лежатъ на горячемъ пескѣ и волнахъ прибоя, но даже разгуливаютъ по городу. Здѣсь допускается большое отступленіе отъ кодекса американскихъ приличій.

Здѣсь можно наблюдать своеобразный, единственный въ мірѣ, спортъ — „сарфингъ“, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ — „ѣзду на гребнѣ волны, стоя или лежа на доскѣ“.

Канаки — великолѣпные пловцы.

Они съ дѣтства учатся плавать, стоя на доскѣ во весь ростъ. Ихъ отдаленные предки пользовались такими досками для перехода черезъ широкіе морскіе проливы архипелага. Не только на тихой водѣ, но даже на большихъ волнахъ, пловцы держатся на этихъ узенькихъ зыбкихъ платформахъ съ изумительнымъ равновѣсіемъ, словно статуи на пьедесталѣ изъ бѣлой пѣны.

Одною изъ достопримѣчательностей архипелага являются вулканы — Мауна Лоа, Мауна Кея,

Киланео. Это — море огня, совершенно не похожее на другіе вулканы. На автомобилѣ можно подъѣхать къ самому кратеру, не опасаясь ни удушливыхъ сѣрныхъ паровъ, ни дыма. Особенно красивы и фееричны вулканы ночью. Это — зрѣлище единственное въ мірѣ.

Цвѣты и пальмовыя аллеи, вѣчное солнце, горячій песокъ и тихій рокотъ прибоя — создаютъ изумительную климатическую станцію. Здѣсь можно загорѣть въ полчаса до шеколаднаго цвѣта. Здѣсь можно укрѣпить разстроенное здоровье и нервы, какъ ни въ одной санаторіи.

Это одинъ изъ лучшихъ уголковъ на земномъ шарѣ.

И по старой традиціи, туземныя дѣвушки до сихъ поръ встрѣчаютъ туристовъ на пристани съ букетомъ цвѣтовъ и привѣтствіемъ:

— Аноха!.. Добро пожаловать!..

Летучій Голландецъ.

Словно гигантское поле, изъ фіолетовыхъ, синихъ, лиловыхъ красокъ, переливающихся всѣми оттѣнками золота, раскинулся необъятный просторъ. Это поле точно вспахано такимъ же гигантскимъ плугомъ, и длинныя борозды тянутся до самаго горизонта. Океанъ — въ вѣчномъ движеніи. Ни на одно мгновенье не застынутъ его широкія волны и зыбкое лоно никогда не бываетъ зеркальнымъ.

Даже при полномъ безвѣтріи, въ самое тихое время, оно дышетъ короткими вздохами, волнующими его мохнатую грудь.

„Азія“ рѣжетъ ее, въ своемъ поступательномъ бѣгѣ, со скоростью двѣнадцати узловъ въ часъ, другими словами, немногимъ болѣе двадцати верстъ. Это есть тотъ „экономическій ходъ“, который, при достаточной скорости, считается

самымъ выгоднымъ, въ смыслѣ сохраненія машинъ и горючаго матеріала.

Острый носъ разсѣкаетъ тихія, спокойныя волны. Серебристыя рыбки вылетаютъ цѣлыми стайками изъ воды. А внизу, на пятисаженной глубинѣ, въ снѣжной носовой пѣнѣ, кувыркаются дельфины..

Мои датскіе спутники — простые, милые, любезные люди. Никто изъ нихъ, конечно, не имѣетъ никакого понятія о Россіи. Каждый изъ нихъ занятъ своими маленькими, личными интересами и внѣ этихъ интересовъ міръ для нихъ не существуетъ. Если быть вполнѣ откровеннымъ, можно добавить, что всѣ они чрезвычайно однообразны, скучны и шаблонны, какъ та же датская крона.

Скучны такъ же, какъ ихъ маленькіе плоскіе острова. Въ этомъ можно видѣть наглядное подтвержденіе истины: въ какой мѣрѣ окружающая природа оказываетъ вліяніе на характеръ, складъ ума и міровоззрѣніе человѣка.

Единственнымъ исключеніемъ является старшій механикъ Холмсъ.

Кромѣ датской, въ немъ несомнѣнно чувствуется другая кровь. Механикъ — живой, интересный, разносторонне образованный, избороздившій весь земной шаръ, человѣкъ. Онъ много видѣлъ и думалъ, не лишенъ своеобразнаго юмора и, кромѣ обязанностей службы, находитъ время увлекаться другимъ.

Впрочемъ, службой своей онъ не особенно увлекается. Онъ исполняетъ ее самымъ добросовѣстнымъ образомъ, занимаясь сложными вычисленіями и подчетами горючаго матеріала и, время отъ времени, по нѣсколько разъ въ сутки, спускаясь въ машинное отдѣленіе.

Я сопровождаю его иногда на этой прогулкѣ.

Первоначальное впечатлѣніе таково, будто спускаешься съ крыши пятиэтажнаго дома на землю. Гдѣ-то внизу, въ зіяющей безднѣ, грохочатъ, звенятъ и куютъ гигантскіе молотки. Охватываетъ нестерпимый зной. Стальная отвѣсная лѣстница приводитъ въ четвертый этажъ, съ узенькою террасой, окаймленной рѣшоткой. Такимъ порядкомъ, обходя всѣ площадки и спускаясь по лѣстницамъ, можно добраться до самаго низа, гдѣ грохотъ и зной становятся совершенно невыносимы.

Огромные рычаги ходятъ взадъ и впередъ. Стрѣляютъ моторы. Молотки куютъ звонкой металлической дробью. Два—три дежурныхъ механика, въ синихъ рабочихъ блузахъ, съ слипшимися на лбу волосами, слѣдятъ за манометрами и, время отъ времени, подливаютъ въ подшипники масло. Разговора, конечно, не слышно и механики объясняются знаками.

Въ этой обстановкѣ имъ приходиться проводить ежедневно двѣ четырехчасовыя вахты.

Изумительна чистота. Еще болѣе изумительно то, какимъ небольшимъ числомъ людей обслуживается сердце гигантскаго теплохода. Какъ я уже упоминалъ, источникомъ энергіи является нефть. Въ послѣдній разъ мы накачивали ее въ Сингапурѣ, и съ этимъ запасомъ закончимъ свое путешествіе.

Послѣ пятиминутнаго пребыванія въ этомъ аду, съ облегченнымъ чувствомъ выходишь на верхнюю палубу, словно изъ бани въ предбанникъ, жадно глотая живительный воздухъ...

На палубѣ, рядомъ со входомъ въ машинное отдѣленіе, помѣщается каюта механика Холмса. Это довольно просторная комната, съ кроватью на возвышеніи, съ большимъ письменнымъ столомъ, съ полками, уставленными книгами, бутылками, пузырьками и всѣми принадлежностями для фотографированія.

Механикъ каждый день показываетъ мнѣ новые снимки. Я съ наслажденіемъ перелистываю его альбомы, въ которыхъ запечатлѣнъ весь земной шаръ, отъ мыса Горна до Камчатки, и отъ Исландіи до Соломоновыхъ острововъ...

Кстати, механикъ признался мнѣ, наконецъ, что его разсказы о страшныхъ морскихъ чудовищахъ, легендарныхъ сиренахъ и о Летучемъ Голландцѣ, являются шуткой.

Нужно же, какъ нибудь, развлекать пассажировъ?

Безъ этихъ романическихъ вымысловъ, дающихъ столько пищи писателямъ и поэтамъ, морская жизнь много теряетъ въ своей прелести.

Всѣ эти исторіи объясняются проще.

Въ частности, что такое эти таинственныя сирены, которыя, еще на зарѣ исторической жизни, прельщали своимъ пѣніемъ Одиссея и его спутниковъ?

По этому поводу, механикъ Холмсъ дѣлится со мной слѣдующимъ соображеніемъ. Есть безконечное множество ластоногихъ — морскихъ животныхъ, еще далеко не изслѣдованныхъ наукой. Кромѣ моржей и тюленей, существуютъ морскія собаки, морскія лисицы и волки, морскія коровы, морскіе медвѣди. Въ антарктическихъ водахъ встрѣчается — морской тигръ, великолѣпное животное, совершенно бѣлой окраски. Въ районѣ Огненной Земли живутъ гигантскіе морскіе слоны, вѣсомъ въ нѣсколько сотъ тоннъ.

У береговъ Калифорніи, въ архипелагѣ Святой Барбары, плодятся морскіе львы, одно изъ наиболѣе умныхъ и замѣчательныхъ, по заложенному въ нихъ инстинкту какого-то равновѣсія, животныхъ. Ихъ можно наблюдать въ любомъ циркѣ, въ качествѣ изумительныхъ эквилибристовъ.

Механикъ неоднократно видѣлъ ихъ на свободѣ, на ихъ родныхъ островахъ. Играя и кувыр-

каясь въ прибрежныхъ волнахъ, они издали чрезвычайно напоминаютъ людей. А самки, грѣясь на лежбищахъ, въ періодъ дѣторожденія, испускаютъ тихіе, жалобные стоны, весьма схожіе съ женскимъ рыданіемъ.

Вотъ одно изъ объясненій морского мифа о волшебныхъ сиренахъ...

Что такое, въ дѣйствительности, Летучій Голландецъ?

Это — остовъ затонувшаго корабля, носящійся по волѣ теченія, часто на нѣкоторой глубинѣ, и вымываемый шкваломъ на поверхность воды. Фантазія суевѣрныхъ моряковъ облекла его въ одежды легендарнаго призрака. Многіе до сихъ поръ этому искренно вѣрятъ... Колебать ихъ вѣру не стоитъ...

— Пусть живутъ красивыя сказки! — говоритъ, въ заключеніе, механикъ Холмсъ, угощая меня настоящей „Флора дель Капуциносъ“, изъ своего маленькаго запаса.

На письменномъ столѣ, рядомъ съ японской карликовой криптомеріей, стоитъ фотографія, въ лакированной рамѣ. На фонѣ цвѣтущихъ яблонь, видѣнъ уголокъ деревяннаго домика съ мезониномъ. На ступеняхъ крыльца сидитъ молодая женщина съ бѣлокурою дѣвочкой.

Это жена и дочка механика.

Послѣ шестимѣсячной разлуки, механикъ Холмсъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, мечтаетъ о предстоящей встрѣчѣ...

Островъ Сокотра.

Подъ вечеръ, вахтенный начальникъ поднялъ тревогу.

На горизонтѣ онъ обнаружилъ какую-то точку. Въ бинокль едва можно было различить таинственныя очертанія. Обломки-ли это разби-

таго судна, или весельный ботъ, или сколоченный плотъ съ какой нибудь погибшей занзибарской шхуны?

Мы измѣнили курсъ и подошли вплотную къ неясному предмету.

Это была обыкновенная феллука, одна изъ тѣхъ простыхъ, доморощенныхъ посудинъ, на которыхъ сомалійскіе арабы занимаются каботажнымъ плаваніемъ, вдоль африканскихъ береговъ.

Со сломаннымъ рулемъ, съ лохматымъ изорваннымъ парусомъ, безпомощно трепавшемся на сбитой штормомъ реѣ, она еще держалась на водѣ. Десятка два распластанныхъ фигуръ, полуживыхъ отъ голода и жажды, ползали по палубѣ, стонали, подавали знаки.

Кокосовый конецъ, удачно брошенный стюрменомъ, подтянулъ феллуку къ борту. Спустивъ боченокъ сухарей и запасъ воды, мы снова взяли требуемое направленіе.

Морская этика обязываетъ.

Но и коммерческій разсчетъ, повидимому, игнорировать нельзя. Каждая минута промедленія удорожаетъ фрахтъ и уменьшаетъ экономическую премію...

Съ разсвѣтомъ видѣнъ островъ Сокотра.

Весь день полземъ мимо него. На фонѣ голубого неба рисуются зазубрины скалистыхъ кручъ, песчаные завалы, нелюдимый берегъ. Ни признаковъ жилья. Все голо, выжжено, мертво. Пылающее солнце льетъ изступленно злобные лучи.

— Миленькій островокъ! — иронизируетъ механикъ.

Ученый садоводъ, геръ Христіанъ Рассмуссенъ, не прочь пріобрѣсти его за триста сингапурскихъ долларовъ, для насажденія каучуковыхъ деревьевъ.

Что до меня, я бы не далъ и пары датскихъ кронъ.

Какъ все, лежащее на стратегическихъ путяхъ,

онъ могъ понадобиться только англичанамъ. Живетъ на этомъ островѣ пятнадцать тысячъ сомалійцевъ. И чѣмъ живутъ — извѣстно одному Аллаху...

Но вотъ, мы наблюдаемъ неожиданное зрѣлище.

Пересѣкая курсъ, кувыркаясь въ жемчужной зыби, проходитъ стадо нарваловъ.

Огромныя животныя, съ морщинистой слоновьей шкурой, проходятъ совсѣмъ близко, струя тягучій волокнистый слѣдъ, разбрасывая ослѣпительныя брызги, то зарываясь въ темную бездну, то вдругъ выскакивая на поверхность и, на мгновенье, обнажая могучее, упругое, сверкающее тѣло.

Черезъ минуту-другую, эта оригинальная эскадра скрывается за горизонтомъ.

Обычно видишь только дельфиновъ да маленькихъ летающихъ рыбокъ. Иногда, на значительномъ разстояніи, покажется пила-рыба, высунетъ острый носъ и тотчасъ спрячется въ воду.

Что же касается акулъ, которыхъ такъ подробно описываетъ каждый путешественникъ, я ихъ никогда не видѣлъ, за исключеніемъ хранящихся въ музеяхъ.

Это объясняется тѣмъ, что чуткій хищникъ боится пароходнаго винта, и держится всегда на большомъ разстояніи. Поймать его можно только съ паруснаго судна...

Снова ложится закатъ и золотой дискъ быстро тонетъ въ водѣ.

Какъ серебряный рубль, выплываетъ мечтательная луна. Млечный Путь раскинулся жемчугами надъ темной пустыней. Лунная дорога бѣжитъ за кормой.

А на носу открывается новое зрѣлище — свѣченіе Индійскаго океана.

У самаго борта вспыхиваютъ огненные снопы. Они окаймляютъ пароходъ серебряной пѣной.

Миріады микроскопическихъ свѣтляковъ создаютъ такой фосфорическій блескъ, который можно представить только при пылкомъ воображеніи.

Такой блескъ возможенъ только въ морской соленой водѣ. Для этаго соль и примѣшана.

Другіе говорятъ, что соль нужна для того, чтобы не такъ скоро портились морскія сельди.

По крайней мѣрѣ, такъ утверждалъ веселый докторъ Бари...

Галлерея эстамповъ.

Воспоминанія переносятся въ недавнее прошлое...

Передъ глазами стоитъ „Лорестанъ", съ докторомъ Бари, съ курганскимъ слѣдователемъ Калюжнымъ, съ штабсъ-капитаномъ Онѣгинымъ и „Княжной Мэри", съ прорицателемъ Бенъ-Саидомъ и даже съ пароходной козой и колченогимъ „Бисмаркомъ"...

Мысль несется еще дальше, къ самимъ истокамъ трехлѣтней владивостокской жизни, начиная съ того снѣжнаго ноябрьскаго дня 1919 года, когда бунтъ чешско-русскаго генерала Гайды, едва не оборвалъ мою повѣсть на первой главѣ.

— Та-та-та-та!

Выщелкивала пулеметная дробь у вокзала на Эгершельдѣ, а рота юнкеровъ и гардемариновъ морского корпуса цѣпями вела наступленіе.

На желѣзнодорожныхъ путяхъ, гдѣ помѣщался поѣздъ и штабъ чешскаго полководца, шныряли тѣни вооруженныхъ грузчиковъ, полу-пьяныхъ солдатъ-дезертировъ, безработныхъ китайцевъ, обитателей владивостокскихъ ночлежекъ и прочей шпаны.

Морская улица находилась въ районѣ боевыхъ дѣйствій.

Въ окно влетѣлъ и разорвался снарядъ, оку-

тавъ меня и стоявшаго рядомъ сожителя, французскаго генеральнаго штаба маіора Франсуа, облакомъ дыма. Одинъ изъ осколковъ, словно ножемъ, срѣзалъ металлическую ножку кровати, другіе глубоко засѣли въ стѣнѣ. Снарядъ былъ совсѣмъ крохотный, изъ скорострѣльной пушки Гочкисса. Но даже при этомъ условіи, повѣсть могла закончиться совершенно драматическимъ эпилогомъ.

Это ангелъ-хранитель развернулъ спасительное крыло!..

Какъ я смѣнилъ винчестеръ на „ремингтонъ" и перо офицера генеральнаго штаба на блокнотъ журналиста, это не представляетъ особаго интереса.

Это вышло случайно.

Въ ожиданіи назначенія въ армію, я продолжалъ жить на Морской улицѣ, въ квартирѣ бывшаго начальника Нерчинской каторги, добродушнаго сибиряка полковника Соловьева и его почтенной супруги, Анны Александровны, кормившей меня изумительными пельменями и котлетами изъ крабовъ. Пансіонъ обходился недорого, всего въ шестьсотъ сибирскихъ рублей, другими словами, въ шесть іенъ.

Въ ихъ гостепріимномъ домѣ завязалось знакомство съ редакторомъ наиболѣе крупной владивостокской газеты „Голосъ Родины". Въ бесѣдѣ съ нимъ, я подѣлился какъ-то недавними переживаніями изъ петроградской, кіевской, одесской жизни. Мнѣ было предложено дать нѣсколько очерковъ. Послѣ третьяго фельетона, я сталъ постояннымъ сотрудникомъ. При обиліи матеріала, это предоставило въ мѣсяцъ до тридцати тысячъ рублей, въ качествѣ гонорара...

Мое назначеніе въ армію не состоялось.

Фронтъ переживалъ тяжелое испытаніе. Назрѣвала опредѣленная катастрофа.

Послѣ подавленія гайдовскаго возстанія, я былъ вызванъ генераломъ Ю. Д. Романовскимъ, съ которымъ былъ связанъ долголѣтнимъ знакомствомъ и дружбой. На мой вопросъ, генералъ протянулъ только что полученную имъ телеграмму:

„Съ полученіемъ сего, примите должность командующаго войсками".

Колчакъ.

Романовскій былъ озабоченъ:

— Это меня не радуетъ!.. Приказъ я долженъ исполнить... Мнѣ нужны люди, которыхъ я хорошо знаю... Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, въ качествѣ генерала для порученій!..

Это назначеніе также не состоялось.

Командующій войсками, генералъ Розановъ отказался передать власть...

Страница за страницей развертывается былое.

Бѣлая колчаковская власть прекращала существованіе. Сибирскія арміи, встрѣчая въ тылу предательство и измѣну, пробивались въ восточномъ направленіи. Поѣздъ Верховнаго Правителя, охраняемый десяткомъ союзныхъ флаговъ и батальономъ чешскихъ легіонеровъ, былъ остановленъ революціонерами въ Иркутскѣ.

Произошло очередное предательство.

Легіонеры не были склонны пролить свою чешскую кровь въ защиту русскаго адмирала. Адмиралъ былъ выданъ иркутскому эсеровскому революціонному центру и смѣнившей его черезъ нѣсколько дней, какъ обычно, большевицкой головкѣ.

Стоявшій во главѣ союзныхъ миссій, генералъ Жанненъ, проскочилъ въ Владивостокъ, гдѣ удостоился картели отъ женщины — артистки императорской оперы Маріанны Черкасской.

Вызовъ былъ объявленъ черезъ газеты.

Поединокъ, конечно, не состоялся.

Генералъ торопился въ Парижъ, съ новою чрезвычайною миссіей...

Послѣдніе дни колчаковской власти подходили къ концу.

30 января 1920 года, въ зданіи морского штаба, состоялось послѣднее собраніе владивостокскаго гарнизона. Командующій войсками, генералъ Розановъ, хмурый и мрачный, обратился съ короткою рѣчью:

— Господа офицеры, бьетъ двѣнадцатый часъ!.. По примѣру славной добровольческой арміи, создадимъ желѣзные легіоны!.. Господа офицеры, мы исполнимъ свой долгъ!..

Это звучало неубѣдительно.

Всѣ сроки были пропущены. Всѣ надежды угасли. Вдобавокъ, было извѣстно, что пароходъ „Орелъ“, съ генеральской семьей и самимъ генераломъ, съ приближенными лицами и гардемаринами морского корпуса, на разсвѣтѣ покидаетъ Владивостокъ.

На другой день, на Свѣтланкѣ зарѣяли красные флаги.

Черезъ недѣлю, 7 февраля, былъ разстрѣлянъ въ Иркутскѣ адмиралъ Колчакъ...

Офицеры генеральнаго штаба были взяты новымъ правительствомъ на учетъ.

Это не сулило заманчивой перспективы.

Это могло означать назначеніе на командную должность въ красной арміи и, въ одинаковой степени, кандидатуру въ большевицкій застѣнокъ.

Начальникомъ штаба при Краковецкомъ оказался генералъ Доманевскій, бывшій камеръ-пажъ его величества, офицеръ гвардейской конной артиллеріи.

— Ты получаешь высокое назначеніе! — привѣтствовалъ онъ меня въ кабинетѣ, помѣщавшемся въ одной изъ комнатъ реквизированной гостиницы „Золотой Рогъ“.

— На тебя и на товарища Андреева возложена задача — взять у бѣлогвардейцевъ Хабаровскъ!

Лицо мое не выражало восторга.

— Ты недоволенъ?... Я такъ и зналъ... Въ такомъ случаѣ, придется тебя назначить членомъ комиссіи по разработкѣ военныхъ законопроэктовъ .. Это, по крайней мѣрѣ, застрахуетъ тебя временно отъ непріятностей...

Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ генералъ Болдыревъ.

Въ число „спецовъ“ входилъ бывшій приамурскій командующій войсками генералъ Мандрыка, адмиралъ Форсель, два полковника, одинъ капитанъ, три революціонныхъ прапорщика, нѣсколько „кооптированныхъ“ для наблюденія политкомовъ.

Работа заключалась въ исправленіи военныхъ уставовъ примѣнительно къ новымъ революціоннымъ требованіямъ. Главнымъ образомъ, въ замѣнѣ ненавистныхъ словъ — генералъ, офицеръ, денщикъ и прочихъ, новыми терминами.

Вскорѣ комиссія была расформирована за „буржуазный уклонъ“. Неизвѣстно какая участь постигла бы ее членовъ, еслибы, совершенно неожиданнымъ образомъ, въ торжественный день открытія владивостокскаго совдепа, не затрещали японскіе пулеметы...

Расцвѣтавшій махровымъ цвѣтомъ приморскій коммунизмъ получилъ первое предупрежденіе.

Конституція сохранила демократическій характеръ, съ открывшимся вскорѣ народнымъ собраніемъ, съ отвѣтственнымъ кабинетомъ минист-

ровъ, съ ставшимъ во главѣ правительства президентомъ — коммунистомъ Антоновымъ и даже съ особымъ, присвоеннымъ образовавшейся приморской республикѣ — красно-синимъ флагомъ...

Очередной переворотъ, организованный братьями Меркуловыми, при содѣйствіи атамана Семенова и японцевъ, произошелъ 26 мая 1921 года.

Вылился онъ приблизительно въ такую форму.

Въ десять часовъ утра, по Свѣтланкѣ, проходила, въ сопровожденіи конвоя, группа арестованныхъ за нелегальное храненіе оружія офицеровъ. Бурнопламенный депутатъ Густовъ неожиданно развернулъ трехцвѣтный флагъ и обратился къ толпѣ съ патріотической рѣчью. Публика отбила офицеровъ, конвой разбѣжался, а черезъ полчаса въ городъ входила бригада каппелевскихъ солдатъ.

Переворотъ произошелъ безъ всякаго кровопролитія, если не считать небольшой перестрѣлки съ контръ-развѣдкой, на Пушкинской улицѣ. Красно-синіе лоскуты тотчасъ смѣнились національными флагами...

На другой день, въ Владивостокъ прибылъ „Кіодо-Мару“ съ атаманомъ Семеновымъ и его штабомъ.

Начались продолжительные переговоры. Атаманъ не былъ допущенъ на берегъ. Переговоры не увѣнчались успѣхомъ и атаманъ отбылъ вспять. На прощанье, атаманъ произвелъ въ полные генералы трехъ заслуженныхъ профессоровъ академіи — Колюбакина, Медвѣдева и Христіани.

Старые царскіе генералы отклонили отъ себя эту честь...

Бѣлый переворотъ 1921 года предоставилъ мнѣ государственный постъ.

Безъ малѣйшихъ хлопотъ и даже безъ особаго желанія съ моей стороны, я былъ назначенъ „правительственнымъ цензоромъ“. Это было

совсѣмъ смѣшно. Но я вспоминаю свою работу съ чувствомъ удовлетворенія. Подъ моимъ наблюденіемъ находилась вся пресса, всѣ двѣнадцать владивостокскихъ газетъ...

Утро начиналось съ прогулки въ редакцію соціалъ-демократическаго „Мира". Редакторомъ былъ старый революціонный карась и подпольщикъ — А. А. Богдановъ, съ лохматой сѣдѣющей гривой, съ изможденнымъ лицомъ не то злостнаго пьяницы, не то аскета.

— Встать, смирно! — командовалъ Богдановъ, сохраняя серьозное выраженіе, и подходя съ рапортомъ.

— Ваше превосходительство, во ввѣренной мнѣ газетѣ „Миръ" все обстоитъ благополучно!..

Въ отвѣтъ протягивался утренній номеръ:

— Завоеванія революціи!.. Единый соціалистическій фронтъ!.. Вся власть совѣтамъ!.. Долой японскую интервенцію!.. Это что же такое?.. Потрудитесь не подрывать устои и быть объективнымъ!

Богдановъ извинялся и возражалъ:

— Въ послѣдній разъ, клянусь честью... Что же дѣлать, если Ленинъ намъ ближе Меркуловыхъ?.. А въ отношеніи интервенціи, какъ честный патріотъ родины...

— Не разсуждать!

На одномъ изъ редакціонныхъ столовъ появлялся графинчикъ водки и бутерброды съ кетовой икрой. Соціалистовъ можно было держать въ струнѣ и одновременно вести съ ними дружескія бесѣды...

Гораздо труднѣе была работа въ монархическихъ органахъ, въ особенности, въ правительственномъ оффиціозѣ, газетѣ „Слово".

Главный редакторъ, Марья Арсеньевна Бутакова, встрѣчала цензора ядовитой улыбкой. Молча протягивался номеръ газеты, съ абзацомъ, подчеркнутымъ краснымъ цензорскимъ карандашомъ:

„Въ селѣ Трехсвятскомъ, Тамбовской губерніи, четыре еврейки убили архіепископа Веньямина, сварили и съѣли“.

Марья Арсеньевна Бутакова щурила глазки и шептала наставительнымъ тономъ:

— Ничего не подѣлаешь, голубчикъ!.. Это необходимо для массъ... На пропаганду мы должны отвѣчать пропагандой... Наконецъ, почему это не можетъ быть фактомъ? . Вы улыбаетесь?.. Фармазонъ!... Якобитъ!.. Погодите, я пожалуюсь на васъ Спиридону Діонисьевичу!.. Невозможно съ вами работать!..

Если говорить откровенно, я не былъ цензоромъ въ одіозномъ значеніи этого слова. Мой красный цензорскій карандашъ прогуливался сравнительно рѣдко по корректорскимъ гранкамъ.

И никто никогда не узнаетъ сколько подметокъ я износилъ, бѣгая и хлопоча о сложеніи штрафовъ съ редакторовъ, настаивая на отмѣнѣ предварительной цензуры, ходатайствуя передъ правительствомъ о разрѣшеніи новаго выхода закрываемыхъ, время отъ времени, газетъ...

Въ каждомъ человѣкѣ сидитъ оппозиціонеръ, а особенно — въ русскомъ. Самое идеальное правительство не застраховано отъ нападокъ. Честная же и объективная критика правительственныхъ мѣропріятій, на мой взглядъ, только полезна. Мой начальникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Вершининъ, бывшій депутатъ государственной Думы, вполнѣ раздѣлялъ мое мнѣніе и предоставилъ свободу дѣйствій...

Моя дѣятельность не была оцѣнена по достоинству.

Въ дни пресловутаго „недоворота“, газеты, какъ по сигналу, сорвались съ цѣпи. Энергичными мѣрами удалось прекратить недостойную травлю. Однако, подпольный листокъ, укрывшійся подъ защитой народнаго собранія, и въ

частности, его предсѣдателя, продолжалъ выпады противъ братьевъ Меркуловыхъ.

Цензура была безсильна. Друзья совѣтовали мнѣ „заболѣть".

На третій день, проходя по Свѣтланкѣ, я наблюдалъ, какъ съ балкона дома Старцевыхъ — бестъ, въ который засѣли братья Меркуловы съ своими защитниками — Николай Меркуловъ, опоясанный трехцвѣтною лентой, угрожающе показывалъ мнѣ кулакъ. Мнѣ стало яснымъ, что, въ его лицѣ, правительственный цензоръ нажилъ смертельнаго врага.

Съ ликвидаціей „недоворота" я былъ ликвидированъ чуть-ли не въ первую очередь...

„По повелѣнію нашего императора, покидая съ ввѣренными мнѣ войсками Приморскую область, я посылаю послѣдній привѣтъ дорогому моему сердцу русскому народу и обращаюсь къ нему съ прощальнымъ словомъ.

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ, какъ японская экспедиціонная армія, совмѣстно съ войсками союзныхъ державъ, вступила въ Сибирь, для выручки чехо-словаковъ.

Но по благополучномъ возвращеніи чеховъ на родину и по уходѣ союзныхъ войскъ, особыя условія русско-японскихъ отношеній, а также желаніе поддержать спокойствіе и охранить пути сообщенія въ Приморьѣ, привели японское правительство къ рѣшенію оставить свои войска въ этой русской окраинѣ.

Приэтомъ, однако, за все время нахожденія ихъ здѣсь, въ надеждѣ на скорѣйшее возстановленіе въ Россіи порядка и мира, наше командованіе старалось, по возможности, не вмѣшиваться въ русскія внутреннія дѣла и прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы ввѣренныя ему войска вели себя дисциплинированно и благопристойно.

Полагаю, что всѣ безпристрастные русскіе люди не могли не видѣть этого и не понять нашего искренняго доброжелательства къ ихъ народу.

Судь по той теплотѣ, которую большинство русскихъ проявляло въ сношеніяхъ съ нами, я думаю, что не ошибаюсь и убѣжденъ, что эти теплота и пониманіе должны много способствовать укрѣпленію дружбы между Японіей и Россіей.

Путь Россіи, въ настоящее время, безмѣрно труденъ и тернистъ. Я и мои подчиненные искренно сочувствуемъ вамъ и душевно скорбимъ, видя, какъ вы мечетесь, напрягая всѣ силы на спасеніе дорогой родины и жизни вашихъ братьевъ.

Но мы твердо вѣримъ, что великій и могучій русскій народъ съ честью выйдетъ изъ выпавшаго на его долю испытанія, и горячо желаемъ ему поскорѣе вернуться на путь славы и счастья.

За симъ, прощайте, друзья русскіе, и не поминайте насъ лихомъ. Еще разъ благодарю васъ за ваше доброе къ намъ отношеніе и желаю вамъ свѣтлой, счастливой будущности!

Командующій японскими экспедиціонными войсками во Владивостокѣ
Генералъ Тачибана.

14 октября 1922 года".

Тучи сгущались.

Японская эвакуація стала совершившимся фактомъ. Начальникъ экспедиціоннаго корпуса, генералъ Тачибана, уже сидѣлъ на „Кассугѣ".

Красный потокъ, сметая на пути жидкіе каппелевскіе заслоны, катился къ Владивостоку.

Зажиточные горожане, буржуазія, политическіе дѣятели и всѣ, кто только былъ въ состояніи, растекались по всѣмъ направленіямъ — въ Харбинъ, въ Шанхай, въ Іокогаму.

Городъ переживалъ тревожные дни...

Въ одинъ изъ такихъ дней, китаецъ-бой принесъ мнѣ письмо отъ датской пароходной конторы Вассардъ и Ко. Въ письмѣ стояло, что на основанiи полученной изъ Копенгагена телеграммы, мнѣ предоставлено мѣсто на пароходѣ „Азiя", направляющемся въ Европу.

Черезъ десять минутъ я былъ въ конторѣ.

Молодой секретарь, съ улыбкой, показалъ мнѣ телеграмму и одновременно вручилъ чекъ на десять англiйскихъ фунтовъ. Вмѣстѣ съ моимъ маленькимъ сбереженiемъ въ иностранной валютѣ и керенками, сибирками, семеновскими „голубками", уцѣлѣвшими отъ мансвѣтовской „девальвацiи", это составило капиталъ въ триста золотыхъ рублей.

Секретарь добавилъ, что по случаю тревожныхъ событiй, „Азiя" измѣняетъ маршрутъ и въ Владивостокѣ не ожидается. Сейчасъ она принимаетъ бобы въ Дайренѣ и въ началѣ ноября отбудетъ въ Шанхай.

— Угодно сѣсть въ Дайренѣ или въ Шанхаѣ?

Это опять ангелъ-хранитель распростеръ сверкающее крыло...

Несчастный Верховный Правитель, павшiй жертвой непосильнаго подвига, въ исключительной обстановкѣ. При непроходимой инертности темныхъ массъ, бездарности ближайшихъ сотрудниковъ, интригахъ, вѣроломствѣ, предательствѣ революцiонныхъ круговъ и союзниковъ...

Забайкальскiй есаулъ Семеновъ, однимъ изъ первыхъ поднявшiй знамя возстанiя противъ краснаго интернацiонала, вставившiй впослѣдствiе, уже въ генеральскомъ чинѣ и званiи атамана, не мало палокъ въ колеса омской правительственной машины, и такъ безславно закончившiй свою роль...

Приморскiе намѣстники — генералы Хорватъ

и Розановъ, главноуполномоченный при союзномъ командованіи — генералъ Романовскій, наштаверхи и сибирскіе полководцы — безвременно погибшій Каппель, Гайда, Пепеляевъ, Войцѣховскій и Лохвицкій, Лебедевъ и „генералъ-солдатъ" Сахаровъ...

Казачьи атаманы — Дутовъ, бывшій самаркандскій приставъ — Ивановъ-Риновъ, Красильниковъ, Анненковъ, Бородинъ, Анисимовъ, Савицкій...

Приморскіе „президенты" — земскій учитель эсеръ Медвѣдевъ — Александръ Непервый и Непослѣдній и незлобивый коммунистъ, кроткій Антоновъ — Антонъ I Тишайшій...

Премьеры — коммунистъ Никифоровъ, эсдекъ Бинасикъ, кадетъ Колесниковъ-Циперовичъ, монархистъ Василій Ивановъ и хитроумный парламентарій Левъ Кроль...

„Главкосопъ" генералъ Болдыревъ, съ нарукавными кренделями демократической приморской республики и начальникъ академіи — Андогскій, съ совсѣмъ маленькой, совсѣмъ крошечной красной звѣздой. Впрочемъ, совмѣстивъ вскорѣ съ должностью начальника академіи постъ владивостокскаго городского головы и тайнаго совѣтника при братьяхъ Меркуловыхъ, онъ появлялся уже не иначе, какъ въ эполетахъ и широкихъ генеральскихъ лампасахъ...

Братья Спиридонъ и Николай Меркуловы и Воевода Земской Рати — Дитерихсъ... Даурскій намѣстникъ, безумный баронъ Унгернъ-Штернбергъ и выставлявшій свою кандидатуру на вакантный романовскій тронъ — маститый депутатъ, престарѣлый князь Крапоткинъ...

Адмиралы безъ флота — Черниловскій-Соколъ, Старкъ, Безуаръ и генералы безъ рати — Молчановъ, Смолинъ, Глѣбовъ, Вержбицкій и прочіе, съ георгіевскими крестами на груди и на шеѣ, за взятіе у русскихъ русской Самары, Симбирска, Казани. Въ противоположномъ ла-

герѣ, за аналогичные подвиги, какъ извѣстно, жалуется „Красное Знамя“. Интересно, какъ совмѣстятся эти регаліи въ будущей Россіи?..

Разстрѣлянный большевиками, талантливый, вѣчно пьяный, фельетонистъ Кокъ—Николай Пановъ и убитый каппелевскими офицерами, бывшій мелкій опіеторговецъ, „министръ иностранныхъ дѣлъ“ — коммунистъ Цейтлинъ...

Адъютантъ Савинкова, штыкъ-юнкеръ Флегонтъ Клепиковъ, дальневосточный антрепренеръ Евфимій Долинъ и литературная богема, съ тремя футуристическими „метрами“ во главѣ — Давидомъ Бурлюкомъ, Третьяковымъ, Асѣевымъ...

И, наконецъ, вся безконечная муть, выплеснутая революціонной волной, начиная съ коммуниста Краснощекова-Тобельсона и Шумяцкаго, кроваваго краснаго бандита Тряпицына и его начальника штаба — Нины Лебедевой, кончая бѣлымъ бандитомъ подъесауломъ Калмыковымъ и старымъ авантюристомъ — гвардіи корнетомъ Савинымъ графомъ Тулузъ де Лотрекъ...

Доморощенные приморскіе Дантоны и Робеспьеры, Талейраны и Бонапарты, ничтожные люди съ маленькими талантами и съ большимъ самомнѣніемъ, самоувѣренностью, самовлюбленностью...

Все это уже позади, позади!..

Африканскій берегъ.

Земля!..

Желтѣетъ аравійскій берегъ.

Справа видѣнъ голый, мрачный, непривѣтливый Аденъ, съ угольными складами, съ бѣлѣющими низенькими постройками.

Это уже Бабъ-эль-Мандебскій проливъ...

Потомъ, въ самомъ горлѣ пролива, съуживаю-

щагося чуть-ли не до трехъ верстъ, стоитъ англійская крѣпость — Перимъ.

Маленькій островокъ, скорострѣльныя батареи, закупоривающія входъ въ Красное море, стѣны, бойницы, казармы.

Въ проходѣ чернѣетъ сторожевой англійскій крейсеръ.

Робко мигаютъ маяки.

Съ бакборта вѣетъ сухой, душный, горячій бризъ.

Это — Африка...

Стою и молча созерцаю сизую пустыню, гдѣ зыблется таинственный миражъ — оазы, пальмы, караванный бѣгъ мехари...

Гдѣ сонной сказкою глядится въ воду Гао...

Гдѣ, въ нѣдрахъ тайнаго Хоггара, такъ сладостно познать небытіе...

ПОРТЪ-САИДЪ.

Глава одиннадцатая, въ которой вѣетъ красное дыханіе африканской зимы.

Красное море.

Сегодня — двѣнадцатое декабря.

Ровно мѣсяцъ, что я нахожусь на „Азіи“, въ этой плавучей гостинницѣ, которая переноситъ меня въ Европу.

Сегодня мы вошли въ Красное море — узенькую щель, раздѣляющую два материка. Щель эта, правда, по ширинѣ не уступаетъ Балтикѣ, но по сравненію съ океаническими просторами, дѣйствительно, является щелью.

Красное море!..

Небо — голубое, вода — зеленовато-синяго оттѣнка. Короче стали волны. И струятся онѣ, какъ будто, не такъ мягко, какъ въ океанѣ. Красный же цвѣтъ совершенно отсутствуетъ. Его рѣшительно нигдѣ не видно, если не считать красной блузки миссъ Ады Свенсонъ и румяныхъ щекъ перваго стюрмена...

Въ воздухѣ жарко.

Но это далеко не тотъ зной, который пришлось испытать три съ половиной года тому назадъ, въ іюнѣ, когда Красное море дышало расплавленнымъ золотомъ, а съ африканскаго берега, взметая тонкую пыль, неслись вздохи самума. И конечно не та тропическая жара, кото-

рая, сравнительно еще недавно, томила меня въ Сингапурѣ.

На горизонтѣ виднѣются дымки. У азіатскихъ береговъ сѣрѣютъ маленькіе скалистые острова.

Черезъ два дня, на параллели Мекки, стало свѣжо.

А къ вечеру, выползая изъ тропика Рака, почувствовалось первое дыханіе зимы. Злобный нордъ разводитъ волну, по морю гуляютъ барашки. Съ воемъ и свистомъ, вѣтеръ прыгаетъ по снастямъ и хлещетъ солеными брызгами. Въ лиловомъ закатѣ садится зимнее солнце, бросая на воду зловѣщій пурпурный оттѣнокъ.

Наконецъ-то исчезли кокосовые клопы. Исчезли совершенно внезапно, въ одинъ день...

Въ Суэцкомъ заливѣ, направо, виднѣются синайскія горы.

Въ бинокль можно различить блѣдносиній хребетъ и возвышающуюся надъ нимъ снѣговую вершину. Впрочемъ, трудно сказать опредѣленно — знаменитая-ли это библейская гора или, можетъ быть, просто гряда облаковъ, обманывающая завороженный взоръ?

Какъ бы то ни было, нельзя отдѣлаться отъ нѣкотораго волненія.

Древняя исторія воскресаетъ въ сознаніи... На одной сторонѣ — фараоны Египта и сорокъ пролетѣвшихъ вѣковъ!.. А на другой Моисей и скрижали завѣта!.. Навуходоносоръ и Вавилонъ!.. Ассирія и Семирамида!.. И наконецъ — Сиди Аисса — Христосъ, бродящій въ пустынѣ!..

Въ мірѣ есть много странъ, несравненно болѣе сказочныхъ и прекрасныхъ. Но ни одна изъ нихъ не волнуетъ, пожалуй, такъ сильно, не вызываетъ легендъ древняго прошлаго, какъ эти далекія горы и желтый песокъ...

Суэцкій Каналъ.

Въ конечной точкѣ залива расположенъ Суэцъ — ничтожный маленькій городокъ, съ бѣлыми арабскими постройками, съ нефтяными цистернами, съ низенькими казармами, съ вѣткой желѣзной дороги, по которой ползетъ товарный поѣздъ.

"Азія" принимаетъ на бортъ лоцмана, уменьшаетъ ходъ до предѣла и входитъ въ Суэцкій Каналъ.

Капитанъ Даль, въ теченіе всего путешествія занимавшійся, главнымъ образомъ, изготовленіемъ коктейля и игрой въ бриджъ, теперь самъ стоитъ наверху, у штурвала. Это — отвѣтственный переходъ и капитанъ не рискуетъ вручить управленіе въ руки помощниковъ.

Каналъ тянется на протяженіи восьмидесяти пяти верстъ.

Онъ не широкъ, примѣрно не болѣе двадцати пяти — тридцати саженъ. Каналъ пролегаетъ въ песчаной пустынѣ, на одномъ уровнѣ съ моремъ, и на своемъ пути встрѣчаетъ рядъ небольшихъ соленыхъ озеръ. Въ этихъ ковшахъ-лагунахъ отстаиваются, въ ожиданіи очереди, караваны судовъ и цѣлыя эскадры землечерпалокъ.

Каналъ тянется въ невысокихъ берегахъ.

Съ лѣвой стороны проложена шоссированная дорога. Время отъ времени, на пути попадаются маленькія станціонныя сооруженія, окаймленныя чахлой растительностью. Пусто и нелюдимо. Только порой проползаютъ караваны верблюдовъ. Справа разстилается голая солончаковая пустыня, съ остатками проволочныхъ загражденій, окоповъ, траншейныхъ ходовъ.

Каналъ не представляется чудомъ техники.

Напротивъ, многое въ немъ кажется примитивнымъ. Глазъ тщетно ищетъ слѣдовъ каменной облицовки, искусственныхъ насажденій и оборудованія, согласно послѣднему слову инженерной

науки. Однако, не слѣдуетъ забывать, что Каналъ законченъ постройкой всего лишь въ 1869 году, наканунѣ франко-прусской войны.

Не взирая на всѣ попытки предохранить Каналъ отъ постояннаго засоренія, человѣческія усилія должны склониться передъ силами природы. Тучи песку, денно и нощно, совершенно незамѣтнымъ образомъ, заносятъ Каналъ. Никакія загражденія нельзя противопоставить этому песчаному урагану, этой неумолимой вѣчной атакѣ пустыни. И единственнымъ спасительнымъ средствомъ является безостановочная работа землечерпалокъ.

Каналъ, сооруженный акціонерной компаніей, въ настоящее время, составляетъ собственность британскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, огромное большинство акцій находится въ его рукахъ.

Нечего, конечно, распространяться про колоссальное значеніе этаго сооруженія, по которому проходитъ кратчайшій путь изъ Европы въ три части свѣта. Можно удивляться, пожалуй, тому, что Каналъ сооруженъ такъ поздно. За прохожденіе его взимается сравнительно крупная пошлина.

„Азія“ медленно скользитъ по тихой, подернутой чуть замѣтною рябью, водѣ. Берега слегка скошены. По всему пути набиты толстыя свои. Подходить къ нимъ нельзя, чтобы не размывать волной берегъ.

Въ небѣ сверкаетъ блѣдное солнце. Съ обѣихъ сторонъ разстилается желтый песокъ и сизыя безконечныя дали...

Портъ-Саидъ.

Портъ-Саидъ расположенъ на лѣвомъ берегу Канала, у самаго выхода въ Средиземное море.

Это не городъ.

Это — дорожная станція, огромный караванъ-

сарай, на главной морской артеріи, въ Азію, Африку и Австралію.

Нѣсколько шоссированныхъ улицъ, рядъ европейскихъ кварталовъ, съ магазинами дорожныхъ вещей, съ табачными лавками, съ ресторанами, тавернами и кафэ, съ домами обычнаго африканскаго типа, по преимуществу, двухэтажными, съ широкой круговою террасой.

Типичный интернаціональный поселокъ, съ единственнымъ, пожалуй, приличнымъ зданіемъ Паласъ-Отеля, на морскомъ берегу, и длиннымъ, выброшеннымъ въ море, болѣе чѣмъ на версту, гранитнымъ моломъ, увѣнчаннымъ памятникомъ Лессепсу.

Знаменитый французъ стоитъ на цоколѣ, во весь ростъ, въ сюртукѣ, съ лавровымъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ на головѣ. Подъ нимъ латинская надпись:

Фердинандъ де Лессепсъ.

Аперире

Террамъ Центибусъ.

Низкій песчаный берегъ съ бѣлымъ гребнемъ прибоя. По берегу, очень важно, разгуливаютъ зобастые пеликаны. На влажномъ пескѣ валяются раковины, отрубленныя черепашьи головы. Въ кабинкахъ на пляжѣ и на террасѣ отеля, за порціей мороженаго или кофе, сидитъ европейская публика, въ бѣлыхъ костюмахъ, въ соломенныхъ канотье.

Городъ поражаетъ обиліемъ вывѣсокъ, плакатовъ, рекламъ, объявленій пароходныхъ конторъ, нагло кричащихъ съ каждой стѣны, съ каждаго перекрестка.

Вотъ — улица Рамзеса, съ небольшимъ скверомъ. Вотъ рестораны и магазины — Баръ де Самосъ, Патиссери Элленикъ, Базаръ Интернасіональ, Элегансъ Паризіеннъ, Кордоннери Эжиптьенъ, есть даже — Театръ Эльдорадо и Комеди Франсэзъ. Нѣсколько кино, кафэ-варьете, дан-

синговъ. На одной изъ уличекъ — крошечный фонтанъ и маленькій бронзовый памятникъ королевѣ Викторіи, съ отбитой рукой.

На зданіяхъ развѣваются египетскіе флаги, съ тремя полумѣсяцами и звѣздами. Обращаетъ вниманіе оригинальное зданіе акціонерной компаніи Суэцкаго Канала, въ которомъ помѣщается правленіе.

Пестрая толпа включаетъ, кажется, всѣ національности міра — арабовъ и грековъ, феллаховъ, сирійцевъ, триполитанцевъ, коптовъ, итальянцевъ, евреевъ...

Три года тому назадъ, когда только что отгремѣли раскаты великой войны, а объ египетской независимости еще не было рѣчи, Портъ-Саидъ кишѣлъ англичанами.

На улицахъ толпились войска.

Разгуливали толстощекіе румяные шотландцы, въ клѣтчатыхъ юбкахъ, съ голыми икрами. Бродили пьяные черноволосые ирландцы, „пэдди", въ защитныхъ трусикахъ, щуплые, колченогіе. Попадались рослые, кровь съ молокомъ, австралійцы и новозеландцы, въ костюмахъ хаки, въ широкополыхъ фетровыхъ шляпахъ, съ національной эмблемой—металлическимъ кенгуру и перьями попугая.

Они сидѣли обычно за столиками, на верандахъ кафэ, съ мѣстными смуглолицыми феями, и уписывали айскримъ.

Иногда проходили группы чернокожихъ суданцевъ и негритосовъ, исполинскаго роста, узкоплечихъ, съ невѣроятно длинными и тонкими, словно спички, ногами. Полуголые, съ татуировкой по всему тѣлу, съ страусовыми перьями на головномъ уборѣ, съ копьемъ въ рукѣ, они производили весьма воинственное и, въ то же время, крайне комическое впечатлѣніе.

Сейчасъ, ничего этого нѣтъ.

Портъ-Саидъ опустѣлъ. Сталъ сѣрымъ, скучнымъ, неинтереснымъ. Египетская полиція замѣ-

нила англійскихъ полисменовъ. Англійскія войска давно развезены по домамъ, и только бравые моряки вездесущаго британскаго флота, шатаясь по улицамъ и кабакамъ, въ своихъ классическихъ клошахъ, горланятъ по прежнему знаменитую „Типперери“...

Рейдъ пестритъ тѣлами коммерческихъ пароходовъ, тяжелыхъ парусныхъ шхунъ и феллукъ, англійскими крейсерами и миноносцами.

Медленно входитъ въ Каналъ французскій „Амираль Понти“, съ колоніальными войсками, направляющимися въ Сайгонъ. Въ обратномъ порядкѣ ползетъ изъ Калькутты англійская „Матіана“. Проходитъ даже когда-то русскій „Адмиралъ Лазаревъ“, съ надписью „Марсель“ на кормѣ, съ красно-бѣло-синимъ французскимъ флагомъ.

— Тамъ-тамъ!.. Тамъ-тамъ!..

Доносится изъ дока желѣзная пѣсня. Ревутъ пароходныя трубы. Пронзительно свищутъ сирены.

Эта музыка доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ...

О британскомъ львѣ и Сесилѣ Родсѣ.

Англичане разстались со своею властью въ Египтѣ.

Произошло это, конечно, не безъ борьбы. Были возстанія, которыя тушились энергичными мѣрами. Шли продолжительные переговоры. Въ концѣ концовъ, дѣло закончилось провозглашеніемъ независимости, и англичане, выговоривъ нѣкоторыя условія, увели свои войска изъ Египта.

Нѣсколько удивляетъ та легкость, съ которою англичане разстались съ этой африканской колоніей. Тѣмъ болѣе странно, что по территоріи этой страны проходитъ одинъ изъ главнѣйшихъ

рычаговъ морского владычества, его центральный нервъ—Суэцкій Каналъ.

Англія, правда, пока еще цѣпко держитъ его въ своихъ рукахъ, оберегая могучимъ флотомъ. На этотъ Каналъ притязаетъ теперь и египетское правительство. Неизвѣстно, какъ сложится обстановка въ будущемъ, но уже настоящее положеніе порождаетъ нѣкоторую тревогу.

Англійскій престижъ, англійская гегемонія заколебались.

Благодаря этому престижу, горсть англичанъ держитъ въ рукахъ многомильонную Индію, владѣетъ цѣлыми областями въ тѣлѣ Китая, распространила вліяніе по всему свѣту.

Во имя, главнымъ образомъ, того же престижа, двадцать лѣтъ тому назадъ, Англія не остановилась передъ изнурительной, стоившей потоковъ крови и золота, борьбой съ голландскими бурами, въ которую, косвеннымъ образомъ, ввергла ее авантюра Джексона и пресловутаго „брильянтоваго короля“ — Сесиля Родса.

Послѣ великой войны, колоніальная политика Англіи подвергнута тяжелому испытанію. Во всѣхъ доминіонахъ, въ томъ числѣ и Южно-Африканскомъ, наблюдается тяга къ сепаратизму.

Нельзя сомнѣваться, что англійскій политическій геній найдетъ выходъ изъ положенія. Въ великой странѣ нѣтъ недостатка въ Биконсфильдахъ, Гладстонахъ и Мильнерахъ, въ Чемберленахъ и Китченерахъ. Однако, та легкость, съ которою Англія разсталась съ своимъ великодержавіемъ въ странѣ фараоновъ, наводитъ на размышленія.

Отголосокъ этой политики чувствуется теперь не только въ одной Африкѣ...

Кстати, маленькій анекдотъ о Сесилѣ Родсѣ.

Эта красочная фигура англійскаго имперіализма заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Существуетъ разсказъ, какъ полвѣка тому назадъ,

молодой Родсъ сталъ на путь матеріальнаго благополучія.

Съ двумя шиллингами въ карманѣ и съ запасомъ неукротимой энергіи, Родсъ стоялъ на набережной Сиднея. Сидѣвшій неподалеку рыбакъ обратился къ нему съ просьбой замѣнить его на полчаса.

Родсъ согласился. Черезъ полчаса, Родсъ уже мчался въ городъ. Еще черезъ десять минутъ, онъ стоялъ въ кабинетѣ мѣстнаго креза.

— Чѣмъ могу служить?

— Мнѣ необходимъ миліонъ долларовъ!

Толстый животъ банкира заколыхался отъ смѣха:

— Почему мильонъ, а не десять?... Какія гарантіи?.. Я васъ не знаю!..

Родсъ оставался невозмутимъ:

— Я — Сесиль Родсъ!.. Я скупаю всю шерсть въ провинціи!.. Шерсть подымется на триста процентовъ!.. Франція объявила Германіи войну!

Банкиръ снова захохоталъ и протянулъ послѣдній номеръ „Таймса“:

— Читайте!.. Конфликтъ улаженъ!.. Вильгельмъ снова вернулся въ Эмсъ, Бисмаркъ уѣхалъ въ имѣніе!

Родсъ, въ свою очередь, протянулъ номеръ „Таймса“.

Крупнымъ шрифтомъ, на первой страницѣ, сообщалось о началѣ франко-прусской войны и о первомъ боѣ подъ Вейссенбургомъ. Этотъ номеръ газеты Сесиль Родсъ извлекъ изъ желудка пойманной имъ акулы, которая быстрѣй всякаго пакетбота принесла свѣжія европейскія новости. Радіо-телеграфа и подводнаго кабеля, какъ извѣстно, тогда еще не существовало.

Сдѣлка состоялась немедленно.

Этотъ разсказъ, похожій больше на анекдотъ, даетъ, тѣмъ не менѣе, достаточно правдоподобную

характеристику Сесиля Родса. Свою дальнѣйшую дѣятельность геніальный авантюристъ перенесъ, какъ извѣстно, въ Южную Африку, въ ту именно часть чернаго материка, которая впослѣдствіи была окрещена его именемъ — Родезіей.

Винченцо Руссо.

Набѣжала тучка и неожиданно брызнулъ дождь.

Это случается, приблизительно, одинъ разъ въ годъ. Любопытная публика высыпала изъ магазиновъ, лавокъ, кафэ и, съ улыбкой, смотритъ на небо. Черезъ четверть часа дождь прекратился и лужи весело сверкали на солнцѣ...

Въ писчебумажной лавкѣ покупаю открытки и папиросы.

Въ каждомъ порту я пріобрѣтаю почтовую карточку съ какимъ нибудь оригинальнымъ видомъ, пишу нѣсколько словъ и направляю по извѣстному мнѣ адресу. Я не увѣренъ, что карточка эта дойдетъ.

Но если дойдетъ, она доставитъ кому-то большую радость!... При этой мысли меня охватываетъ волненіе и становится тепло на душѣ...

Итальянецъ-хозяинъ расхваливаетъ товаръ, заваливаетъ прилавокъ коробками, вступаетъ въ бесѣду. Табакъ первосортный, но русскаго человѣка имъ не удивишь. Керченскій Месаксуди, можетъ быть, дастъ нѣсколько очковъ впередъ плоскимъ египетскимъ папиросамъ. Но упоковка прекрасная, одна коробка красивѣй другой.

Узнавъ, что я русскій, словоохотливый итальянецъ удваиваетъ вниманіе... Онъ очень любитъ Россію, о которой слышалъ столько интересныхъ вещей... Кромѣ того, вѣдь союзники по оружію!.. Еслибы не русская армія, „тедески" навѣрно бы заняли Римъ!.. Его дѣдъ жилъ

когда-то въ этой великой странѣ... Онъ даже женатъ былъ на русской и получилъ русское прозвище...

На прощанье, итальянецъ вручаетъ визитную карточку, на которой стоитъ:

„Винченцо Руссо“.

Милый народъ!.. Въ натурѣ ихъ чувствуется что-то родное, что-то близкое русскому сердцу... Въ особенности, послѣ сухихъ и чопорныхъ англичанъ, которыхъ, по преимуществу, приходится встрѣчать на Востокѣ.

И мнѣ вспоминается сингапурская лэди...

Однако, пора на пароходъ.

„Осака-Мару“.

„Азія“ уже готова къ отходу. Зычный вой ея особой воздушной сирены сзываетъ замѣшкавшихся пассажировъ. На кормѣ четко полощется бѣлый съ краснымъ крестомъ датскій флагъ. Этотъ флагъ имѣетъ особый вырѣзъ, по образцу королевскаго штандарта, что составляетъ привилегію судовъ „Остъ-Азіатиске-Компани“, чѣмъ онѣ чрезвычайно гордятся.

Арабъ-лодочникъ, за десять піастровъ, работаетъ веслами. Всѣ пассажиры уже въ сборѣ.

Быстрымъ, напористымъ ходомъ проходитъ мимо японскій „Осака-Мару“.

Онъ направляется къ выходу и проходитъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ. Лѣвый бортъ парохода усѣянъ толпой пассажировъ, съ любопытствомъ разглядывающихъ „Азію“, съ ея своеобразной оснасткой и видомъ. Въ этомъ отношеніи, нашъ теплоходъ, дѣйствительно, рѣзко отличается отъ окружающихъ судовъ. Главнымъ образомъ, благодаря отсутствію дымовыхъ трубъ.

Слышится неожиданный крикъ:

— Бонжуръ, мосье Жоржъ!.. Команъ са ва тиль?.. Мэ комплиманъ!.. Адье!

Съ изумленіемъ наблюдаю въ толпѣ пассажировъ знакомый бѣлый тропическій шлемъ и костюмъ Тартарена.

Вотъ такъ исторія!

Это — милый швейцарецъ Максъ Вегенштейнъ, знаменитый охотникъ на носороговъ. Не знаю, удалось ли ему поохотиться на Борнео?.. Но сейчасъ, онъ догналъ насъ на быстроходномъ японцѣ...

Швейцарецъ стоитъ на спардекѣ, во весь ростъ, переплетенный, какъ всегда, ремнями кодака и цейсса. Онъ улыбается, дѣлаетъ мнѣ знаки рукой, посылаетъ воздушные поцѣлуи. Потомъ вынимаетъ платокъ и машетъ имъ до тѣхъ поръ, пока пароходъ не скрывается за стрѣлой длиннаго мола.

Славный малый!

Впослѣдствіи, мы поддерживаемъ съ нимъ переписку...

„Азія“, въ свою очередь, готова къ отходу.

Ползутъ тяжелые якоря. Подымается трапъ. Въ послѣдній разъ сирена прорѣзаетъ портъ-саидскій рейдъ оглушительнымъ воемъ.

Всѣ пассажиры въ сборѣ. Недостаетъ только Джакоба. Хозяинъ-матросъ продалъ макаку за кило табаку.

Бѣдный Джакобъ!

Мнѣ его искренно жаль...

АЛЕКСАНДРІЯ.

Глава двѣнадцатая, о музеяхъ, александрійскихъ Венерахъ и прочемъ, съ бирюзовою сказкой изъ тысячи второй ночи.

Александрія.

Городъ Александра Великаго...

Такъ говоритъ исторія, относящая основаніе Александріи къ 332 году до Р. X. Когда-то, при Птоломеяхъ, это былъ центръ эллинской образованности, средоточіе науки, философіи, литературы, съ знаменитою александрійскою библіотекой, съ населеніемъ превышавшимъ мильонъ жителей.

Въ эпоху завоеванія арабами, съ 641 года, городъ постепенно приходилъ въ упадокъ и воскресъ, для новой жизни, сравнительно не такъ давно, всего въ прошломъ столѣтіи.

Отъ Александра Великаго сохранилось только названіе. Ничего другого не осталось отъ славнаго царя македонянъ.

Столицей Египта и главнымъ административнымъ центромъ, резиденціей бывшаго сирдара, англійскаго маршала лорда Алленби, а нынѣ, резиденціей египетскаго короля—является Каиръ, отстоящій въ восьмидесяти верстахъ по желѣзной дорогѣ.

Александрія сохраняетъ значеніе крупнаго портоваго города и важнѣйшаго торговаго центра...

Городъ расположенъ на низкомъ морскомъ берегу.

Центральная часть, съ широкими благоустроенными улицами, съ дворцами и зданіями въ оригинальномъ мавританскомъ стилѣ, съ роскошными магазинами, скверами, садами, не уступитъ многимъ европейскимъ столицамъ.

Есть что-то родственное, отдаленно напоминающее нашу Одессу, пожалуй даже, въ миніатюрѣ — Парижъ. Но глубокое, вѣчно синее небо, пальмы и, въ особенности, толпа, характерная александрійская толпа, въ бѣлыхъ бурнусахъ и женскихъ чадрахъ, накладываетъ экзотическій отпечатокъ.

Сейчасъ, британское владычество уступило мѣсто независимости Египта. Но англичанъ по прежнему ненавидятъ. Въ глубинѣ этой ненависти пришлось убѣдиться изъ бесѣды съ интеллигентнымъ коптомъ, типичнымъ потомкомъ египетскихъ фараоновъ, съ плоскимъ откинутымъ назадъ лбомъ, съ длиннымъ коническимъ черепомъ. Чувствуется вліяніе старой французской культуры, сохранившейся со временъ Бонапарта.

Несмотря на декабрь, толпа одѣта въ легкое платье.

Температура воздуха напоминаетъ теплый пригожій осенній день нашего юга. Улицы полны оживленія. Гортанный говоръ арабовъ мѣшается съ трескучею рѣчью грековъ, итальянцевъ, евреевъ. На перекресткахъ стоитъ египетская полиція, въ темныхъ однобортныхъ мундирахъ, въ малиновыхъ фескахъ на головѣ.

Неторопливой походкой бредутъ арабскія женщины, въ широкихъ бѣлыхъ одеждахъ, съ чадрой, спускающейся отъ глазъ, съ золотымъ украшеніемъ въ ноздряхъ и въ ушахъ. Много прохожихъ въ модныхъ европейскихъ костюмахъ. Безчисленны табачныя лавки, кафэ и кино. Въ послѣднихъ идутъ преимущественно боевыя италь-

янскія фильмы. Особымъ успѣхомъ пользуются „Похожденія Мациста“.

Обращаетъ вниманіе изумительное количество гидовъ, назойливыхъ, дерзкихъ, болтающихъ на всѣхъ языкахъ міра, не исключая русскаго. Это вполнѣ понятно. Въ прежнее, доброе старое время, суда добровольнаго флота постоянно посѣщали Александрію. Пароходные рейсы между Одессой и Александріей поддерживались чуть-ли не впродолженіе круглаго года.

И сейчасъ, въ городѣ живетъ нѣкоторое количество русскихъ, главнымъ образомъ, русскихъ евреевъ, уѣхавшихъ сюда, чтобы избавиться отъ воинской повинности. Объ этомъ мнѣ разсказывалъ какъ-то мѣстный русскій консулъ. Въ 1919 году, у него числилось на учетѣ 1235 человѣкъ. Изъ нихъ — тысяча двѣсти евреевъ.

Отъ александрійскихъ гидовъ избавиться не такъ просто.

Приходиться примѣнять крутыя мѣры. Гиды набрасываются на туриста, окружаютъ со всѣхъ сторонъ, рвутъ на части, какъ изголодавшіеся шакалы.

Національный Музей.

Что интереснаго въ Александріи?

Во первыхъ, слѣдуетъ остановить вниманіе на обелискѣ Птоломея и на Національномъ Музеѣ. Для любителей и знатоковъ археологіи, послѣдній представляетъ значительный интересъ. Въ немъ сосредоточены большія сокровища.

Очень хороша конная статуя изъ бронзы, изображающая Марка Аврелія.

Запахомъ тысячелѣтій отдаютъ врата ниневійскаго храма, испещренныя таинственными письменами. Дерево совершенно истлѣло и подается подъ ногтемъ, какъ воскъ.

Вотъ — знаменитая „Венера Анадимеонъ“, принадлежащая рѣзцу Праксителя. Она недавно была извлечена, среди раскопокъ, на одномъ изъ острововъ Эгейскаго архипелага, и поднесена въ даръ Музею. Глазъ ласкаютъ божественныя формы обнаженнаго женскаго тѣла. Всѣ линіи безупречны. Несравненная гармонія одухотворяетъ безжизненный мраморъ.

Отъ „Венеры Анадимеонъ“ взоръ переносится къ муміямъ эпохи пуническихъ войнъ. Изсохла темная кожа. Побурѣли отъ времени черные волосы. Зубы стали совсѣмъ желтыми. Но тѣла вполнѣ сохранились, облачены въ прозрачный хитонъ и покоятся въ застекленныхъ ящикахъ. Въ общемъ, довольно острое, жуткое зрѣлище.

Въ Музеѣ можно провести цѣлый день. Чтобы изучить его, можетъ быть, потребуется недѣля. Но я не цѣнитель археологіи. Меня тянетъ изъ комнатъ на воздухъ, къ природѣ, къ яркому александрійскому солнцу...

Сажусь въ трамвай и направляюсь въ Зоологическій садъ.

Онъ расположенъ, примѣрно, въ двухъ километрахъ отъ города, на одномъ изъ рукавовъ Нила. Садъ невеликъ, представленъ, главнымъ образомъ, флорой—пальмами различныхъ сортовъ, баобабами, мимозами, каучуковыми и желѣзными деревьями.

Конечно, это не цейлонская „Параденія“ и даже не сингапурскій ботаническій садъ.

Фауна не заслуживаетъ никакого вниманія, за исключеніемъ развѣ десятка жираффъ, антилопъ всѣхъ породъ и оттѣнковъ, нѣсколькихъ зебръ, нѣсколькихъ страусовъ и, въ особенности, семьи королевскихъ павлиновъ. Это—роскошная птица, съ совершенно невиданнымъ золотымъ опереніемъ и саженнымъ хвостомъ, по которому раскинуты фіолетовые глаза...

За садомъ, далеко къ югу, тянется бѣлый шнурокъ.

Это—кочевая дорога или, какъ называютъ ее арабы—„каросса", слово, заимствованное изъ языка невѣрныхъ, обозначающее „телѣгу". Широкая, прямая и твердая, звенящая подъ шагами, она тянется въ глубь мечтательныхъ просторовъ Ислама.

Дорога тонетъ въ кудрявыхъ лиловыхъ холмахъ. А дальше, пересѣкая оазисы, навѣрно углубится въ песокъ. Тамъ, гдѣ вѣетъ сирокко—огненное дыханіе, прилетающее изъ раскаленныхъ нѣдръ рыжей пустыни. Дыханіе, которое сушитъ кожу, зажигаетъ, какъ страстная ласка, огонь въ крови, бросаетъ молніи въ мозгъ.

А еще дальше лежитъ таинственная страна, по которой не ступала нога человѣческая. Страна голубыхъ озеръ и степей, покрытыхъ золотой альфой, страна звенящихъ ручьевъ, въ ожерельи изъ олеандровъ и пальмъ. Можетъ быть, тамъ именно находится рай, описываемый въ священныхъ книгахъ?

Но арабы-кочевники не обременяютъ себя воспоминаніями.

Они живутъ настоящимъ, подъ окомъ Всевышняго. А прошлое—„эль фатъ матъ", прошлое умерло. Настоящее тоже проходитъ. Только воля Пророка пребываетъ навѣки...

Александрійскія Венеры.

Слѣдуетъ-ли упомянуть о томъ, что въ Александріи я сталъ жертвой своего легковѣрія?

Хитроумный грекъ всучилъ мнѣ три англійскія бритвы, оказавшіяся, на повѣрку, сдѣланными изъ металла, имѣющаго весьма отдаленное родство съ благородной шеффильдской сталью.

Впрочемъ, я уплатилъ греку случайно сохранившимися у меня „керенками" и, по этой причинѣ, не считаю себя въ убыткѣ...

Слѣдуетъ-ли признаваться, что за двадцать

пять тысячъ семеновскихъ „голубковъ“ факторъ-еврей предлагалъ мнѣ два шиллинга съ половиной? Изъ побужденій патріотическаго свойства, я отказался отъ этой выгодной для меня сдѣлки...

Въ Александріи же со мной произошелъ маленькій эпизодъ.

Возвратившись изъ Зоологическаго сада, утомленный зноемъ и жаждой, я присѣлъ на веранду кафэ. Лакей бросилъ на меня взглядъ, показавшійся мнѣ необычнымъ. На мой зовъ, онъ не пошевелилъ даже пальцемъ.

Это становилось совсѣмъ страннымъ.

Пожилой человѣкъ, въ тропическомъ шлемѣ, отдѣлившись отъ группы сидѣвшихъ за сосѣднимъ столикомъ европейцевъ, подошелъ ко мнѣ:

— Сэръ Вилькинсонъ!

Сначала на англійскомъ, потомъ на плохомъ французскомъ языкѣ, онъ далъ мнѣ понять, что я нахожусь въ частномъ клубѣ. Но это не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы проглотить одну-другую рюмку сода-виски, или стаканъ хорошаго хереса, или даже поужинать...

Сэръ Вилькинсонъ проситъ быть его гостемъ.

Онъ знакомитъ меня съ собесѣдниками — голландскимъ консуломъ и директоромъ мѣстной акціонерной компаніи. Въ этомъ неожиданномъ обществѣ, я провожу, съ полнымъ удовлетвореніемъ, вечеръ.

— Интернаціональный Клубъ всегда къ вашимъ услугамъ!

Къ сожалѣнію, я не могу этимъ воспользоваться. На разсвѣтѣ, „Азія“ покидаетъ Александрію.

Мое мнѣніе объ англійскомъ гостепріимствѣ подвергается нѣкоторой переоцѣнкѣ...

Въ концѣ концовъ, я принужденъ капитулировать и передъ александрійскими гидами.

Изрытый оспой, кабилъ Моггамедъ, смуглый, съ красными сверкающими бѣлками, изсохшій отъ

вѣчнаго солнца, овладѣваетъ моимъ любопытствомъ. Отчасти, въ этомъ повиненъ мой молодой датскій другъ—лейтенантъ запаса Нильсенъ.

Длинными закоулками гидъ ведетъ насъ въ арабскій кварталъ.

Условнымъ знакомъ стучитъ въ закрытую дверь. Старуха, съ профилемъ марабу, окидываетъ насъ зоркимъ взглядомъ, шепчется съ гидомъ, вводитъ въ низкую комнату. Комната убрана мягкимъ ковромъ, съ диванами вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ. Фонарь на потолкѣ бросаетъ нѣжный матовый полусвѣтъ.

Въ комнату вбѣгаютъ двѣ арабскія дѣвушки.

Онѣ совершенно обнажены. Головы обрамлены курчавой прической. Стройныя ноги, въ браслетахъ, и все тѣло кажутся выточенными изъ бронзы. Сладострастно извиваются бедра. Маленькія острыя груди дрожатъ въ изступленномъ танцѣ. Ротъ напоминаетъ цвѣтокъ орхидеи, полураскрытый въ любовномъ экстазѣ:

— Хуръ-ля-ля!.. Хуръ-ля-ля!..

Въ непередаваемо чувственной пляскѣ, дѣвушки кружатся, переплетаются тѣлами, кусаютъ другъ друга и, въ изнеможеніи, падаютъ на коверъ...

Я не знаю, что это такое?

Здѣсь нѣтъ намека на какую либо стыдливость. Между тѣмъ, каждой дѣвушкѣ не менѣе пятнадцати-шестнадцати лѣтъ... Точно два дикихъ звѣрька, рѣзвящіеся на лѣсной, залитой луннымъ свѣтомъ, лужайкѣ, сплетающіеся въ сладострастномъ порывѣ, улыбающіеся цвѣтамъ, листвѣ лимонныхъ деревьевъ, лунному свѣту...

Вскорѣ, одна изъ дѣвушекъ приподымается и уходитъ. На смѣну ей вбѣгаетъ молодой арабченокъ. Онъ такъ же совсѣмъ обнаженъ, если не считать побрякушки на бронзовой шеѣ...

Въ открытое окно глядитъ черное африканское небо...

Сказка тысяча второй ночи.

„Пятый день идетъ караванъ, подымаясь къ сѣверу, по равнинѣ Акаба. Каждое утро, послѣ молитвы, онъ отправляется дальше, медленно двигаясь среди огромныхъ зеленыхъ пространствъ.

Впереди пестраго стада козъ идетъ большой поджарый козелъ, чернаго цвѣта. Бородатый, съ вытянутою шеей, онъ твердо ступаетъ по сухой землѣ тонкими копытцами, поворачивая во всѣ стороны свою морду шайтана. Его лѣвый рогъ, сбитый въ дракѣ, болтается, какъ плюмажъ.

Потомъ слѣдуетъ густая и жирная волна овецъ. Дальше идетъ стадо маленькихъ желтыхъ быковъ съ черными мордами, подгоняемые погонщиками. За ними мѣрно колышется цѣпь нагруженныхъ верблюдовъ. На концахъ длинныхъ, полукругомъ согнутыхъ шей, качаются добродушныя головы. Время отъ времени, одна изъ нихъ подымается кверху. Всѣ остальныя дѣлаютъ тоже самое. Караванъ становится тогда въ два раза выше и напоминаетъ эскадру кораблей, съ лѣсомъ торчащихъ мачтъ. Погонщики, обутые въ шкуру шакаловъ, ныряютъ подъ поджарыми животами, ударами плечъ поправляютъ корзины, набитыя финиками и, ругаясь, подтягиваютъ подпруги.

За верблюдами, разбрасывая пестрыя краски на голой равнинѣ, слѣдуетъ всадники. Пѣшіе слуги ведутъ въ поводу верблюдицъ, на длинныхъ тонкихъ ногахъ. Въ бассурахъ, небольшихъ колыбелькахъ, сдѣланыхъ изъ яркихъ голубыхъ, красныхъ, бирюзовыхъ матерій, съ шерстяными помпонами пó краямъ, ѣдутъ молодыя женщины племени, защищаемыя такимъ образомъ отъ солнца и отъ нескромныхъ взоровъ. Старухи, охраняя поклажу, идутъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ собаками и ослами, опираясь на длинныя палки изъ мастиковаго дерева...

Въ аломъ бассурѣ, среди красныхъ полутѣней, на толстомъ шерстяномъ коврѣ, лежитъ Меріамъ. Меріамъ — самая молодая жена каида Али. Старикъ женился на ней въ прошломъ году, и ей было не больше семнадцати лѣтъ.

Меріамъ поставила круглый локоть на желтую шелковую подушку. Ея голая рука, съ серебряными браслетами у кисти и плеча, принимаетъ, въ отливахъ ткани, оттѣнокъ слоновой кости. Голая нога, виднѣющаяся въ складкахъ широкихъ шальваръ, стянутыхъ у щиколотки, болтаетъ маленькую бархатную, вышитую серебромъ, туфельку.

Длинныя вѣки Меріамъ опустились. Передъ глазами промелькнули три или четыре видѣнія, въ которыхъ заключалась вся ея жизнь.

Сначала это была пальмовая роща Сиди-Мокби. Она видѣла себя тамъ совсѣмъ маленькой, крошечнымъ ребенкомъ добродѣтельнаго Си-Фаделя, уважаемаго укиля трижды священной мечети. Легкій куполъ, низкій и бѣлый, виднѣлся въ коричневой массѣ пальмъ, Теплый воздухъ казался лиловымъ. Порхали птицы, свисали ліаны. И нужно было далеко закинуть голову за спину, чтобы разглядѣть, въ лазури и лучахъ солнца, распускающіяся верхушки пальмъ.

Вмѣстѣ съ своими маленькими подругами, Меріамъ бѣгала босикомъ и на ея ногахъ звенѣли мѣдные браслеты. Или же сопровождала мать къ колодцу. Женщины садились на корточки, болтали, совѣтовались, повѣряли свои тайны. А струйка воды плакала, со звономъ наполняя глиняные кувшины, раскрашенные въ яркія краски...

Когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, ее такъ же какъ и подругъ, исчезавшихъ по очереди изъ маленькой шумной компаніи, упрятали на женскую половину. Она стала выходить, закутанная въ длинный хаикъ, съ тюлевою чадрой, доходившей до самыхъ вѣкъ. И сосѣди, которыхъ она встрѣчала, подъ трепещущей тѣнью деревьевъ, узна-

вали ее по глазамъ, большимъ темнымъ глáзамъ съ густыми рѣсницами...

Потомъ, ее выдали замужъ. Всѣ поѣхали на востокъ и въ теченіе двухъ дней плелись въ бассурахъ. На третій день показался большой лагерь, расположенный на пескахъ. Днемъ былъ пышный праздникъ, отклики котораго доносились къ ней, черезъ плотную матерію палатки. А вечеромъ она ждала незнакомаго мужа, совсѣмъ одна, взволнованная, подъ слабымъ свѣтомъ маленькой мѣдной лампы.

И вошелъ каидъ Али...

Сжавъ лобъ обѣими руками, Меріамъ устремила взглядъ черныхъ глазъ на арабеску шерстяного ковра. Ея голая ножка еще нервнѣе заиграла тонкою туфелькой.

Сквозь красную занавѣску проникалъ разсѣянный свѣтъ. Двумя пальцами Меріамъ раздвинула края щелочки и прижала лобъ къ занавѣскѣ. Сначала она отшатнулась, ослѣпленная рѣзкимъ свѣтомъ. Потомъ, ее заинтересовала голова верблюдицы, покачивающаяся не въ тактъ колыханью бассура. Она засмѣялась и тихо позвала:

— Джемилла!.. Джемилла!..

Верблюдица навострила уши и повернула къ плечу большой обрубленный носъ съ отвислыми, тихо двигающимися губами.

Потомъ, другія подробности немного развеселили ее. Изъ голубого бассура, въ раздвинутыхъ краяхъ ткани, точно такъ же виднѣлись кончики выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ ногтей. Это былъ бассуръ Леилы, извѣстной своей красотой, разводами и интригами. Въ настоящее время она была женой уважаемаго начальника палатки и одновременно любовницей красавца-юноши. Черезъ узенькую щелочку она вѣроятно видитъ супруга и любовника, ѣдущихъ рядомъ...

Меріамъ замѣтила и своего мужа. Онъ разговаривалъ съ кѣмъ-то, повернувшись въ сѣдлѣ. Съ

своимъ длиннымъ носомъ, съ бѣлой серебряной бородой, онъ показался ей еще болѣе старымъ, болѣе холоднымъ, чѣмъ обычно. Маленькій ротъ Меріамъ сложился въ гримасу:

— Боже мой, какую ошибку дѣлаютъ старики, женясь на совсѣмъ юныхъ дѣвушкахъ!.. О, ужъ конечно не изъ уваженія къ нему остается она цѣломудренной!..

Наконецъ, Меріамъ нашла того, кого искала. Онъ ѣхалъ одинъ, на сѣромъ жеребцѣ, съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ. Солнце ярко освѣщало его. Тонкій и стройный, одѣтый въ бѣлый бурнусъ, падавшій на красные сапоги, онъ положилъ руку на луку сѣдла и высоко держалъ красивую голову. На его тюрбанѣ, обшитомъ чернымъ шнуркомъ, сидѣлъ закрытый алой шапочкой соколъ.

Меріамъ печально улыбнулась:

— Ахъ, если-бы отецъ отдалъ ее Кадуру, вмѣсто стараго каида Али!..

Меріамъ подняла валявшееся на коврѣ маленькое зеркальце въ серебряной оправѣ. Она увидѣла въ немъ длинные черные глаза, красныя, какъ кровь, губы. Ея тонкая талія колыхнулась. Вѣки ея задрожали...

Къ вечеру, на берегу уэда, заросшаго олеандрами, подъ свѣжей тѣнью оливковаго дерева, сидѣлъ каидъ Али. Онъ размѣстилъ по правую и лѣвую руку старшинъ, предложивъ Мансури бенъ-Абдаллаху сѣсть противъ него и сдѣлать свое заявленіе.

Старый Мансури откашлялся. Потомъ поправилъ развернувшуюся чалму на своемъ морщинистомъ лбу, отряхнулъ жидкую раздвоенную бородку и произнесъ:

— У меня двѣ жены—Леила и Фатьма!.. Я заявляю совѣту, что развожусь съ ними и женюсь на рабынѣ Аллаха—Зорѣ, дочери добродѣтель-

наго Бекира, которая станетъ моею единственной спутницей!

Зекри, одинъ изъ членовъ совѣта, покачалъ головой съ острыми орлиными глазами и сказалъ:

— Мнѣ кажется, у этой Леилы это уже пятый или шестой разводъ!.. Каждый годъ она мѣняетъ мужа и одновременно мѣняетъ любовника!.. Она молода и соблазнительна, это вѣрно!.. Но не думаете-ли вы, братья, что нужно слѣдовать указаніямъ дьявола, чтобы поступать такимъ образомъ?

Знатный Эль-Ашеми поднялъ дрожащій палецъ на уровень блѣднаго лба:

— Поистинѣ, какъ женщина можетъ слѣдовать указаніямъ Бога, если у ней нѣтъ души?

— У женщины есть душа! — сказалъ старый ходжа, потрясая тростниковымъ перомъ.

— У женщины нѣтъ души! — повторилъ Эль-Ашеми. — Если гуріи на небѣ ждутъ избранныхъ, то что стали бы тамъ дѣлать земныя женщины?

— У нихъ есть душа! — настаивалъ ходжа. — Въ законѣ написано: „Въ послѣдній день всѣ смертные предстанутъ передъ Аллахомъ!“

— А тамъ написано: „Всѣ смертныя женщины?“ — спросилъ Зекри.

Собраніе разсмѣялось и кто-то замѣтилъ:

— Изреченіе гласитъ: „Посовѣтуйся со своею женой и сдѣлай противное тому, что она тебѣ посовѣтуетъ!“ Это только доказываетъ, что мудрость ихъ не осѣняетъ!

— Видитъ Богъ! — заявилъ кто-то другой. — Онѣ день и ночь думаютъ только о томъ, какъ бы насъ обмануть!

Когда всѣ замолкли, уважаемый Абдъ-эль-Азисъ сказалъ:

— Въ нашемъ святомъ законѣ указано: „Мужчины выше женщинъ, потому что Богъ далъ имъ превосходство надъ ними... Свидѣтельство женщины имѣетъ только половину значенія... Женщины получаютъ только половину наслѣдства... Итакъ, если у нихъ есть душа, то это

можетъ быть только половиной души... И поэтому мы можемъ отъ нихъ требовать только половину мудрости!

Раздался шопотъ одобренія.

Тогда старый каидъ Али, который до сихъ поръ слушалъ и медленнымъ жестомъ своихъ восковыхъ пальцевъ гладилъ серебряную бороду, улыбаясь, поднялъ бѣлую руку:

— Братья!.. Послѣ Корана выслушайте пословицу:

„Красота мужчины въ его разумѣ!
Разумъ женщины въ ея красотѣ!"

И вотъ, теперь я сдѣлаю выводъ изъ всѣхъ высказанныхъ мыслей... Женщина — это слабость и наша услада, существо, которое Богъ довѣрилъ мужчинѣ и которое мужчина долженъ защищать отъ ея собственныхъ заблужденій... И вотъ, законъ и обычаи даютъ намъ три способа защиты: чадру, шелковый занавѣсъ гинекея и многоженство... Чадру, которая отгоняетъ завистливые взгляды. . Гинекей, который заглушаетъ мирской шумъ... Многоженство, которое заставляетъ женщинъ слѣдить другъ за другомъ.. Поистинѣ, братья, имѣя въ рукахъ такіе способы, мы можемъ быть спокойны... И что касается тѣхъ изъ насъ, у которыхъ въ палаткѣ есть чадра, гинекей и по крайней мѣрѣ двѣ жены, то эти, по моему мнѣнію, могутъ спать мирно, положивъ голову на подушку довѣрія... Аллахъ акбаръ!.. Богъ великъ!

Послѣ этого собраніе разошлось...

Солнце, освѣщавшее день, спряталось за голубые холмы. Ночь надвинулась на чистое небо, разбросавъ золотыя лампады. Повѣяло свѣжестью, такой отрадной послѣ тяжелаго свинцоваго вечера. Вдали слышался шорохъ, составленный изъ тысячи грустныхъ ночныхъ голосовъ. Можно было подумать, что порхаетъ чья-то легкая и тоскующая душа.

Караванъ спалъ. Только фырканье лошадей, время отъ времени, нарушало оцѣпененіе. Иногда шея верблюда поднималась надъ темною массой хребтовъ, съ минуту качалась, потомъ опускалась усталымъ движеніемъ. Надъ палатками, освѣщенными съ одной стороны блѣднымъ свѣтомъ луны, кружилась ночная птица.

Обутый, какъ погонщики, въ шкуру шакала, Кадуръ замедлилъ шаги и осмотрѣлся. Поднятый капюшонъ скрывалъ лицо. За плечами торчало ружье. Онъ шелъ въ тишинѣ синихъ сумерокъ и, шагъ за шагомъ, приближался къ палаткѣ каида.

— Срывай плодъ, если онъ окажется подъ рукой!.. Въ этомъ настоящая мудрость!

На землѣ, около края палатки, Кадуръ замѣтилъ свернутый въ клубочекъ платокъ. Быстро скрылась луна и все потонуло въ мутной тѣни. Легкими шагами Кадуръ подошелъ къ палаткѣ каида, сгибая на ходу упругіе колѣни. Онъ положилъ ружье на землю и просунулъ кисти рукъ подъ край палатки. Веревки были отпущены и край легко поднялся.

Въ то же время, двѣ свѣжія ручки схватили его. Онѣ немного дрожали. Онѣ были очень нѣжны и тянули его въ благоуханную теплоту. Онъ поднялся, ноги его утонули въ мягкомъ коврѣ. Кадуръ ощущалъ легкое дыханіе, запахъ женскихъ волосъ. Маленькія дрожащія ручки поднялись и легли на его плечи.

Тогда онъ схватилъ Меріамъ въ свои объятья. Наклонился поцѣлуемъ къ губамъ, искавшимъ его губъ. И возблагодарилъ Всемогущаго, прижимая Меріамъ къ своему тѣлу:

— Инша Аллахъ!

— Инша Аллахъ!.. Да будетъ угодно Богу!— повторила за нимъ Меріамъ. — О, любимый мой среди возлюбленныхъ!.. Изъ за тебя я больна сегодня любовью!..

РОТТЕРДАМЪ.

Глава тринадцатая, въ которой червонное золото и сапфиры экзотики уходятъ въ далекое прошлое.

Средиземное море.

Всего какихъ нибудь десять сутокъ остается до окончанія путешествія.

Я начинаю сожалѣть объ этомъ искреннимъ образомъ. Я привыкъ къ своему плавучему дому, къ моей уютной каютѣ, къ спутникамъ, къ этой жизни, полной остраго интереса, беззаботности и бездѣлья. Въ этихъ условіяхъ, я готовъ путешествовать еще нѣсколько лѣтъ.

Одновременно, приходится окончательно распрощаться съ горячимъ сапфировымъ небомъ и золотыми лучами. Все это уже назади. Европа встрѣчаетъ насъ хмурою осенью.

Какъ встрѣтитъ она меня съ моими сокровенными думами?..

Среднее суточное разстояніе, которое мы покрываемъ, равняется 275 англійскимъ милямъ, то есть, приблизительно нѣсколько болѣе 400 верстъ. Съ выходомъ въ Средиземное море, начинается европейскій масштабъ. Съ короткими разстояніями, съ крошечными государствами, мимо которыхъ мы будемъ проходить ежедневно.

Въ самомъ дѣлѣ.

Только что прошли Критъ. Черезъ день, на правомъ борту, уже показывается Мальта.

Туманный, скалистый, негостепріимный берегъ.

Небо въ сѣрой непроницаемой пеленѣ. По

морю гуляютъ волны съ бѣлыми гребнями. Снова начинается давно забытая качка.

Мальта производитъ непріятное впечатлѣніе. Я представлялъ ее себѣ совершенно иначе. Съ особенной силой просыпается сожалѣніе о покинутыхъ тропикахъ. О дняхъ, проведенныхъ на шестой параллели Цейлона. Даже еще южнѣй, подъ самымъ экваторомъ, въ Сингапурѣ.

Двадцать четвертаго декабря подходимъ къ Испаніи.

Рождественская елка.

Двѣнадцать человѣкъ, во главѣ съ капитаномъ Далемъ, сидятъ въ каютъ-компаніи, за убранымъ столомъ. Всѣ одѣты по праздничному. Дамы въ свѣтлыхъ костюмахъ. Мужчины въ смокингахъ, въ пиджакахъ.

На столѣ стоитъ маленькая искусственная елка. Она украшена золоченымъ миндалемъ, свѣчами, пряниками, бананами, мандаринами, серебряной канителью. Это — работа кохмейстера Боа, озаботившагося въ Портъ-Саидѣ пріобрѣтеніемъ всего необходимаго и освѣжившаго запасъ провіанта и винный погребъ.

Качка, къ счастью, утихла. Настроеніе бодрое. Ужинъ проходитъ въ оживленной бесѣдѣ.

Потомъ, зажигается елка. Капитанъ Даль приподымается, говоритъ нѣсколько словъ, звенятъ бокалы съ шампанскимъ:

— Сколль!

Всѣ встаютъ съ мѣстъ, чокаются другъ съ другомъ, снова садятся, женщины и дѣти поютъ:

— Штилле нахтъ, хейлиге нахтъ...

Поютъ, конечно, по датски. Но звучитъ знакомый нѣмецкій мотивъ и многія слова мало чѣмъ отличаются отъ нѣмецкихъ. Механикъ Холмсъ, при вспышкѣ магнія, снимаетъ группу.

На слѣдующій день, онъ любезно преподнесетъ каждому этотъ рождественскій снимокъ.

Торжество заканчивается поздно.

Въ приподнятомъ настроеніи, разгоряченные виномъ и ликерами, пассажиры расходятся по каютамъ. Только лейтенантъ Нильсенъ съ ботаникомъ и старшимъ стюрменомъ продолжаютъ сидѣть въ каютъ-компаніи, добросовѣстно опорожняя винный погребъ...

Утромъ видны горы Сіерры Невады, скалистыя, мрачныя, съ снѣговыми вершинами. Погода неожиданно измѣняется къ лучшему. Ярко свѣтитъ испанское солнце. Становится настолько тепло, что можно сидѣть на палубѣ, въ одномъ пиджакѣ.

Въ полдень проходимъ Гибралтарскій проливъ, знаменитый Джебель-Тарикъ, легендарные Ворота Геркулеса.

Слѣва виднѣется африканскій берегъ. Направо высится исполинская, совершенно отвѣсная гибралтарская круча, съ маякомъ и съ цистернами для стока дождевой воды. Впечатлѣніе очень внушительное.

Англійская политика сумѣла и здѣсь, на тѣлѣ Испаніи, захватить нужный клочокъ земли и водрузить на немъ, съ 1711 года, свой великодержавный флагъ. Это надежныя двери, съ хорошимъ замкомъ, ключъ отъ котораго англичане крѣпко держатъ въ своемъ карманѣ. Обладаніе Гибралтаромъ и Суэцомъ дѣлаютъ Средиземное море внутреннимъ англійскимъ моремъ.

На короткое время мелькнулъ Трафальгарскій маякъ съ мысомъ того же названія. Въ этихъ водахъ, въ 1805 году, знаменитый Нельсонъ одержалъ побѣду надъ соединеннымъ франко-испанскимъ флотомъ, уплативъ за нее собственной жизнью.

Атлантическій океанъ встрѣчаетъ насъ негостепріимно.

Волненіе становится сильнѣе. Размахи волнъ

дѣлаются все больше. Навстрѣчу попадаются маленькіе каботажные пароходы. На нихъ страшно смотрѣть. Носъ то высоко приподымается надъ водой, то совершенно зарывается въ мрачную бездну.

Направо тянутся крутые берега Португаліи...

Штормъ.

Самое непріятное ощущеніе приходится испытать въ Бискайскомъ морѣ.

Оно поддержало свою репутацію.

Никогда, кажется, пассажиры „Азіи" такъ не страдали, какъ за время этаго двухсуточнаго перехода, отъ мыса Финистерре до входа въ Ламаншъ, огибая „прекрасную Францію".

Трудно представить себѣ что либо болѣе возмутительное!

Небо закутано угрюмыми тучами. Сыплетъ холодный дождь. Волны перекатываются черезъ палубу. Вѣтеръ воетъ въ снастяхъ. Все скрипитъ, стонетъ, визжитъ. Въ каютъ-компаніи пусто. Всѣ лежатъ по каютамъ. Особенно страдаютъ дѣти и женщины, за исключеніемъ, впрочемъ, миссъ Ады Свенсонъ.

Всегда подтянутая, опрятная и неизмѣнно пахнущая туалетнымъ уксусомъ и вервеной, миссъ Ада, въ назначенный часъ, аккуратно является къ завтраку. Каждый день на ней свѣжій костюмъ, какой нибудь новенькій галстучекъ или бантикъ. Аппетитъ у нея небольшой, немногимъ больше нежели у канарейки капитана Даля. Сардинка, кусочекъ сыра, мандаринъ, чашечка жидкаго чая съ лимономъ.

— Ля мэръ э девеню плю транкилль?... Нэспа?...

— Кель дьябль!... Нечего сказать—транкилль!...

Море воетъ и хлещетъ, какъ бѣшеное. Всѣ лежатъ пластомъ. Ботаникъ заплевалъ всю каюту и въ нее невозможно войти. Даже команда куда-то попряталась. Звенятъ бутылки и стаканы въ спеціальныхъ деревянныхъ клѣточкахъ, на столѣ. Бой Санъ-Мо, съ блюдомъ въ рукѣ, долженъ заниматься настоящей эквилибристикой, чтобы не окатить соусомъ меня и сосѣдку.

Къ довершенію несчастья, во время качки, мой „ремингтонъ" упалъ съ чемодана и раскололся на четыре части.

Нѣтъ, въ Индійскомъ океанѣ было во всѣхъ отношеніяхъ лучше!...

Буря успокаивается лишь у входа въ Ламаншъ.

Пейзажъ носитъ уже не осенній, а скорѣе зимній характеръ. Блѣдно-сѣрое небо съ холодными тучами. Сѣро-зеленая вода въ комьяхъ пѣны. Въ воздухѣ совсѣмъ свѣжо. Налѣво видны лиловыя горы Англіи. Вечеромъ проходимъ Брайтонъ. Ночью сверкаютъ многочисленные огни Дувра.

Это уже настоящая Европа!...

Нѣмецкое море.

Медленно бороздимъ непривѣтливыя холодныя воды Нѣмецкаго моря, въ которыхъ, какихъ нибудь пять лѣтъ тому назадъ, разыгрывались сцены жуткаго драматизма.

День и ночь рѣзали эти свинцовые гребни сторожевые миноносцы и тралеры. Въ мрачной пучинѣ скользили непріятельскія подводныя лодки, прорывая блокаду, таинственнымъ образомъ уничтожая отдѣльныя единицы англійскаго флота, внося колебаніе и смятеніе даже въ мужественныя сердца.

Никто не узнаетъ доподлинно сколько затрачено въ этой борьбѣ человѣческихъ средствъ, силъ и энергіи... Сколько жертвъ, съ обѣихъ сторонъ, поглотила морская бездна...

Обо всемъ этомъ краснорѣчиво разсказываетъ, за ужиномъ, механикъ Холмсъ.

Подъ нейтральнымъ датскимъ флагомъ, ему приходилось неоднократно проходить по этимъ мѣстамъ. Въ отвѣтъ на сторожевые сигналы, замедлять ходъ машинъ и наблюдать, какъ въ мракѣ ночи, подъ завываніе бури и яростныхъ волнъ, рискуя ежеминутно сорваться съ веревочнаго трапа, вскарабкивались на палубу англійскіе мичманы, для провѣрки документовъ и груза.

Не мало коммерческихъ пароходовъ напоролось на англійскія и германскія мины. Каждый рейсъ сопровождался значительнымъ рискомъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что фрахтъ поднялся до предѣла.

Даже много позднѣе, съ окончаніемъ великой войны, засоренное минами море представляло опасность. До сихъ поръ, большое количество минъ, сорванныхъ шкваломъ съ минреповъ, гуляетъ по водяному простору. До сихъ поръ, время отъ времени, отдѣльные пароходы погибаютъ таинственнымъ образомъ, и можно догадываться по какой причинѣ. Никто не гарантированъ отъ роковой встрѣчи съ этимъ ужаснымъ оружіемъ морской войны.

— Кто знаетъ?.. Все можетъ случиться!..

Слова механика производятъ сильное впечатлѣніе.

Онѣ не дѣйствуютъ успокоительно на пассажировъ и понижаютъ общее настроеніе. Механикъ пытается перемѣнить тему бесѣды. Но его слушаютъ безъ интереса. Каютъ-компанія довольно быстро пустѣетъ.

Я склоненъ думать, что механикъ преувеличиваетъ и говоритъ все это больше для позы.

Роттердамскіе эскизы.

Стоимъ у входа въ Маасъ.

Дождавшись прилива, „Азія“ медленно входитъ въ рѣку и ползетъ вверхъ по теченію широкаго, полноводнаго Мааса, напоминающаго отчасти Двину. Низкіе берега покрыты сочной зеленой травой, на которой пасутся лошади и коровы. Разстилается обычный голландскій пейзажъ. Въ воздухѣ туманно и сыро. Мелькнулъ береговой фортъ съ вращающимися башнями. Навстрѣчу плывутъ склады, пакгаузы, желѣзнодорожная вѣтка съ вагонами.

„Азія“ замедляетъ ходъ. Раздается команда, свистки. Тяжелые якоря опускаются въ воду. На кормѣ развѣвается бѣлый королевскій штандартъ съ краснымъ крестомъ.

Роттердамъ!..

Но это еще не настоящій городъ.

Это — предмѣстье, портовый кварталъ, съ набережными, доками, таможнями, мастерскими, съ домами служащихъ и рабочихъ, съ портовыми кабачками, безчисленными барами и кафэ-бильярдами.

На пароходъ приходитъ голландская полиція, таможенные чиновники, портовая администрація. Оффиціальная часть протекаетъ быстро. Происходитъ бѣглый осмотръ паспортовъ, ставятся штемпеля, портовый врачъ освѣдомляется о больныхъ.

Пассажиры получаютъ свободу дѣйствій...

Пароходъ предполагаетъ стоять трое сутокъ. Первый день посвящаю ознакомленію съ портомъ.

Прежде всего, изумляетъ необыкновенная чистота. Все прибрано, подметено. Влажный асфальтъ мостовыхъ сверкаетъ, какъ зеркало. Большинство домовъ изъ краснаго кирпича, своеобразной голландской архитектуры, двухъэтажные, трехъэтажные, съ красною черепичною кровлей. На всѣхъ окнахъ опрятныя занавѣски. Чувствуется уютъ, довольство, матеріальный достатокъ.

Между тѣмъ, это рабочій кварталъ.

Если судить по названіямъ улицъ, можно подумать, что находишься въ Трансваалѣ или Оранжевой республикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, со всѣхъ угловъ глядятъ синенькія дощечки съ надписями:

Блюмфонтейнъ-стритъ... Преторія-стритъ... Улица Павла Крюгера... Улица Христіана Девета... Жубера... Шалькъ-Бургера...

Связь съ бывшими бурскими республиками ощущается здѣсь самымъ нагляднымъ образомъ.

Все очень солидно, добротно. Много воды, воздуха, свѣта. На улицахъ—тишина и спокойствіе. Царитъ какое-то молитвенное религіозное настроеніе. Кстати, сегодня—воскресенье тридцать перваго декабря — послѣдній день стараго года.

Въ промозгломъ воздухѣ слышенъ запахъ угля и дыма. Движеніе на улицахъ незначительное. Протарахтитъ телѣга, запряженная парой могучихъ арденовъ. Играетъ бойкая дѣтвора. Проходятъ голландки, въ бѣлыхъ полотняныхъ уборахъ, громыхая деревянными башмаками. На углахъ, кое-гдѣ, стоитъ полиція, въ лакированныхъ каскахъ, въ короткомъ черномъ плащѣ.

Въ полночь, когда я сплю крѣпкимъ сномъ въ своей каютѣ, раздается стрѣльба.

Я вскакиваю отъ неожиданности.

Сначала нѣсколько орудійныхъ салютовъ. Потомъ, колокольный звонъ, свистки, трескъ хлопушекъ. Эта оглушительная музыка продолжается цѣлый часъ.

Такъ встрѣчаетъ Роттердамъ Новый Годъ...

Худенъ дагъ!

Новый Годъ подарилъ роттердамцевъ великолѣпнымъ солнечнымъ днемъ. Тепло, какъ въ апрѣлѣ. Пахнетъ весной. Солнце свѣтитъ во всѣ лопатки.

И когда я переѣзжаю на маленькомъ пароходикѣ черезъ Маасъ и попадаю въ центральную часть города, меня охватываетъ праздничное настроеніе.

Эта часть, конечно, сильно отличается отъ портоваго квартала.

Здѣсь — роскошь, богатство, оригинальная вычурность зданій. Особенно хороша главная улица — Коользингель, съ пассажами, великолѣпными банками, съ величественной городской ратушей.

Въ глаза бросается обиліе магазиновъ съ колоніальными товарами—кокосовыми и мускатными орѣхами, финиками, бананами, корицей и душистой гвоздикой, кофе, какао, сигарами, мандаринами и различными пряностями. Все это привозится изъ заморскихъ владѣній, съ Явы, Суматры и Борнео.

Зондскіе острова, отобранные въ 1600 году у португальцевъ, — главный источникъ благосостоянія Голландіи. Благосостояніе это несомнѣнно. Оно сказывается на всемъ и не можетъ быть сравниваемо ни съ богатствомъ сосѣдней Даніи, ни съ примыкающей Бельгіей.

Лишись Голландія островов, на которые точатъ зубы японцы, государство потеряетъ главный источникъ доходовъ и положеніе его рѣзко измѣнится.

У голландцевъ великолѣпный торговый флотъ, большіе денежные рессурсы. Но армія и боевая эскадра имѣютъ, конечно, опереточное значеніе. Вся защита зиждется на международныхъ договорахъ и обязательствахъ. По нашимъ временамъ, это недостаточная гарантія. Обидѣть Голландію очень легко.

Неизвѣстно, какъ сложится обстановка въ будущемъ.

Но въ связи съ грозовыми тучами, нависающими надъ Тихимъ океаномъ, голландцы имѣютъ всѣ основанія опасаться, чтобы, въ отношеніи

колоніальной политики, ихъ не постигла участь Испаніи и Португаліи...

Вывѣски пестрятъ своеобразными надписями:

— Ванъ деръ Остъ...

— Ванъ деръ Дорпъ...

— Ванъ деръ Веель...

Улицы запружены праздничною толпой, разряженной, разодѣтой. Мальчуганы трещатъ хлопушками, играютъ на губныхъ гармоникахъ, пускаютъ доморощенныя шутихи. Молодые люди, дѣвушки, женщины, оживленно бесѣдуя и смѣясь, сливаются въ одинъ безпрерывный потокъ, который движется не только по тротуарамъ, но и по мостовымъ.

Есть улицы, на которыхъ разрѣшается исключительно пѣшеходное движеніе. Какъ особенность, слѣдуетъ отмѣтить, что двигаться по панели можно только въ одномъ направленіи.

Не зная этого мудраго правила, я сталъ вскорѣ объектомъ вниманія со стороны полисмена. Взявъ руку подъ козырекъ, онъ прочелъ мнѣ, къ большому удовольствію публики, короткое наставленіе.

Нельзя не отмѣтить цвѣтущій видъ населенія — крѣпкія фигуры, ясные голубые глаза, яркій румянецъ на щекахъ.

Роттердамъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе.

Красный цвѣтъ является здѣсь преобладающимъ. Красная черепица. Красный камень домовъ. Красная земля. Краснощекіе горожане. Словомъ, все красное.

Есть одна улица — Діергаарделаанъ, удивительно напоминающая Конногвардейскій бульваръ Петербурга. Другія напоминаютъ старую Ригу. Въ магазинахъ много цвѣтовъ — знаменитыхъ гарлемскихъ тюльпановъ. Въ пассажѣ — голландское полотно. Въ гастрономическихъ лавкахъ — голландскій сыръ, голландскія сельди. Все —

голландское. И, какъ утверждаетъ старый анекдотъ, только одна королева — нидерландская.

На всѣхъ углахъ развѣваются національные, столь напоминающіе старые русскіе императорскіе — сине-бѣло-красные флаги. Гдѣ-то играетъ музыка. Шныряетъ бойкая дѣтвора съ губными гармониками. Комиченъ нарядъ извозчиковъ — широкая мантія съ большими мѣдными пуговицами и огромный цилиндръ на головѣ. Въ обращеніи — полновѣсный серебряный гульденъ. Языкъ весьма схожъ съ нѣмецкимъ, представляется болѣе простымъ, грубымъ нарѣчіемъ:

— Худенъ моргенъ... Худенъ дагъ!.. Худенъ авондъ!..

Въ роттердамскомъ порту, бары и кабаки занимаютъ цѣлыя улицы.

Тускло горятъ фонари подъ красными и зелеными вывѣсками. Въ кабакахъ сидятъ матросы, пьютъ эль и голландскій джинъ, отъ котораго спираетъ въ горлѣ. Сизый табачный дымъ клубами подымается къ потолку.

Одни пьютъ упорно, настойчиво, въ полномъ молчаніи, пока не свалятся мертвымъ тѣломъ подъ столъ. Другіе, съ трубками въ зубахъ, рѣжутся въ кости и на бильярдѣ. Третьи, посадивъ себѣ на колѣни дѣвицъ съ толстыми икрами, пьютъ пиво, гогочутъ бурнымъ оглушительнымъ смѣхомъ.

Есть кабаки, въ которыхъ можно встрѣтить негровъ, аннамитовъ, малайцевъ и другихъ цвѣтнокожихъ. Есть спеціальные китайскіе кабаки, съ опіекурильнями и блѣдными раскрашенными китаянками. Точь въ точь, какъ въ Гонгконгѣ или Шанхаѣ. Въ этихъ притонахъ чувствуешь себя не по себѣ. Заходить туда не рекомендуется. Обокрадутъ, изобьютъ, чего добраго и прикончатъ.

Это — оборотная сторона Роттердама, который, съ виду, представляется вѣнцомъ скромности

и добродѣтели. Какъ всякій большой городъ и, въ особенности, портовый, онъ таитъ въ своихъ нѣдрахъ и темныя гнѣзда — притоны человѣческихъ слабостей и пороковъ.

И тутъ же, въ двухъ шагахъ, быстрой походкой, мчатся, въ гаснущихъ сумеркахъ, запоздавшія дѣвушки, съ ясными голубыми глазами. Дѣтишки звенятъ на губныхъ гармоникахъ. Румяныя, широкозадыя голландки грохочутъ деревянными башмаками...

Въ общихъ впечатлѣніяхъ разобраться не трудно.

Мимолетный осмотръ даетъ достаточно вѣрное представленіе о городѣ и объ этой, въ сущности, мужицкой странѣ, бѣдной природными данными и, въ то же время, очень богатой своими колоніальными жемчужинами. Очень прозаической и практичной, очень демократичной, населенной здоровымъ, трудолюбивымъ народомъ.

Такова, въ бѣглыхъ чертахъ, родина классическаго „Каннитферштана“, въ которой все, какъ нельзя болѣе, ясно, просто, понятно...

Янъ Луйкъ.

Въ красномъ фонарѣ вспыхнулъ газъ.

Свѣтъ манитъ съ сырой улицы въ теплую комнату, съ круглыми дубовыми столиками, къ узенькой стойкѣ, за которою стоитъ орѣховый шкапъ съ бутылками разныхъ цвѣтовъ и размѣровъ.

Въ комнатѣ почти пусто.

Лишь за прилавкомъ стоитъ черноволосая хозяйка, съ пунцовыми щеками. Да за однимъ изъ столовъ, съ батареей пивныхъ бутылокъ, склонившись и обхвативъ голову жилистыми руками, сидитъ полупьяный субъектъ. Сиплымъ

голосомъ онъ мурлыкаетъ пѣсню, которая заставляетъ меня насторожиться:

„Ук-кажи мнѣ такую обитель...
Гдѣ бы русскій мужикъ не страд-далъ...“

Русская пѣсня!.. Два мѣсяца я не слышалъ русскаго слова!..

Въ голландскомъ городѣ Роттердамѣ, женатый на черноволосой фламандкѣ, эстонецъ Янъ Луйкъ поетъ русскую пѣсню:

— Камрадъ!.. Какими судьбами?..

Янъ Луйкъ чокается и лѣзетъ съ пьяными поцѣлуями.

Потомъ приходитъ Григорій Петриченко, съ англійскаго угольщика „Оливеръ Кромвель“. Потомъ—Иванъ Суковатый съ итальянскаго „Дуче“. Черезъ полчаса вваливается Егоръ Омельчукъ, прибывшій только на этихъ дняхъ изъ Мельбурна.

Все это—осколки того тѣла, которое называлось когда-то „добровольческой арміей“, русское перекати-поле, развѣянное по міру, разметанное по всему бѣлому свѣту.

Тяжелый, безрадостный жребій!..

Однако, не слѣдуетъ думать, что мои случайные собутыльники предаются горестной меланхоліи. Красные побѣдили — это вѣрно!.. Но завтра и красные получатъ по шапкѣ!.. Только бы продержаться до этого времени!

Правда, пароходы въ ремонтѣ и половина кочегаровъ списана съ судна... Но зато въ карманѣ еще звенятъ голландскіе гульдены, франчки и итальянскіе лиры!..

Черезъ недѣлю-другую исчезнутъ франчки и лиры.

Но зато есть Янъ Луйкъ и его чернявая жинка... Съ ними не пропадешь!.. Душевные люди!..

Янъ Луйкъ — бывшій кочегаръ, бунтовщикъ съ броненосца „Потемкинъ Таврическій“. Уже пятнадцать лѣтъ живетъ онъ въ Голландіи, взялъ

въ жены голландку и получилъ за нею портовый шинокъ. Онъ дико тоскуетъ и заливаетъ горе въ винѣ:

— Вонъ!.. Къ чортовой матери!.. Хочу въ Россію!

Сквернословя и угрожая, онъ требуетъ, чтобы мы пустили его въ Россію. Потомъ, жалобно плачетъ. Хозяйка, не обращая вниманія, перемываетъ за стойкой посуду. Янъ Луйкъ засыпаетъ и бормочетъ сквозь сонъ:

„Послѣдній но-нѣшній де-не-о-чекъ...“

ГАМБУРГЪ.

Глава четырнадцатая, въ которой авторъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за сѣрый цвѣтъ неба.

Прощаніе.

Путешествіе подходитъ къ концу...

Остаются послѣднія сутки, послѣ чего я разстаюсь съ „Азіей“ и, безъ сомнѣнія, навсегда.

Эта мысль гложетъ мое сознаніе. Еще недавно я стремился въ Европу. Теперь, едва соприкоснувшись съ нею, я не нахожу въ ней ни малѣйшаго очарованія.

Больше того, она представляется мнѣ скучной, сѣрой, тоскливой, какъ это зимнее сѣрое небо, какъ эта сѣро-зеленая вода Нѣмецкаго моря.

Кромѣ того, меня тревожитъ будущее.

Два мѣсяца я жилъ безъ всякихъ заботъ. Полъ міра прошло передъ моими глазами. Грандіозная панорама развернулась во всей широтѣ. Для моей души это былъ истинный праздникъ. На очереди стоятъ суровые будни.

Что ожидаетъ меня впереди?

Не знаю... Чувствую лишь, что моей тропической сказкѣ насталъ конецъ!..

Въ послѣдній разъ обѣдаю въ каютъ-компаніи, съ японскими криптомеріями, съ цвѣтами ириса, съ сингапурскими пальмами. Сижу, въ послѣдній разъ, въ обществѣ моихъ спутниковъ по морской

прогулкѣ. Обѣдъ проходитъ въ сосредоточенномъ настроеніи.

Механикъ Холмсъ записываетъ мнѣ свой адресъ:

— На всякій случай!.. Если придется быть въ Копенгагенѣ!..

— Въ Гонгконгѣ у васъ остаются друзья! — говоритъ геръ Крингъ.

— Не забудьте Шанхай! — говоритъ миссъ Ада Свенсонъ.

Христіанъ Рассмуссенъ, его фру, лейтенантъ Нильсенъ, ботаникъ, каждый, въ свою очередь, беретъ съ меня слово посѣтить его въ Даніи.

Кохмейстеръ Боа вноситъ въ серебряномъ ведрѣ двѣ бутылки шампанскаго. Приподымаюсь съ дивана. На минуту наступаетъ молчаніе:

— Мине дамеръ окъ херреръ...

Такъ начинается моя рѣчь. Она коротка и заключаетъ всего четыре фразы. Достоинство ея въ томъ, что она произносится на датскомъ языкѣ, со всѣми необходимыми удареніями. Этимъ я обязанъ механику и нѣсколькимъ репетиціямъ:

— Окъ ну тиль слютъ виль якъ удбринге аллесъ — сколль!..

— Сколль дересъ гамле Данмаркъ!...

Кончаю прощальную рѣчь.

Дамы выслушиваютъ ее съ изумленными и сочувственными улыбками. Мужчины криками „браво!" заключаютъ послѣднюю фразу. Пронзительный вой воздушной сирены врывается въ каютъ-компанію, создавая иллюзію прощальнаго салюта...

Морской путь законченъ.

„Азія" входитъ въ Эльбу, плавно разсѣкая ея темныя воды.

Проходитъ часъ, другой, томительнаго волненія. Въ вечернихъ сумеркахъ загораются огни. Навстрѣчу уже плывутъ колоссальные доки, краны, пароходныя трубы, лѣса нескончаемыхъ мачтъ.

Ихъ цѣлыя сотни, тысячи, десятки тысячъ.

Воочію убѣждаешься въ грандіозности этого гигантскаго порта, можетъ быть, даже теперь все еще сохраняющаго первое мѣсто въ Европѣ, наряду съ Лондономъ.

Вдали уже высятся каменныя чудовища съ огненными глазами. Огромный городъ плыветъ все ближе и ближе. Серебряныя змѣи купаются въ черной водѣ...

Спутники окружаютъ меня тѣснымъ кольцомъ. Бой выноситъ вещи на палубу. Послѣднія пожеланія, рукопожатія. Черезъ четверть часа схожу по трапу на гранитную мостовую:

— Прощай, „Азія"!.. Прощайте, друзья!.. Прощай, Санъ-Мо!..

Альстеръ и Юнгфернстигъ.

Я на нѣмецкой землѣ.

Толстый, налитый пивомъ фурманъ, въ синей крылаткѣ, съ цилиндромъ на головѣ, подкатываетъ къ таможнѣ. Паспортъ съ нѣмецкою визой не вызываетъ сомнѣній. Тѣмъ болѣе, что на немъ отмѣтка „дурхрейзе". Таможенная процедура протекаетъ такъ же гладко и быстро.

Фурманъ садится на козлы и взмахиваетъ бичомъ:

— Цуръ Кронпринценъ?.. Нихтъ варъ?..

Это „нихтъ варъ" начинаетъ меня преслѣдовать теперь на каждомъ шагу.

Старая, разбитая на ноги кляча, натягиваетъ постромки. Карета трогается. Шагомъ переѣзжаемъ туннель подъ Эльбой.

Оригинальное сооруженіе, съ изображеніемъ какихъ то мифологическихъ рыбъ на сырыхъ стѣнахъ, скупо освѣщенное электрическимъ свѣтомъ, тянется на безконечное разстояніе.

Потомъ, колеса кареты тарахтятъ по каменнымъ плитамъ, катятся по асфальту городскихъ улицъ и останавливаются на центральной площади, возлѣ отеля.

Фурманъ беретъ съ меня десять тысячъ марокъ и приподымаетъ цилиндръ:

— Данке шенъ, мейнъ геръ!..

Трое сутокъ — срокъ незначительный, чтобы ознакомиться съ Гамбургомъ. Въ мою задачу, впрочемъ, это не входитъ. Европейскія столицы не представляютъ для меня интереса.

Я не хочу этимъ сказать, что Гамбургъ не заслуживаетъ вниманія. Напротивъ, многое въ немъ достойно приковать взоръ любого туриста и, въ особенности, поклонника ганзейской старины.

Но я не археологъ и не историкъ. Равнодушно прохожу мимо его знаменитой городской ратуши, монументальныхъ музеевъ, библіотекъ, памятниковъ, хранящихъ завѣты славнаго прошлаго.

Меня интересуетъ Гамбургъ съ эстетической стороны.

Въ чемъ главная красота?

Разумѣется, въ изумительномъ Альстерѣ, образующемъ въ центрѣ города гигантскій водный бассейнъ, единственный въ своемъ родѣ.

А кругомъ—роскошная Юнгфернстигъ, Альстервегъ, Бельвю, Шене-Аусзихтъ, Шванненвикъ, Анъ деръ Альстеръ, съ стильными особняками, въ кружевѣ вѣковыхъ липъ и каштановъ.

Этотъ бордюръ, окаймляющій гигантское озеро со всѣхъ сторонъ, представляетъ прекрасное зрѣлище.

Сейчасъ—январь, сырой, мокрый, промозглый январь.

Можно себѣ представить, какъ выглядитъ Альстеръ весной, въ серебристыхъ лучахъ майскаго солнца, въ душистыхъ пятнахъ сирени, розъ и жасмина, съ лебедями на зеркальной водѣ?

Къ озеру примыкаетъ сѣть тихихъ замкнутыхъ уличекъ. Одинъ особнякъ лучше другого. Нѣчто подобное я наблюдалъ когда-то въ Франкфуртѣ на Майнѣ, на извѣстныхъ улицахъ композиторовъ — Мендельсонъ, Бетховенъ, Моцартъ-штрассе, движеніе на которыхъ производится исключительно только на велосипедахъ или на роликахъ. Но здѣсь все это еще богаче, еще роскошнѣй.

Вотъ, напримѣръ—Блуменштрассе.

Это настоящій цвѣтникъ самыхъ изысканныхъ виллъ, самаго разнообразнаго стиля. Кому принадлежатъ онѣ?.. Лицамъ королевскаго дома, принцамъ крови, титулованной аристократіи?..

Это было, можетъ быть, раньше.

Теперь сняты съ фронтоновъ гербы и короны. Въ большинствѣ случаевъ, на дверяхъ сверкаютъ демократическія дощечки, съ скромными фамиліями владѣльцевъ:

Іоганнъ Іогансонъ.

Цанарцтъ.

Эти демократы — зубные врачи, адвокаты, ювелиры, представители тяжелой индустріи, короли биржи и капитала...

Каменный Бисмаркъ.

Альстеръ хорошъ днемъ.

Феерическое зрѣлище представляетъ онъ ночью, съ яркими огнями, окаймляющими его берега, съ великолѣпнымъ Ломбардсбрюке, по которому ежеминутно проносятся освѣщенные поѣзда.

Къ Гамбургу, съ двухъ сторонъ примыкаютъ предмѣстья — Альтона и Вандсбекъ. Въ сѣверо-западной части Альтоны, достаточно удаленной отъ центра города, расположенъ знаменитый зоологическій садъ Гагенбека. Сейчасъ, садъ

закрытъ. Большинство звѣрей погибло за время войны. Гагенбекъ содержитъ городской циркъ.

Какъ во всякомъ нѣмецкомъ городѣ, въ Гамбургѣ, разумѣется, нѣтъ недостатка въ памятникахъ. Памятникъ Вильгельму I, Шиллеру, Лессингу и многимъ, многимъ другимъ. Оригинальна бронзовая группа, въ честь павшихъ на войнѣ 1870 года.

Но совершенно исключительнымъ образомъ увѣковѣчена память Бисмарку.

Въ той части города, которая примыкаетъ непосредственно къ Эльбѣ, стоитъ гранитное сооруженіе, увѣнчанное фигурой желѣзнаго канцлера, въ древне-германской тогѣ, опирающагося на длинный мечъ. Памятникъ окруженъ съ трехъ сторонъ каменной кладкой.

Это настоящая циклопическая постройка!

Одна фигура Бисмарка не менѣе пяти саженъ. Матеріала, употребленнаго на сооруженіе памятника, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы замостить сплошь Великія Луки, Чебоксары или Бѣлую Церковь...

На лысый черепъ Бисмарка садится ворона.

Она сидитъ нахохлившись, поджавъ крылья, устремивъ на меня зоркій взглядъ. Время отъ времени, разѣваетъ свой сѣрый клювъ и кричитъ:

— Каррръ!..

— Каррръ!..

— Каррръ!..

Она привѣтствуетъ меня съ возвращеніемъ въ Европу...

Я убѣжденъ, что если гамбургскій нѣмецъ случайно прочтетъ мое описаніе города, онъ останется недоволенъ.

Но повторяю, въ три дня изучить Гамбургъ нельзя. Кромѣ того, я не изслѣдователь, не археологъ. Я — обыкновенный туристъ, останавливающій свое вниманіе на томъ, что мнѣ нравится.

Главное я отмѣтилъ. Остальное общеизвѣстно. Луна въ Гамбургѣ такая же точно, какъ въ Рот-

тердамѣ. Такой же промозглый воздухъ. Такіе же воробьи въ мокрыхъ, сѣрыхъ, безлистыхъ скверахъ.

Если же въ моемъ очеркѣ встрѣтится иная несообразность, это меня также мало смущаетъ. Пусть это будетъ моею данью за русскую „клюкву“...

Девятаго января разстаюсь съ Гамбургомъ.

— Абфартъ!

Поѣздъ двигается и грохочетъ на стыкахъ.

Желѣзнодорожныя станціи мелькаютъ одна за другой. Въ окна купэ разстилается сѣрый нѣмецкій пейзажъ. Окаймленныя насажденіями шоссированныя дороги, красныя остроконечныя кирки, огороженныя поля, просвѣчивающія жидкія рощи.

Вытаскиваю газеты и натыкаюсь въ „Рулѣ“ на замѣтку дальневосточнаго корреспондента, сообщающаго о событіяхъ въ Владивостокѣ и, между прочимъ, объ арестѣ большевиками генерала Болдырева...

Мои размышленія прерываются.

Пожилой человѣкъ, въ сѣромъ костюмѣ, съ золотыми очками на плотномъ бритомъ лицѣ, принимаемый мною за чистокровнаго нѣмца, вступаетъ въ бесѣду:

— Изволите интересоваться русскою прессой... Не изъ Парижа-ли случайно, смѣю спросить?

Встрѣча съ соотечественникомъ всегда пріятна.

Въ моемъ положеніи это чувствуется съ особою силой. Сразу повѣяло милымъ россійскимъ духомъ, соприкоснуло съ какимъ-то животворящимъ источникомъ, въ одно мгновенье перенесло въ давно покинутымъ берегамъ.

Русскій интелигентъ, вдобавокъ москвичъ, вдобавокъ всего какихъ нибудь полгода тому

назадъ прибывшій съ дѣловымъ порученіемъ въ Гамбургъ... Я прохожу мимо нашей принадлежности, конечно условной, къ двумъ противоположнымъ лагерямъ. Скажу больше, встрѣча не съ эмигрантомъ, а съ подлиннымъ гражданиномъ совѣтской Россіи, представила для меня, въ данномъ случаѣ, особенный интересъ.

Вотъ такъ неожиданное знакомство!..

Само собой разумѣется, что завязавшаяся бесѣда, перепархивая съ темы на тему, затронула очень быстро политическую проблему.

Мой собесѣдникъ не обнаруживаетъ вначалѣ склонности удовлетворить мое любопытство. Съ одной стороны, кругъ его дѣятельности ограниченъ узкою спеціальностью... Съ другой — колесо русской политической жизни вращается по такимъ смутнымъ и неопредѣленнымъ путямъ, что сдѣлать какой либо выводъ болѣе чѣмъ затруднительно...

Тѣмъ не менѣе, человѣкъ съ золотыми очками, въ осторожной и сдержанной формѣ, дѣлится московскими впечатлѣніями, наблюденіями надъ русской дѣйствительностью, обнаруживая освѣдомленность въ вопросахъ даже деликатнаго свойства. Его бесѣда полна остраго интереса. Его объективная оцѣнка событій и положенія придаетъ словамъ убѣдительность. И особой значительностью звучатъ слова, произнесенныя съ оттѣнкомъ не то горечи, не то насмѣшки:

— Гніемъ-съ!.. Гніемъ на корню!.. Безповоротно и окончательно!..

Въ окна спускаются сумерки.

Падаетъ мокрый снѣгъ.

Скучно!..

БЕРЛИНЪ.

Глава пятнадцатая, безъ особой системы, съ варіаціями на разноцвѣтныя темы.

Нѣмецкое горе.

Портной Квастъ былъ тотъ нѣмецъ, который оказалъ мнѣ первое гостепріимство. Въ его маленькой квартиркѣ на Эйхендорфштрассе, въ двухъ шагахъ отъ штеттинскаго вокзала, я прожилъ ровно недѣлю.

А потомъ — пансіонъ фрау Кебке, на Шлюттеръ-штрассе, въ противоположномъ углу города, въ Шарлоттенбургѣ, куда я переселился съ тѣмъ, чтобы находиться ближе къ русской колоніи...

Я не буду утомлять вниманіе деталями и подробнымъ пересказомъ своихъ берлинскихъ впечатлѣній. Все это хорошо извѣстно и не представляетъ особаго интереса. Конечно, Берлинъ измѣнился. Конечно, это не тотъ довоенный Берлинъ, съ самодовольными нѣмцами, съ марширующими колоннами, съ остроконечными касками, съ вахтпарадами и бравурной военною музыкой, самоувѣренный, кичливый, гордый Берлинъ, посягнувшій на міровое владычество.

Берлинъ измѣнился. Современный Берлинъ хранитъ трауръ по неудачной войнѣ. Ея послѣдствія выражены опредѣленно. Погибъ цвѣтъ страны. Обезкровлена былая мощь. Растерянность и печаль, злоба и разочарованіе проглядываютъ и чувствуются на всемъ.

И къ довершенію всего — паденіе марки,

катастрофическая инфляція, принимающая зловѣщій характеръ, оставляющая позади даже астрономическую валюту РСФСР.

Валютная вакханалія ширится съ каждымъ днемъ. Тучи иностранцевъ, привлеченныя необычайною дешевизной, слетаются въ гигантскій городъ, со всѣхъ концовъ, представляя рѣзкій контрастъ съ обнищавшими нѣмцами. Германія распродается оптомъ и въ розницу.

Да, неудачный жребій войны оставилъ неизгладимый слѣдъ!

Нѣмцы еще не могутъ придти въ себя отъ проигрыша кампаніи, отъ результатовъ неслыханнаго кровопусканія, въ которое ихъ окунула самоувѣренность военныхъ вождей и бездарная дипломатія кайзера.

— Думхейтъ!. Ирртумъ! . Иррзиннъ!..

Такъ, стиснувъ зубы отъ боли и горечи, опредѣляетъ каждый порядочный нѣмецъ кровавую гекатомбу и то роковое рѣшеніе, которое, въ несчастный день 1 августа 1914 года, повлекло за собой цѣпь трагическихъ не только для нѣмецкаго народа событій.

Но нація дѣлаетъ героическія усилія, чтобы освободиться отъ захлестнувшей горло петли. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при своихъ неоцѣнимыхъ качествахъ — трудолюбіи и настойчивости, системѣ, сознаніи долга и національномъ единствѣ, Германія, мало по малу, выйдетъ снова на широкій міровой путь...

Моя „дурхрейзе“ черезъ Берлинъ затянулась на неожиданно долгій срокъ. Рядъ обстоятельствъ заставилъ меня взглянуть на Берлинъ не какъ на промежуточную дорожную станцію, а какъ на широкую базу, для направленія дальнѣйшихъ шаговъ.

Такъ или иначе, я застрялъ въ Берлинѣ на восемь мѣсяцевъ. Срокъ болѣе чѣмъ достаточный, чтобы сохранить о немъ воспоминаніе на всю жизнь...

Когда зеленѣютъ липы.

Стояла дождливая мокрая берлинская зима.

Какимъ сѣрымъ контрастомъ представляется это хмурое свинцовое небо, эти влажныя панели и асфальтъ мостовыхъ, эти озабоченныя лица толпы — по сравненію съ недавними яркими впечатлѣніями?

Какъ неприглядна Европа послѣ красокъ цейлонскаго и китайскаго юга!..

Тропическая сказка закончилась... Исчезъ міръ несказаннаго очарованія... Впереди — мрачные будни...

Я не обольщалъ себя розовыми надеждами. Я не строилъ иллюзій въ отношеніи привольной и свѣтлой жизни. Борьба за существованіе предстояла, несомнѣнно, жестокая.

На какомъ поприщѣ?

Мелкимъ коммивояжеромъ, агентомъ мануфактурной фирмы или контролеромъ спальныхъ вагоновъ, при особой удачѣ? Прикащикомъ въ магазинѣ или лакеемъ въ кафэ? Можетъ быть, фурманомъ, развозящимъ по городу, на парѣ грузныхъ ломовиковъ, баварское пиво?..

Но раньше нежели принять какой либо планъ, было естественнымъ установить контактъ съ эмиграціей и ея представительными органами.

Это было осуществлено въ короткій срокъ.

Отъ военной агентуры на Уландъ-штрассе — къ центральному представительству на Инъ денъ Цельтенъ. Отъ „Града Китежа“, съ моимъ бывшимъ начальникомъ, командиромъ гвардейскаго кавалерійскаго корпуса, генераломъ Арсеньевымъ — къ І. Гессену, въ редакцію „Руля“. Отъ „Высшаго монархическаго совѣта“ — къ эсеровскимъ „Днямъ“. Русская церковь, русскіе рестораны и магазины, „Кустпромъ“, эмигрантскіе комитеты и эмигрантскія общежитія — все было изслѣдовано добросовѣстнымъ образомъ. Нужно-

ли говорить, что была установлена тѣсная связь съ полусотней старыхъ друзей и знакомыхъ, такъ или иначе, оказавшихся въ нѣмецкой столицѣ...

Я не скажу, чтобы общее впечатлѣніе, вынесенное изъ этихъ встрѣчъ, бесѣдъ, наблюденій, было очень благопріятнымъ. Многое смущало и наполняло сознаніе тревогой и безпокойствомъ. И странное дѣло — только что окунувшись въ нѣмецкое море, я ощутилъ, съ необычайною силой, при всемъ своемъ космополитизмѣ, приступы самой жгучей ностальгіи.

Раньше я въ этомъ никогда бы себѣ не признался.

Можетъ быть, это произошло оттого, что трехлѣтняя жизнь на дальневосточной окраинѣ, на русской землѣ, среди русскихъ людей и обычаевъ, слишкомъ избаловала? Можетъ быть потому, что не было опредѣленной работы?

А главное — по не совсѣмъ понятной причинѣ, съ первыхъ шаговъ, меня охватило какое-то тяжелое предчувствіе, гнетущая, смутная, непередаваемая тоска и душевное равновѣсіе готово было заколебаться. Я не могъ оставаться въ покоѣ и цѣлыми днями колесилъ по гигантскому городу. Я не могъ пребывать въ одиночествѣ и искалъ общества старыхъ друзей. Съ особеннымъ удовольствіемъ заглядывалъ къ Сашѣ Черному, который угощалъ меня свиными котлетами, и, указывая на диванъ, каждый разъ, предупредительно говорилъ:

— Не садитесь на этотъ край... Здѣсь сидѣлъ гадъ!..

Подъ „гадомъ" подразумѣвался, ставшій смѣновѣховцемъ, графъ Алексѣй Толстой...

Между тѣмъ, наступала весна.

Душистымъ кружевомъ зазеленѣли берлинскія липы. Проснулись снова надежды. Наличіе пятнадцати англійскихъ фунтовъ давало мнѣ право считать себя пока еще милліонеромъ...

Тиргартенъ.

Ансбахеръ-штрассе, въ одномъ изъ каменныхъ ящиковъ которой снимаю комнату за долларъ въ мѣсяцъ, имѣетъ много неоспоримыхъ достоинствъ.

Тихая, усаженная душистыми липами, улица не раздражаетъ суетой и безпокойнымъ движеніемъ.

Въ то же время все подъ рукой.

Съ одной стороны — Виттенбергъ-плацъ съ „унтергрундомъ" и сверкающей громадою „Ка-Де-Ве". Съ другой — Зоологическій Садъ и Тиргартенъ.

Тутъ же, по близости — бойкое „Цоо", съ газетными ларьками и „Байрише Квелле", съ открытой террасой кафэ, на которой сидятъ англичанки, голландскіе купцы и американцы. Съ татерсалемъ и ипподромомъ, съ обширной площадкой для футбольной игры, на которой двадцатилѣтніе оболтусы цѣлыми днями гоняютъ кожаный мячъ. Съ металлическимъ кружевомъ и валомъ круговой желѣзной дороги, по которой ежеминутно проносятся переполненные публикой поѣзда...

Изъ татерсаля доносится веселое ржаніе лошадей.

На крупныхъ широкозадыхъ ганноверскихъ кобылахъ гарцуютъ кавалеры и амазонки. Но это не стройныя барышни съ цитенскими гусарами, которыхъ приходилось наблюдать когда-то, еще въ довоенное время. Въ большинствѣ, это толстые нувориши съ своими подругами. Однако, иногда я вижу прелестную молодую блондинку въ темномъ костюмѣ. Ножки ея облачены въ галиффэ и ботики съ маленькими шпорами. Она сидитъ въ сѣдлѣ по мужски, тонкая, граціозная, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, и держится такъ увѣренно и легко, что невольно обращаетъ вниманіе.

Тутъ же, въ тѣнистыхъ аллеяхъ Тиргартена, стоятъ люди въ знакомомъ „фельдграу“, въ картузахъ съ императорскими кокардами, съ тарелочкой на груди, въ нераздѣльномъ сообществѣ вѣрнаго пса на цѣпочкѣ — слѣпцы, съ трясущейся отъ страшной контузіи головой, съ выпеченными ядовитымъ газомъ глазами.

Изъ Зоологическаго Сада доносятся крики дикихъ звѣрей и павлиновъ. Старый слонъ Юмбо, въ раскачку, подходитъ къ рѣшоткѣ и протягиваетъ за булкой морщинистый хоботъ. Въ высокихъ пятисаженныхъ, возвышающихся надъ кирпичною оградою клѣткахъ, сидятъ на искусственныхъ „Андахъ“, облинявшіе кондоры, съ голою шеей. Они сидятъ часами, въ полной неподвижности, устремивъ глаза на блѣдное берлинское небо.

Широкій каналъ пересѣкаетъ дорогу. Берега его тщательно выложены гранитомъ. Сбоку лежитъ черная мраморная плита съ полузасохшимъ вѣнкомъ и надписью:

Германъ Фрике.

21 февраля 1904 г.

Эре зейнемъ анденкенъ!

Это — фузилеръ 2 гвардейскаго полка, погибшій при спасеніи утопавшихъ...

Черезъ каналъ ведетъ Лихтенштейнъ-брюке. По каналу плаваютъ дикія утки. Иногда онѣ срываются и, съ кряканьемъ, подымаются вверхъ. И странно созерцать ихъ крестовидный полетъ на фонѣ Гедехтнинской кирки...

Смѣновѣховскіе генералы.

Отполированная автомобильными шинами Курфюрстенъ-штрассе соединяется съ Лютцовъплацемъ небольшой улицей. Во второмъ этажѣ мрачнаго дома, въ квартирѣ вдовы коммерціи

совѣтника, Анны Нейвиндъ, помѣщается редакція журнала „Война и Миръ".

Если тронуть кнопку звонка, въ дверяхъ откроется глазокъ. Чей-то взоръ внимательно просверлитъ посѣтителя. Черезъ минуту двери откроются.

Небольшая комната уставлена книжными шкафами. На стѣнѣ—портретъ и бюстъ Гинденбурга, съ маршальскимъ жезломъ. На полу—бархатный коверъ, разставлена мягкая мебель, диванъ, низенькій столъ. За столомъ сидитъ редакціонный коллективъ, въ полномъ составѣ.

Все хорошо знакомыя когда-то лица.

Всѣ они въ штатскомъ. Но когда-то, взамѣнъ синяго пиджака, былъ защитный френчъ съ серебряными погонами, съ аксельбантомъ генеральнаго штаба, съ двуглавымъ царскимъ орломъ на металлическихъ пуговицахъ.

Генералъ Келчевскій—главный редакторъ.

Онъ порядочно сдалъ и его съ трудомъ можно узнать. Посѣдѣлъ, постарѣлъ, въ голосѣ чувствуется надломленность и усталость. Говоритъ сконфуженно, будто оправдывается:

— Журналъ, какъ вамъ извѣстно, чуждъ всякой политики!.. Никакой политики, только военная литература!.. Взгляните, даже орфографія старая! .

Дѣйствительно, орфографія старая. А содержаніе новое.

— Полковникъ Бауэръ пишетъ о газовой оборонѣ!.. Къ слѣдующему номеру обѣщалъ прислать статью Людендорфъ!.. Дайте намъ что нибудь по кавалерійскимъ вопросамъ!.. Гонораръ получите франками!..

Такъ говоритъ Келчевскій. Когда онъ разсказываетъ мнѣ о своей дѣятельности, въ періодъ гражданской войны, въ качествѣ начальника штаба донской арміи атамана Богаевскаго, его голосъ начинаетъ слегка дрожать. Много пришлось перенести личной обиды. Обвиненіе въ

предательствѣ и измѣнѣ, арестъ, лишеніе военнаго мундира...

Больное сердце не выдержало. Ни скорпіоновъ врангелевскаго штаба, ни колючаго жала тридцати полпредскихъ серебрениковъ. Совершенно внезапно, черезъ какую нибудь недѣлю, его хоронили...

Генералъ Достоваловъ, бывшій начальникъ штаба Кутепова, работаетъ надъ очередною статьей.

Припоминается первый годъ великой войны, варшавскіе и наревскіе бои, бравый молодой капитанъ съ георгіевскимъ крестомъ и золотымъ оружіемъ. Онъ мало измѣнился. Только прибавилось нѣсколько лишнихъ морщинъ на красивомъ энергичномъ лицѣ и свѣтлые волосы порѣдѣли.

Онъ работаетъ надъ описаніемъ „Галлиполійской десантной операціи союзниковъ". Прочитываетъ отрывокъ статьи, закуриваетъ папиросу, дѣлится воспоминаніями:

— Революція побѣдила!.. Самоувѣренная тупость однихъ, разгильдяйство другихъ — привели къ катастрофѣ... Минувшаго не воскресить... Была — бѣлая, стала — красная... Была Россія, стала — СССР... Не въ этомъ дѣло, все образуется... Главное дѣло — родина, которая всетаки существуетъ и требуетъ живыхъ новыхъ силъ... Нужно подсчитать про и контра и сдѣлать соотвѣтствующій выводъ!..

Такъ говоритъ Евгеній Александровичъ Достоваловъ. Говоритъ съ свойственнымъ краснорѣчіемъ и убѣдительностью. И для подтвержденія своихъ словъ, ловитъ взгляды единомышленниковъ...

Генералъ Носковъ — также членъ редакціоннаго коллектива.

Въ прошломъ — командиръ шефскаго полка, подносившій царю гренадерскую памятку и, въ глубинѣ души, мечтавшій вѣроятно о флигель-адъютантскихъ вензеляхъ. Впослѣдствіе — гене-

ралъ ставки. А послѣ ареста большевиками и пребыванія въ Петропавловской крѣпости, очутившійся на добровольческомъ югѣ и, одно время, передъ французскою эвакуаціей, бывшій правой рукой одесскаго Шварца.

Вспоминается паденіе Одессы, дни совмѣстнаго путешествія на „Коказѣ", вынужденное пребываніе на островѣ Халки, неутраченныя надежды, планы, предположенія...

Носковъ измѣнился. Моложавое лицо генерала утратило прежнюю свѣжесть, стало вялымъ, одутловатымъ. Кромѣ сотрудничества въ журналѣ, Носковъ выступаетъ съ военными фельетонами въ „Наканунѣ":

— Бѣлое движеніе — была ошибка!.. Это нужно понять!..

Генералъ Добророльскій также разочарованъ, но обиды и личныхъ мотивовъ у него, пожалуй, меньше. Правда, затравленный монархистами въ Сербіи, онъ безъ колебаній принялъ предложеніе редакціи и переѣхалъ въ Берлинъ.

Перо военнаго спеціалиста дастъ ему большій заработокъ, нежели служба въ загребскомъ почтамтѣ... Бѣлые или красные — въ концѣ концовъ, не все-ли равно?.. Военная доктрина не признаетъ этихъ оттѣнковъ.. Она, изволите видѣть, едина... И при Александрѣ Македонскомъ, и при Бонапартѣ, и при Львѣ Троцкомъ!..

Въ немъ говоритъ убѣжденный спецъ, ставящій свою профессію выше случайной игры и побѣды той или другой политической партіи.

Маленькій генералъ, въ кургузомъ костюмчикѣ, кстати, одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ армія, въ свое время, была обязана удачно проведенной мобилизаціей, вскакиваетъ съ дивана, бѣгаетъ по комнатѣ, жестикулируетъ, напоминая гнома изъ „Гензель и Гретель". На носу прыгаетъ пенснэ, крохотная фигурка подвижна, какъ раньше. Но нѣтъ больше ни рыжихъ усовъ, ни знаменитой козлиной бородки. Старческое лицо

въ предательской сѣткѣ морщинъ, а голова блеститъ, какъ бильярдный шаръ:

— Зо ундъ зо!.. А недурна эта Лоттхенъ изъ „Байрише-Квелле!“.. Зеръ нэттъ!.. Какъ вы думаете, дорогой, я могу имѣть у нее успѣхъ?..

Звенитъ тревожный звонокъ.

Генералы срываются съ мѣстъ и погружаются въ работу.

Входятъ незнакомыя личности изъ полпредства...

Въ эсэровскомъ штабѣ.

„Унтергрундъ“ переноситъ въ противоположный уголъ Берлина, на площадь съ французскимъ названіемъ „Белль-Альянсъ“, въ самый центръ нервной, лихорадочно пульсирующей городской жизни.

Здѣсь — начало Фридрихъ-штрассе, съ пересѣкающей ее, еще болѣе знаменитой, „Унтеръ денъ Линденъ“, съ Бранденбургскими Воротами и лежащей неподалеку Аллеей Побѣды. Здѣсь — средоточіе коммерческой, дѣловой, общественной жизни гигантскаго города.

Пышетъ іюльское солнце. Раскаленный асфальтъ подается подъ каблукомъ. Дымовая завѣса подымается къ облакамъ. И блѣдное берлинское небо кажется еще болѣе блѣднымъ...

На Линденъ-штрассе, одной изъ главныхъ артерій центральнаго города, стоитъ небоскребъ. Лицевой фасадъ его сплошь занятъ конторами. Въ проходныхъ дворахъ — запахъ краски, бензина, свинцовая пыль типографій.

Душно, томительно, знойно.

Асфальтовый полъ усѣянъ бумажной макулатурой, обрывками „Соціалистическаго Вѣстника“, нѣмецкаго „Форвертса“.

Въ третьемъ дворѣ, направо — узкая дверь съ скромною наклейкою — „Дни“. По крутой

лѣстницѣ нужно подняться на верхній этажъ, подъ чердакъ, на самое верхотурье. Шагъ за шагомъ отмѣриваешь ступени, считаешь, пока не пропадаетъ охота:

— Сто двадцать пять!.. Сто двадцать шесть!..

На седьмомъ этажѣ давитъ низкій потолокъ, слѣпитъ яркое солнце, а дворъ изъ окошка представляется бездоннымъ колодцемъ.

Здѣсь — главный эсеровскій штабъ.

По сторонамъ колѣнчатаго корридора расположенъ рядъ комнатушекъ, изъ которыхъ то и дѣло выбѣгаютъ какіе-то люди, въ сѣрыхъ подержанныхъ пиджачкахъ. Слышится родная русская рѣчь. Миловидная барышня, въ свѣтлой блузкѣ, стрекочетъ на „мерседесъ". Нѣкто во френчѣ, въ военныхъ брюкахъ, заправленныхъ въ рыжіе сапоги, уныло маршируетъ по корридору.

Въ „секретарской", за стаканомъ остывшаго чая, сидитъ молодой человѣкъ вороной масти — секретарь редакціи Вороновичъ.

Онъ бывшій пажъ и офицеръ императорской гвардіи, участникъ славнаго кавалерійскаго боя подъ Каушеномъ, который весьма красочно описалъ, ко дню девятой годовщины, въ газетѣ. Въ періодъ „великой-безкровной" сталъ депутатомъ и предсѣдателемъ лужскаго рабоче-солдатскаго совѣта. А потомъ, былъ даже начальникомъ штаба у какихъ-то „зеленыхъ", въ новороссійскомъ районѣ.

Въ общемъ, не человѣкъ, а можно сказать, солнечный спектръ.

Вороновичъ роется въ редакціонныхъ вѣдомостяхъ, свѣряетъ десятизначныя цыфры, отсчитываетъ сотрудникамъ причитающіеся „мильоны"...

Въ отдѣльной комнаткѣ сидитъ Алдановъ.

Маленькая фигурка, въ синемъ шевіотѣ, склонилась надъ столомъ и разбирается въ ворохѣ „манускриптовъ". Движенія спокойны, размѣренны, методичны. Въ сѣрыхъ, слегка близорукихъ, глазахъ—затаенная грусть.

Маркъ Александровичъ завѣдуетъ литературнымъ отдѣломъ. Онъ еще сравнительно молодъ, лѣтъ тридцати восьми—сорока. Но успѣлъ уже создать себѣ репутацію крупнаго мастера.

Что же касается политическихъ взглядовъ, Маркъ Александровичъ, несомнѣнно, такой же „соціалистъ", какъ приблизительно—Милюковъ.

Вспоминаю и съ нимъ послѣдніе дни Одессы, французскую эвакуацію, совмѣстное путешествіе на „Коказѣ" къ невѣдомымъ берегамъ...

Алдановъ улыбается:

— Сколько воды утекло, а кажется словно вчера!.. Думаю перебираться въ Парижъ!..

Въ сосѣдней комнатѣ слышны оживленные голоса.

Здѣсь можно увидѣть эсеровъ-политиковъ, эсеровъ-журналистовъ, русскихъ пражанъ, русскихъ парижанъ, русскихъ вѣнцевъ, Полякова-Литовцева, Волковысскаго, Изюмова, Соловейчика, Троцкаго и другихъ.

Мелкими шажками вбѣгаетъ Петрищевъ.

Сѣренькій пиджачокъ, хлопотливо-добродушная внѣшность, бородка, очки. Такіе встрѣчались когда-то на засѣданіяхъ уѣздной земской управы, въ статистическомъ комитетѣ, на педагогическомъ съѣздѣ. Петрищевъ, по приглашенію ГПУ, сравнительно недавно покинулъ предѣлы СССР и весь пронизанъ еще московскими ароматами.

У Зензинова, который входитъ слѣдомъ за нимъ, обликъ болѣе импозантный. Расчесаны слегка кудрявящіеся русыя кудри. Моложавое лицо тщательно выбрито подъ „англичанина". Костюмъ и манеры обличаютъ человѣка, побывавшаго не только въ Сибири, но даже въ Америкѣ.

Зензиновъ интересуется политическимъ положеніемъ на Дальнемъ Востокѣ, разспрашиваетъ о старыхъ знакомыхъ, въ частности, о бывшемъ приморскомъ „главкосопѣ", генералѣ Болдыревѣ.

Когда-то, оба они входили въ составъ уфимской Директоріи:

— Василій Георгіевичъ остался въ Владивостокѣ?.. Но вѣдь это безуміе!.. Не понимаю!..

— Василій Георгіевичъ — безстрашный солдатъ!.. „Мое имя принадлежитъ русскому народу и исторіи!..“ Вотъ его подлинныя, сказанныя на прощанье, слова!..

Зензиновъ задумывается.

Какъ извѣстно, Болдыревъ избѣгъ трагической участи бѣлогвардейскаго офицерства. Съ захватомъ Владивостока нарреварміей товарища Уборевича, В. Г. былъ арестованъ и провелъ въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣкоторыя газеты успѣли, впрочемъ, его „разстрѣлять“. Въ настоящее время, В. Г. благополучно проживаетъ въ Сибири и служитъ въ омскомъ реввоенсовѣтѣ.

Отъ неизвѣстности къ славѣ — одинъ шагъ, обратно — еще меньше...

Наблюдая всѣхъ этихъ эсерствующихъ и эсеровъ, сидящихъ, на эмигрантскомъ положеніи, подъ крышей высокаго дома на Линденъ-штрассѣ, представляется, что не существуетъ на свѣтѣ болѣе милыхъ, скромныхъ и добродушныхъ людей.

И еще кажется почему-то, что эти идеалисты, изъ соціалистической благопристойности травящіе въ своей газетѣ монархію и монархистовъ, въ глубинѣ души сами вздыхаютъ о многомъ, безвозвратно ушедшемъ вмѣстѣ съ городовымъ на Невскомъ Проспектѣ, вмѣстѣ съ желтымъ императорскимъ штандартомъ на Зимнемъ дворцѣ...

Наблюденія неожиданно прерываются. Снова хлопаетъ дверь.

Кто-то, съ наголо выбритой головой, съ мѣшками вокругъ глазъ, на блѣдномъ, бритомъ, одутловатомъ лицѣ, влетаетъ въ комнату. Голосъ звучитъ самоувѣренной рѣзкостью, смутно воскрешающей что-то далекое, неотвратимо-знакомое.

— Полковникъ!.. Дѣло за номеромъ двадцать пятымъ!.. Да поживѣй!..

И фигура исчезаетъ за дверью.

Полковникъ во френчѣ, въ военныхъ брюкахъ, заправленныхъ въ рыжіе сапоги, исполняетъ обязанности „редакціоннаго мальчика“. Онъ неохотно лѣзетъ на полку и, сквозь зубы, бросаетъ:

— А, чортъ!..

— Кто это такой?

— Кто такой?.. Этотъ самый!.. Керенскій!..

Берлинскіе монархисты.

Нѣтъ, что бы тамъ не разсказывали, а Шарлоттенбургъ наиболѣе привлекательная часть нѣмецкой столицы!

Недаромъ его облюбовала русская эмиграція.

Улицы широки и нарядны. Величественныя громады плѣняютъ роскошью стиля. Конфексіоны, рестораны, кафэ—ласкаютъ глазъ выставочнымъ убранствомъ, отдѣлкой, уютомъ. Бронзовыхъ и каменныхъ истукановъ здѣсь значительно меньше, нежели въ центральной, казарменной части Берлина. На всемъ—печать извѣстнаго модернизма.

А главное — липы.

Липы, липы и липы, душистымъ кружевомъ обрамляющія безконечную артерію Курфюрстендамма и всѣхъ этихъ безчисленныхъ Гете—Шиллеръ—Лейбницъ, столь тѣсно связанныхъ съ исторіей нѣмецкой литературы, штрассе.

Нашествіе русскихъ скифовъ наблюдается здѣсь на каждомъ шагу. Русская рѣчь, русскія газеты, русскіе рестораны. И нѣмецкіе лавочники угрюмо острятъ, предсказывая, что въ близкомъ будущемъ придется вывѣшивать аншлаги:

Манъ шприхтъ дейчъ!..

Высшій монархическій совѣтъ помѣщается на Лютцовъ-штрассе, въ просторной барской квартирѣ.

Медленною походкой бродятъ по комнатамъ опрятные старички. Кто-то стучитъ на машинкѣ.

Монархическія дамы и барышни оклеиваютъ бандеролями „Вѣстникъ“. Слышенъ разговоръ о панихидѣ по усопшемъ князѣ Н., о молебствіи въ русской церкви на Находъ-штрассе, о предстоящемъ докладѣ.

Послѣдніе продолжаютъ привлекать вниманіе эмиграціи.

Доклады происходятъ тутъ же, неподалеку, въ обширной аудиторіи какого-то нѣмецкаго ферейна. Всѣ стулья заняты. Въ проходахъ разгуливаютъ и раздаютъ афиши молодые люди, въ свѣжевыутюженныхъ костюмахъ, съ тщательными проборами бѣлогвардейскаго типа. Здѣсь можно встрѣтить представителей, главнымъ образомъ, праваго политическаго теченія.

Рѣчи не блещутъ новизной и оригинальностью темы. Звучатъ однѣ и тѣ же слова. Звучитъ одинъ и тотъ же припѣвъ. Слышенъ одинъ и тотъ же „плачъ на рѣкахъ вавилонскихъ“.

Заключительное слово говоритъ обычно Марковъ 2. Онъ постарѣлъ, запустилъ бороду и совершенно утратилъ былое внѣшнее сходство съ Петромъ I.

Успѣхомъ пользуются и доклады на Ноллендорфъ-плацѣ, въ особенности, выступленія „еврея его величества“ — Бикермана...

На Уландъ-штрассе помѣщается военное представительство. Генералъ Лампе, бывшій семеновецъ, плотный, гладкій, съ представительными манерами, исполняетъ обязанности военнаго агента.

По требованію совѣтскаго правительства, нѣмцы закрыли военное представительство и оно функціонируетъ, какъ отдѣленіе Краснаго Креста.

Здѣсь также трещатъ машинки и бѣгаютъ молодые люди. Отдаются распоряженія, происходитъ пріемъ просителей и регистрація.

Просителей встрѣчаютъ съ предупредительною улыбкой. Если внѣшній видъ отмѣтаетъ

мысль о матеріальной необезпеченности просителя, улыбка дѣлается еще шире.

Здѣсь можно встрѣтить исключительно лишь правую берлинскую эмиграцію — твердокаменныхъ исповѣдниковъ монархизма. Годы изгнанія и лишеній на всѣхъ наложили печать.

Вотъ — генералъ А. А. Мосоловъ, бывшій помощникъ и фактически замѣщавшій министра двора и начальника главной императорской квартиры, престарѣлаго графа Фредерикса.

Вотъ — бывшій начальникъ статутной канцеляріи, камергеръ Злобинъ. Тотъ самый Злобинъ, который подписывалъ высочайшую грамоту, препровождавшуюся при пожалованіи ордена. Все бывшее офицерство и чиновничество, конечно, хорошо помнитъ эту фамилію. Камергеръ совсѣмъ одряхлѣлъ и, какъ большинство, проживаетъ въ тяжелыхъ условіяхъ.

Время отъ времени, появляются заслуженные генералы, бывшіе командующіе арміями, командиры корпусовъ и дивизій, въ штатскихъ, мѣшковато сидящихъ костюмахъ.

Иногда зайдетъ — Боткинъ, сенаторъ Бельгардъ, бывшій губернаторъ, бывшій егермейстеръ или гофмаршалъ.

Появлялся и мой старый, добрый начальникъ, бывшій командиръ полка синихъ гатчинскихъ кирасиръ — генералъ отъ кавалеріи баронъ Раушъ фонъ Траубенбергъ.

Забѣгалъ мимоходомъ казачій генералъ Шкуро.

Маленькій, щупленькій, съ бѣгающими во всѣ стороны, острыми глазками. Вмѣсто прежней волчьей папахи, на головѣ котелокъ. Вмѣсто кавказской бурки — узенькое, въ обтяжку, драповое пальто съ бархатнымъ воротникомъ. На ногахъ — модные лаковые штиблеты при сѣрыхъ камашахъ.

И грознаго партизана, гремѣвшаго нѣкогда на добровольческомъ югѣ, въ этомъ нарядѣ не

отличить отъ фланера или шибера съ Тауэнцинъштрассе...

По субботамъ, къ семи часамъ вечера, въ представительствѣ собираются офицеры генеральнаго штаба. Человѣкъ десять-пятнадцать.

Ихъ нынѣшняя профессія крайне разнообразна.

Одинъ служитъ приказчикомъ въ книжномъ магазинѣ Ольги Дьяковой. Другой ставитъ заплаты на нѣмецкіе башмаки. Третій, съ наступленіемъ осени, занимается китобойнымъ промысломъ на норвежскомъ суднѣ.

Иногда собраніе посѣщаетъ генералъ Толмачевъ.

Знаменитый, въ свое время, одесскій градоначальникъ сталъ совсѣмъ старикомъ. Но маленькіе глазки смотрятъ по прежнему испытующе и сердито изъ подъ мохнатыхъ бровей:

— Работать нужно, господа!.. Работать!.. Побольше общихъ усилій!..

Безкровныя губы шепчутъ еще что-то такое. Онъ прибылъ не такъ давно изъ Японіи, гдѣ такъ же принималъ участіе въ какой-то работѣ. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на Дальнемъ Востокѣ. Во времена адмирала Колчака, онъ былъ однимъ изъ безчисленныхъ „представителей", и занимался періодическими прогулками изъ Токіо въ Владивостокъ.

Послѣвоенный Берлинъ приводитъ бывшаго градоначальника въ недоумѣніе:

— Жидовъ-то, жидовъ!..

И старый градоначальникъ вспоминаетъ родную Одессу съ союзомъ Михаила Архангела...

Лампе читаетъ послѣдній врангелевскій приказъ. Присутствующіе посвящаются въ свѣжую информацію:

— Армія существуетъ и по приказу Вождя исполнитъ свой долгъ!

Лампе кончаетъ приказъ и переходитъ къ очередному докладу о фашизмѣ.

Начинаются пренія.

Генералъ Палицынъ приподымается съ кресла:

— Простите старика... Нездоровится что-то!..

Бывшій ближайшій помощникъ великаго князя Николая Николаевича на посту генералъ-инспектора кавалеріи и первый начальникъ русскаго генеральнаго штаба, Федоръ Федоровичъ Палицынъ, серьезно боленъ грудною жабой. Тѣмъ не менѣе, превозмогая болѣзнь, аккуратно посѣщаетъ субботнія засѣданія.

Я зналъ его хорошо. Онъ былъ когда-то больше, нежели моимъ начальникомъ. Какъ сейчасъ, встаютъ, въ сознаніи, всѣ детали совмѣстной службы. Припоминаются даже подробности его личной семейной драмы. Изъ двухъ сыновей, одинъ сталъ жертвой воздухоплавательной катастрофы. Другой сынъ, молодой конногвардеецъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Очередное собраніе, Федоръ Федоровичъ посѣтилъ въ послѣдній разъ.

Черезъ три дня мы его хоронили.

На тегельскомъ кладбищѣ его опустили въ могилу, неподалеку отъ могилы Набокова и бывшаго императорскаго посла Свербеева.

Тегель — ширится и растетъ. Могилы съ православными крестами и русскими надписями прибавляются съ каждымъ днемъ.

У сосѣдней плиты сидитъ женщина въ черномъ.

Это — бывшая помѣщица, Буда-Жемчужникова. Она утираетъ лицо платкомъ, обводитъ взглядомъ могилы и шепчетъ:

— Вотъ наша Россія!

РИГА.

Глава шестнадцатая и послѣдняя, на которой авторъ, съ удовлетвореніемъ, ставитъ большую черную точку.

Вечеръ на Шпрее.

Берлинское лѣто въ разгарѣ.

Не взирая на экономическій кризисъ, внѣшняя жизнь бьетъ ключомъ.

На верховыхъ дорожкахъ Тиргартена по прежнему галопируютъ амазонки въ модныхъ вуалеткахъ и котелкахъ, кавалеры въ клѣтчатыхъ бриджахъ...

Въ Зоологическомъ саду каждый вечеръ играетъ военный оркестръ рейхсвера и тысячи нѣмцевъ, сидя за кружками пива, слушаютъ увертюру изъ „Лоэнгрина"...

Винтергартенъ и Луна-Паркъ, кино, варьетэ, кафэ Рушо и берлинскіе дансинги — полны веселящеюся толпой... По воскреснымъ днямъ, берлинцы выѣзжаютъ въ Груневальдъ, въ Потсдамъ, въ Ванзее... Вереницы велосипедистовъ, съ рюкзаками за плечами, скользятъ по асфальту Курфюрстенштрассе...

Время отъ времени, на тяжелыхъ грузовикахъ, съ красными флагами, ползутъ по улицамъ коммунистическія процессіи, разбрасывая на ходу прокламаціи. Публика, ухмыляясь, глазѣетъ на московскихъ наймитовъ. Монархическія организаціи не остаются въ долгу и, въ свою очередь, съ патріотическими пѣснями, дефилируютъ колоннами по Берлину. На такихъ же тяжелыхъ гру-

зовикахъ проносятся отряды бравыхъ „шупо“, въ лакированныхъ каскахъ.

И всюду автомобили, автомобили, автомобили...

Нельзя безъ чувства нѣкоторой досады наблюдать этихъ откормленныхъ, сытыхъ, самодовольныхъ людей, небрежно развалившихся на подушкахъ своихъ роскошныхъ каретъ, съ неизмѣнной сигарой въ зубахъ, съ наглой бритой физіономіей, въ обществѣ легкомысленныхъ, разряженныхъ въ золото, драгоцѣнности и дорогіе мѣха, женщинъ.

Эта новая буржуазія, выросшая изъ крови и дыма войны, пошлая, грубая, самоувѣренная, производитъ отвратительное впечатлѣніе.

Я думаю, одинъ видъ ихъ дѣйствуетъ на толпу сильнѣе тысячи прокламацій...

Въ юго-восточной части Берлина, растекаясь на нѣсколько рукавовъ, Шпрее образуетъ рядъ небольшихъ островковъ, убранныхъ зеленью, наполненныхъ ресторанами и безчисленными кафе.

Это — Трептовъ.

Сидя на открытой террасѣ, я часто любуюсь, какъ съ наступленіемъ сумерекъ, одинъ за другимъ вспыхиваютъ огни, опоясывая красивой гирляндою берега. Тысячи лодокъ скользятъ по тихой водѣ. Въ лодкахъ сидятъ голубоглазыя дѣвушки въ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмахъ, молодые люди, въ коротенькихъ безрукавкахъ, съ мускулистыми загорѣлыми руками. Съ лодокъ доносится смѣхъ, звонкія восклицанія, пѣсни.

Много отдѣльныхъ парочекъ, нѣжно склонившихся другъ къ другу, переплетенныхъ объятьями, нашептывающихъ въ ночномъ сумракѣ то, о чемъ думалось днемъ... Надъ городомъ опускается темный шелковый занавѣсъ, глуше становятся шумы, миріадами электрическихъ свѣтляковъ унизаны зеленые берега...

И все сильнѣй томятъ и тревожатъ меня предчувствія, въ эти теплыя берлинскія ночи...

Предчувствія меня не обманули.

Былъ такой вечеръ и былъ такой часъ, когда я получилъ неожиданное извѣстіе. Оно не вызывало сомнѣній. Письмо было написано знакомой рукой и на конвертѣ стоялъ штемпель родного города, за рубежомъ.

Мои надежды не оправдались.

Мой ангелъ-хранитель отлетѣлъ отъ меня навсегда.

Навсегда, навсегда!..

Я не плакалъ.

Горечь и злорадство овладѣли моей душой... Я имѣлъ лишнее доказательство, что нѣтъ въ мірѣ ничего прочнаго и постояннаго... Что любовь, дружба, привязанность — ничего не стоятъ въ этомъ океанѣ Времени и Пространства... Все суета суетъ — и люди, и ихъ идеи, и все человѣчество...

И терзало сознаніе, почему все устроено такъ, что лучшее, чистое и святое преждевременно уходитъ навѣки, все гнусное продолжаетъ торжествовать...

А іюльскій вечеръ былъ такъ чудесенъ.

Золотыми огнями дрожала рѣка...

Звучалъ женскій смѣхъ...

Доносилась мелодія стараго ланнеровскаго вальса...

Я же былъ одинъ въ цѣломъ мірѣ, всѣмъ чужой, всему чуждый и одинокій, какъ никогда...

Пароходъ „Регина".

Мной овладѣло желаніе немедленно покинуть этотъ чудовищный городъ, въ которомъ я почувствовалъ себя вдругъ такимъ жалкимъ, такимъ ничтожнымъ. Ударъ, развѣявшій мои надежды,

заставилъ меня бѣжать изъ Берлина, не задерживаясь въ немъ ни на одинъ лишній день.

Необходимо было лишь уладить формальности.

Уплативъ „штейеръ", въ размѣрѣ тридцати мильоновъ марокъ — стоимости коробки дешевыхъ сигаръ, отмѣтившись въ полицейскомъ участкѣ, я предпринялъ шаги для полученія выѣздной визы.

Кто не знаетъ знаменитое красное зданіе полицей-президіума на Александръ-плацѣ? Я былъ въ немъ уже нѣсколько разъ, и, не дождавшись очереди, уходилъ. Безконечное ожиданіе утомляло и раздражало.

Однажды, когда въ залѣ было меньше народа, я рѣшилъ во что бы ни стало выполнить требовавшуюся формальность. На другой день предполагалъ покинуть Берлинъ.

Когда дошла очередь и, облегченно вздохнувъ, я протянулъ чиновнику паспортъ, казалось, что мытарства подходятъ къ концу.

Но это только казалось.

Толстый нѣмецъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на паспортъ Земскаго Края, посмотрѣлъ на демократическую „курицу", повертѣлъ паспортъ въ рукахъ и съ хохотомъ швырнулъ на прилавокъ:

— На ну!.. Эсъ истъ кейнъ пассъ!.. Нихтъ варъ?..

Сдерживая себя, я пытался объяснить чиновнику несообразность его замѣчанія.

Съ этимъ паспортомъ, слава Богу, я совершилъ почти кругосвѣтное путешествіе. Съ этимъ паспортомъ я проживаю въ Берлинѣ болѣе полугода. Паспортъ заявленъ въ участкѣ и не возбуждаетъ сомнѣній. Совѣтскій паспортъ получить не могу да, впрочемъ, и не желаю. Другихъ документовъ у меня нѣтъ.

Теперь я покидаю Германію. Нѣтъ ничего болѣе логичнаго, какъ поставить выѣздную бер-

лийскую визу и отправить меня ко всѣмъ святымъ... Нихтъ варъ?..

Чиновникъ оставался неумолимъ.

Онъ продолжалъ хохотать, стучалъ сгибомъ толстаго пальца по паспорту, показывалъ его своимъ коллегамъ и, въ заключеніе, потрепавъ меня по плечу, указалъ на дверь...

Я принялъ отчаянное рѣшеніе.

На другой день, скорый поѣздъ мчалъ меня въ Штеттинъ.

Черезъ два часа я былъ уже въ этомъ городѣ. Еще черезъ полчаса, стоялъ на пристани, съ изумленіемъ разглядывая отходившій въ Ригу пароходъ.

— „Регина"!..

Да, старушка „Регина", съ столь хорошо знакомымъ корпусомъ, трубой и всѣмъ такелажемъ!..

Трудно было не улыбнуться...

Однако, формальности еще не закончены. Выѣздной визы у меня всетаки нѣтъ. Это расхолаживаетъ нѣсколько настроеніе.

На палубѣ стоитъ капитанъ.

Маленькій румяный крѣпышъ, съ достаточно симпатичнымъ лицомъ. Капитанъ не отказываетъ въ любезности просмотрѣть документы. Паспортъ Земскаго Края не производитъ на него рѣшительно никакого впечатлѣнія. Штейеръ уплоченъ, все кажется въ полномъ порядкѣ:

— Аллесъ инъ орднунгъ!.. Аберъ, мейнъ геръ... У васъ кажется нѣтъ выѣздной визы?.. Нихтъ варъ?..

И капитанъ, въ десятый разъ, добросовѣстно перелистываетъ страницы.

Я долженъ пуститься на хитрость:

— Виза?.. Развѣ это такъ необходимо?.. У меня „дурхрейзе"!.. Мой конечный пунктъ — Рига!..

Капитанъ становится сразу серьозенъ:

— Не валяйте мнѣ дурака!.. Замѣчательно!..

Человѣкъ живетъ полгода въ Берлинѣ и говоритъ мнѣ про дурхрейзе!.. Удивительно!.. Бѣгите немедленно въ полицей-президіумъ!.. Черезъ часъ „Регина“ отходитъ!...

Штеттинская полиція отличается отъ берлинской.

Чиновникъ съ подвязанною щекой благосклонно выслушиваетъ мою повѣсть. Предложенная, во время бесѣды, сигара располагаетъ его окончательно въ мою пользу.

Все улаживается благополучно...

Протяжно гудитъ труба. Раздается команда. Убирается трапъ.

„Регина“ отдѣляется отъ пристани, медленно разворачивается и направляется къ выходу.

Послѣдній этапъ.

„Регина“!..

Съ этимъ именемъ связаны острыя воспоминанія.

Девять лѣтъ тому назадъ, въ самомъ началѣ войны, „Регина“ вышла изъ рижскаго порта, намѣреваясь проскочить въ Штеттинъ. Крѣпостная брандвахта, по моему приказанію, задержала ее при выходѣ въ море.

„Регина“ была передѣлана подъ плавучій госпиталь и добросовѣстно обслуживала усть-двинскую крѣпость въ теченіе всей войны.

Теперь, на этой „Регинѣ“, моемъ первомъ военномъ трофеѣ, мнѣ предстоитъ послѣднее путешествіе въ Ригу, къ давно покинутымъ роднымъ берегамъ.

Въ этомъ есть что-то провиденціальное...

Въ моемъ бумажникѣ два англійскихъ фунта. Но по привычкѣ, я продолжаю считать себя милліонеромъ. Я не взялъ мѣста въ каютѣ только потому, что свободныхъ не оказалось.

Подобно тому, какъ нѣкогда на „Лорестанѣ“, я помѣстился въ трюмѣ.

Но здѣсь больше комфорта.

Очень опрятно и чисто, все какъ слѣдуетъ пригнано и сдѣлано съ нѣмецкою аккуратностью. Къ тому же спутники люди вполнѣ интеллигентные — профессоръ, два педагога, магистръ богословскихъ наукъ, три-четыре нѣмецкія дамы, изъ коихъ одна даже баронесса.

Впрочемъ, трюмъ служитъ мнѣ исключительно пристанищемъ на ночь, вѣрнѣе, на тѣ двѣ ночи, которыя приходится провести въ морѣ. Все прочее время сижу наверху, въ каютъ-компаніи перваго класса. .

Хмуро и непривѣтливо Балтійское море.

Сегодня только первое сентября. Между тѣмъ, солнце куда-то спряталось. По небу гуляютъ сѣрыя тучи. На морѣ волненіе. „Регина“ зарывается носомъ въ блѣднозеленыя волны и переваливается, какъ утка, съ боку на бокъ.

Въ каютъ-компаніи сидитъ до двадцати человѣкъ.

Среди нѣмецкаго языка можно уловить русскую рѣчь. Знакомство совершается быстро.

Противъ меня сидитъ красивый брюнетъ, съ мягкими вдумчивыми глазами. Это извѣстный артистъ, талантливый комикъ — Юрій Яковлевъ, приглашенный изъ софійскаго національнаго театра въ Русскую Драму. Онъ ѣдетъ съ женой, миловидной болгаркой, и маленькимъ сыномъ.

Изъ русскихъ пассажировъ ѣдетъ еще молодой человѣкъ, неопредѣленной наружности и профессіи. Какъ потомъ оказалось, это извѣстный чемпіонъ по лаунъ-теннису.

Наконецъ, вниманіе обращаетъ господинъ въ сѣромъ пиджакѣ, съ мятымъ воротничкомъ. Весь онъ какой-то встревоженный, настороженный. Разговориться съ нимъ нелегко. Это гражданинъ совѣтской Россіи, въ бывшемъ — со-

трудникъ „Русскаго Слова“, въ настоящемъ — чиновникъ изъ Госиздата, возвращающійся въ Москву изъ научной командировки.

Въ этой разнообразной компаніи проходятъ два дня.

Эпилогъ.

Реветъ пароходная труба. Пассажиры выходятъ на палубу. Въ розовомъ утрѣ бѣлѣетъ усть-двинскій маякъ.

Уже видѣнъ куполъ крѣпостного собора и зеленые брустверa, опоясывающіе щитомъ цитадель. Усть-Двинскъ — „крѣпость-курортъ“ — проплываетъ передъ глазами и будитъ рой далекихъ воспоминаній.

Четыре года жизни связаны съ его верками и батареями, съ каштанами и сиренями офицерскаго садика, съ его бархатнымъ пляжемъ на морскомъ берегу.

Четыре мѣсяца боевой жизни были заняты здѣсь лихорадочною работой.

Прошло девять лѣтъ!.. Точно ничего не измѣнилось... Тѣ же зеленые брустверa... Та же тихая Аа съ ветхой деревянною пристанью... Тѣ же самыя бѣлыя чайки, съ жалобнымъ стономъ кружащіяся надъ водой...

А на правомъ берегу — Магнусгольмъ, въ шапкѣ хвойнаго лѣса, съ бѣлыми флигелями, съ поселками рыбаковъ, съ лугами, озерными заводями и камышомъ, въ которомъ всегда держались утки...

„Регина“ рѣжетъ грудь величавой Двины.

Промелькнулъ Ринушъ, за нимъ Мюльграбенъ. Уже виднѣется желѣзное кружево моста. Безконечно знакомый и родной городъ плыветъ ближе и ближе. Яркое солнце играетъ на пѣтухахъ рижскихъ кирокъ.

Это же солнце сверкало и раньше.

На мгновенье, въ сознаніи скользятъ тропическія видѣнія — несказанный Цейлонъ, сингапурскія ночи, золотые корабли Гонгконга...

Все промелькнуло, какъ сонъ!

На пристани грохочетъ портовая суета. Полицейскіе-картибнѣки осаживаютъ толпу. Смѣются свѣтлоголовыя яункундзе. Ясный день зажигается надъ столицей.

— Свейксъ, яуна Латвія!

Путешествіе кончено.

Вмѣстѣ съ „Региной“, бросаю свой якорь...

„А если не солнцемъ — медузой
Ты станешь во тьмѣ голубой:
Я всѣ корабли поведу
За блѣднымъ сіяньемъ — Тобой!...“

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Владивостокъ. Глава первая, начинающаяся аметистами дымчатыхъ сопокъ въ бронзовой оправѣ заката.

Фузанъ. Глава вторая, проливающая розовый свѣтъ на страну „Утренняго Спокойствія".

Нагасаки. Глава третья, о листкахъ съ японской натуры и бѣлыхъ лепесткахъ душистой вишни-сакуры.

Цингтао. Глава четвертая или блекло-зеленая повѣсть о „Спящей Красавицѣ".

Шанхай. Глава пятая, посвященная, въ частномъ и въ цѣломъ, обозрѣнію „Желтаго Дьявола".

Гонгконгъ. Глава шестая, въ которой авторъ наблюдаетъ золотой міръ съ высоты тысячи метровъ надъ уровнемъ моря.

Сингапуръ. Глава седьмая, о Великихъ Воротахъ и о людяхъ изъ бронзы и мѣди, объ экваторіальныхъ широтахъ и объ англійской лэди.

Пенангъ. Глава восьмая, о спасательныхъ лодкахъ и о бравыхъ датчанахъ, о кофейныхъ красоткахъ и малайскихъ романахъ.

Кэнди. Глава девятая, переносящая автора, вполнѣ реальнымъ и комфортабельнымъ способомъ, въ „Потерянный Рай".

Индійскій океанъ. Глава десятая или размышленія русскаго человѣка, на синихъ волнахъ океана, въ знойный декабрьскій день.

Портъ-Саидъ. Глава одиннадцатая, въ которой вѣетъ красное дыханіе африканской зимы.

Александрія. Глава двѣнадцатая, о музеяхъ, александрійскихъ Венерахъ и прочемъ, съ бирюзовою сказкой изъ тысячи второй ночи.

Роттердамъ. Глава тринадцатая, въ которой червонное золото и сапфиры экзотики уходятъ въ далекое прошлое.

Гамбургъ. Глава четырнадцатая, въ которой авторъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за сѣрый цвѣтъ неба.

Берлинъ. Глава пятнадцатая, безъ особой системы, съ варіаціями на разноцвѣтныя темы.

Рига. Глава шестнадцатая и послѣдняя, на которой авторъ, съ удовлетвореніемъ, ставитъ большую черную точку.

Того же автора:

1. **Императорскіе фазаны.** Разсказы.
2. **Орхидея.** Тропическія рифмы.
3. **Китайскія тѣни.** Повѣсть. Въ печати.
4. **Одуванчики.** Разсказы. Въ печати.
5. **Красный хороводъ.** Эскизы. Въ печати.